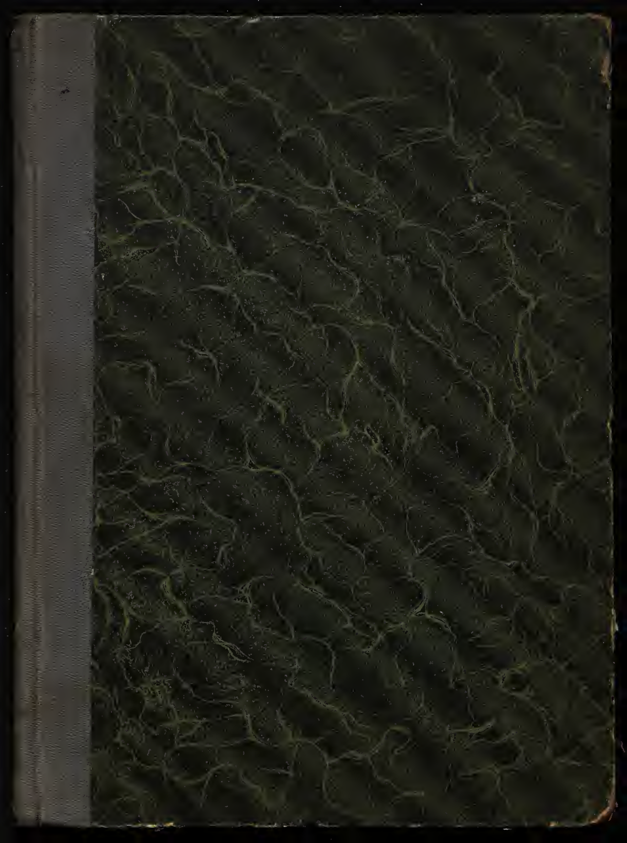

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Московский Комитет Р. К. П. (больш.)

ГУБЕРНСКОЕ БЮРО КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р. К. П. (больш.)

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ и РАЙОНАХ

(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ)

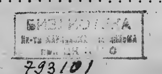
Издательский кооператив „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ".

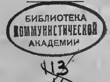
МОСКВА — 1922.

(Р. Ц. Москва). № 255. Напеч. 3.000 экз.

1-я Образцовая типогр. М. С. Н. Х., Москва, Пятницкая, 71.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Сколько бы ни говорили наши противники, что Октябрьская революция была совершена кучкой интеллигентов-большевиков, что диктатура пролетариата—это захват власти кучкой заговорщиков,—мы, революционные марксисты, все время утверждали, и до, и после Октябрьской революции, что рабочий класс России вплотную подошел к ней уже вскоре после Февральской. Весь период от последней до Октябрьской можно рассматривать, как развязывание пролетариатом революционного узла, образовавшегося в процессе борьбы классов за власть. И смена временных правительств, и корниловщина, и июльские дни составляют только развязывание отдельных звеньев этого узла под напором рабочего класса и крестьянства.

Октябрьская революция не просто разрубила этот Гордиев узел, а явилась последним естественным, органическим актом пролетариата, покончившего с последней петлей этого узла и тем выпрямившего линию революции.

Но конкретно и мы до сих пор не представляем себе ту роль, которую сыграл в этой революции средний рабочий. Многие все еще склонны представлять дело так, что рабочая и солдатская масса, конечно, принимала активное участие в перевороте, но решающую роль играли „вожди".

Предлагаемый сборник, несомненно, рассеет эти неправильные представления.

Авторы воспоминаний в большинстве не профессиональные революционеры, не профессиональные политики, не профессиональные журналисты, а средние рабочие, которые „не мудрствуя лукаво", рисуют дело так, как оно было на самом деле, как оно им представляется. Ценным в этих воспоминаниях является то, что авторы делились ими большей частью на митингах, в присутствии массы рабочих, имевших возможность вносить фактические поправки. Этим самым приобретает особую историческую ценность фактическая сторона воспоминаний.

Общая картина, которая получается по прочтении предлагаемого сборника, такова: не „вожди“ толкали — „массу“ на выступление, а сами „массы“ побуждали „вождей“ вести бой до „победного конца“.

Были моменты колебания „вождей“, были моменты, когда представители военно-революционного Комитета Москвы готовы были пойти на соглашение с белыми, но „массы“ толкали их влево и решительно сопротивлялись всяким соглашениям. Надо отдать дань справедливости правительству Керенского: ненависть к буржуазии, которую оно посеяло в массах, была безгранична. Никакая революционная агитация по своей силе и результатам не может сравниться с революционизирующим влиянием контр-революционного режима соглашательского правительства. О каком-либо компромиссе с этим ненавистным правительством и его агентами массы и слышать не хотели.

Классовое чутье масс—вот настоящий „вождь“ Октябрьской революции.

Предлагаемый сборник не претендует на исчерпывающую полноту. Дать полную картину Октябрьской революции в Москве — это работа сложная и длительная. Для этого придется еще выпустить не один том, придется разыскать и опубликовать не мало документов. Но на ряду с имеющимися в печати материалами этой эпохи он представляет собой, несомненно, ценный материал для будущего историка Октябрьской революции.

К слабым сторонам сборника нужно отнести его некоторую односторонность. Во всех воспоминаниях авторы касаются почти только боевых эпизодов Октябрьской революции и не останавливаются совершенно или останавливаются вскользь на других сторонах, напр., совсем не развит вопрос о продовольственном снабжении бойцов и населения во время переворота, о санитарной организации.

В последующих сборниках этот пробел будет восполнен.

Вторая слабая сторона сборника—это скудный материал о погибших в Октябрьскую революцию. К сожалению, все попытки Губбюро Истпарта получить через наши районные организации более обильные сведения, не увенчались успехом. Надо надеяться, что и этот пробел в последующих сборниках будет восполнен.

Что касается воспоминаний об Октябрьской революции из уездов Моск. губернии, то они поступают очень туго и не совсем в большинстве по своей схематичности подходят к печати. Дабы не задерживать издания настоящего сборника, редакция сочла нужным все „воспоминания“ из уездов поместить в следующем сборнике об Октябре.

Необходимо сказать несколько слов о распределении материалов настоящего сборника. Некоторые районы представлены в этом сборнике небольшим количеством статей (как, напр., Городской, Замоскв.), другие значительным: Рог.-Симон., Кр.-Пресненск. Было бы ошибочно сделать отсюда вывод, что районы принимали участие в Октябрьской революции в меру помещенных в этом сборнике статей. В этом смысле сборник далеко не является отражением степени участия районов в Октябрьской революции. По количеству статей каждого района можно судить, в лучшем случае, о деятельности районов и районных бюро Истпарта по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции.

Все статьи этого сборника состоят большею частью из стенограмм речей - воспоминаний на районных митингах 6 ноября 1921 года, частью из перепечатанных статей из юбилейных газет (главным образом, Кр.-Пресненский район, представлен статьями из газет „Красная Пресня" № 2 и „Юбилейная Газета" ком-ячейки N-ского завода) и меньшею частью из оригинальных статей.

Все статьи подверглись незначительным редакционным изменениям.

С. Черномордик.
(П. Ларионов).

1 января 1922 г.

Ин. Стуков.

Четвертая годовщина.

(Речь, произнесенная в Введенском Народном Доме 6 ноября 1921 г.).

Сегодняшний вечер мы вспоминаем октябрьские события. Возникает вопрос: что собственно побуждает нас сегодня, накануне 4-й годовщины Октябрьской революции, вспомнить о том, что было в эти дни 4 года тому назад? Какие причины побуждают нас оглянуться и восстановить в своей памяти живую картину решительной схватки между старым и новым миром? Я полагаю, что сейчас, в 4-ю годовщину, у нас у всех назрела потребность вспомнить о своем участии в этой борьбе и подвести итоги ей. 4 года держалась Советская власть. Это не шутка,—4 года продержаться при таких неслыханно-трудных условиях, которые у нас за это время имелись и имеются. Это не то, что просто перейти поле. Нужна была, очевидно, какая-то закалка, нужно было иметь, очевидно, налицо какую-то глубоко и твердо усвоенную идею, цель, которые давали бы силы российскому пролетариату, и крестьянству возможность выдержать эту неслыханно-трудную борьбу. И вот, когда мы теперь оглядываемся назад, мы понимаем в чем тут дело.

Мы понимаем прежде всего следующее: февральско-мартовская революция произошла при условиях, когда народ устал от чуждой ему империалистической войны, при наличии монархической реакционной буржуазии, при наличии абсолютной неспособности так называемых соглашателей руководить революционным движением и отстоять насущные интересы трудящихся. При этих условиях было ясно, что только единственный класс, организованный и революционный до мозга костей, обладающий здоровым классовым революционным инстинктом и имеющий во главе твердо построенный революционный аппарат—партию большевиков,—только, очевидно, этот класс дружным усилием мог что-то сделать. Одним словом, товарищи, мы сейчас можем констатировать следующее: революция в России произошла в таких исторических условиях, когда ни один общественный класс в России не мог серьезно поставить дело освобождения трудящегося класса в России, ни один класс не мог поставить это дело на надлежащие рельсы, кроме одного пролетарского класса. Это—одно, что мы сейчас можем сказать вполне твердо и определенно. Второе, что мы можем сказать, это то, что если в России революция произошла в таких условиях, что только один пролетариат мог обеспечить ее завоевания, что только этот класс мог поставить интересы трудящихся на должную высоту, противопоставить их интересам эксплоататоров,—то, очевидно, этот класс и должен был решить судьбы революции соответствующими способами и методами. И прежде всего он должен был устранить то, что грозило элементарнейшим завоеваниям революции. Это—война. Кто мог разрешить этот вопрос, кто мог разбить созданную империалистической войной невыносимую обстановку? Только пролетариат! Каким способом? Способом решительного устранения буржуазии и всех тех, кто стоял и поддерживал буржуазию. Таким образом, мы можем сказать,

что только пролетариат мог победить чудовищную войну и ее последствия. Только один пролетариат мог это сделать и мог это сделать только путем вооруженного восстания, не путем соглашения, а путем открытого и решительного боя.

Дальше, что мы сегодня можем учесть и чем поделиться? Мы можем сказать: октябрьский переворот был совершен не кучкой злоумышленников, а массой российского пролетариата и крестьянства, что этот Октябрь был исторически неизбежен. Но как эта историческая неизбежность проникла в сознание широких слоев рабочего класса и крестьянства? Когда мы взяли власть в свои руки, перед нами была неизвестная для нас перспектива. Перед нами стояла задача, что взяв власть, мы должны создать для существования ее все необходимые условия. В этом вопросе мы были до известной степени наивны и не представляли себе конкретно, что нам, только что ставшим у власти, придется эту молодую неокрепшую власть сейчас же защищать от бешенных вековых врагов, опытных в борьбе, опытных в том, чтобы последовательно и систематически душить рабочий класс. Когда мы стали у власти, мы вынуждены были увидеть эту опасность. Но мы были неподготовлены. И, однако, несмотря на это, мы приняли гражданскую войну, которая была нам навязана. Мы не могли ее не принять, потому что власть была взята с ясным и полным сознанием, что другого выхода нет и не могло быть. Это сознание, эта приверженность к идее Советской власти и то, что Советская власть сейчас же, по своем возникновении, разрешила основные вопросы, которыми жила масса рабочих и крестьян,—вопрос о войне и мире, вопрос о земле,—сделало то, что широкие массы, несмотря на то, что они технически не были подготовлены, не могли не принять вызова, и гражданская война началась и окончилась победоносно для нас, ибо тут были единая вера, единое желание отстоять завоеванные позиции. При наличии этого многомиллионный организм не мог быть уничтожен никакими оккупациями, и всякие оккупационные армии, все войска, — будь то французские или английские, — не могли устоять на раскаленной докрасна революционной почве России. Эти войска, когда они вступали на нашу землю, начинали заражаться нашим революционным духом. Мы можем теперь с твердою уверенностью сказать, что российский пролетариат, крестьянство в октябрьские дни не совершили преступления, а выполнили величайшее дело в истории, в области освобождения не только российского, но мирового пролетариата. Мы ссорились с вами много, много было недоразумений, но пролетариат всегда говорил в решительный момент: «Нет, Советская власть—своя, родная, выстраданная нами. Пусть она оборвана, нища, голодна, пусть она обобрана, но это своя родная *Советская* Россия, нами созданная, нашими собственными руками, и мы ее никому не отдадим». Вот что можно сказать сейчас, в 4-ю годовщину.

В 4-ю годовщину мы вспоминаем прежние события еще и потому, что мы теперь стоим на рубеже. Мы прошли один этап,— этап непосредственной борьбы с нашим врагом. Теперь мы входим в другой этап, еще более трудный, и нам, чтобы собраться с силами, еще больше набраться решимости,— необходимо оглянуться назад. Какой же мы этап переживаем? Надо сказать, что пролетарская революция—это такая революция, которая идет не просто от одной победы к другой, а что это революция, которая, одерживая блестящие победы, знает и глубокие поражения. Эта революция длительна, ибо ее цель—ликвидировать старый мир, сложившийся веками, тысячелетиями. Такое дело свершается не в один день, не в один месяц, а годами, труднейшими годами в труднейшей обстановке. Пролетарская революция в первой стадии приносит непосредственных выгод мало. Мы говорим, что в резуль-

тате борьбы революция одержала блестящие победы над вооруженными силами старого капиталистического мира, но мы принуждены отступить перед другой силой капитала, перед экономической силой. Разруха, голод, неустройство в области хозяйственной жизни заставляют нас отступить на один шаг назад, но это отступление должно расцениваться не как поражение революции, а должно расцениваться так, что мы в условиях этого отступления обеспечиваем за собою более твердую почву для того, чтобы повести новый очередной натиск, сделать его более сильным, более организованным, с большими рессурсами. Мы отступаем на один шаг назад перед натиском экономически враждебных сил, но мы оставляем за собой основное—оставляем за собой власть пролетариата, оставляем за собой становой хребет политической власти пролетариата—диктатуру пролетариата, оставляем за собой ключ хозяйственной жизни—крупную промышленность, и этих позиций не сдадим. Мы принуждены были отступить, чтобы перегруппироваться и двинуться дальше. Мы не раз отступали, но это не внушало и не должно внушать нам паники. Борьба не есть только одна сплошная победа; мы привыкли наносить удары другим, но привыкли их и получать от врага опытного и умелого и учиться на этих ударах. Задача сейчас, после 4-летней борьбы с оружием в руках, такова: на фронте хозяйственного строительства нанести врагу смертельный удар. Вот в чем заключается наша задача. Памятуя, что 4 года мы продержались, что пролетариат попрежнему стоит на почве диктатуры, что он попрежнему полон решимости пойти против буржуазии; памятуя, что он в самых тяжелых условиях эту диктатуру сохранил; памятуя это, можно смело сказать: 4 года мы боролись, отступали и, наконец, победили, и теперь, отступив, твердо верим, что мы в недалеком будущем перейдем в дружное наступление по всему фронту. Это будет воистину последний бой. Да здравствует Октябрьская революция, давшая российскому пролетариату диктатуру! Да здравствуют рабочие России! Да здравствует Красная армия! Да здравствует юношество, которое приняло и принимает горячее участие в борьбе! Да здравствует Российская коммунистическая партия, которая вела трудящихся в бой, которая поведет их и дальше!

В центре.

Манифест Военно-Революционного Комитета Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов [1]).

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ МОСКВЫ.

Товарищи и граждане!

После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против Революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов—солдат и рабочих—была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть—власть Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского пролетариата и гарнизона. Под грохот мировой борьбы в столице России центральная государственная власть перешла в руки Всероссийского С'езда Советов. Это—власть самого народа: рабочих, солдат, крестьян. Это—власть мира и свободы. Это—власть, которая уже предложила мир, передала землю крестьянам, отменила смертную казнь, введенную изменником Революции Керенским. Верховный полномочный орган всей российской демократии выдвинул ее. И всякий, кто поднимает против нее вооруженную руку, будет сметен революционным народом.

Московская буржуазия пулеметами юнкеров и револьверами белой гвардии об'явила восстание против народного Правительства. Ей нужно было снова возвратить землю помещикам, восстановить смертную казнь, затянуть дело мира.

Беззаветный героизм солдат и Красной рабочей гвардии спас революцию. Сломив сопротивление врага, Военно-Революционный Комитет об'являет от имени рабочих и солдат:

Все меры будут приняты для восстановления нормальной жизни города. Фабрики и заводы будут пущены в ход по приказу Комитета. Банки, конторы и магазины откроются по распоряжению. Все будет сделано для обеспечения города продовольствием. Нарушители Революционного порядка — грабители, погромщики, мародеры, торговцы спиртом будут судимы беспощадным судом.

Товарищи и граждане!

Весь мир переживает колоссальный кризис. Война, вызванная капиталом, привела к глубокому потрясению, всколыхнув рабочие массы во всех странах. Повсюду наростает революция пролетариата. И русскому рабочему

---

[1]) Орфография сохранена.

классу выпала великая честь первому низвергнуть господство буржуазии. Впервые в человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своею кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции.

СЛАВА ПАВШИМ В ВЕЛИКОЙ БОРЬБЕ.

ДА БУДЕТ ИХ ДЕЛО—ДЕЛОМ ЖИВУЩИХ.

Военно-Революционный Комитет Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

Ин. Стуков.

Переговоры с Губернским Советом Крестьянских Депутатов.

Попытки Викжелевцев «восстановить единый демократический фронт» не удались. Однако 31 октября, т.-е. после того, как истек срок «перемирию», представители Крестьянских Депутатов Московского Губернского Совета эту попытку возобновили.

У меня сохранился нижеследующий документ, относящийся к этому моменту и исчерпывающе освещающий всю фактическую сторону переговоров с представителями Крестьянских Депутатов.

Переговоры с Советом Крестьянских Депутатов.

В 4 часа дня 31 октября в Военно-Революционный Комитет прибыл представитель Губернского Совета Рабочих Депутатов т. Литкенс, который от имени Совета Крестьянских депутатов предложил Военно-Революционному Комитету вступить в переговоры с делегатами Совета Крестьянских Депутатов. В 6 часов вечера прибыли делегаты от Крестьянских Депутатов, которые предложили приблизительно следующую платформу:

1) Прекращение военных действий.
2) Немедленная организация однородного революционного министерства.
3) Восстановление Советов и предоставление им свободы работы.
4) Приступить к усиленной подготовке к выборам в Учредительное Собрание.
5) Войска должны быть разведены. Штаб приступает к этой работе при посредстве и контроле Совета Солдатских Депутатов.
6) Восстанавливается работа Думы.

После долгих переговоров со стороны Военно-Революционного Комитета была предложена следующая формулировка основных пунктов предварительного проекта соглашения:

1. Вся власть Советам, как в центре, так и на местах. Советы выдвигают однородное социалистическое министерство, составленное из всех социалистических партий, (исключая народных социалистов). Однородное социалистическое министерство ответственно перед Советами.

2. Власть в Москве принадлежит органу, выдвинутому Советом Рабочих и Солдатских депутатов, при чем этот орган кооптирует в свой состав от ряда общественных организаций (от С. Р. и С. Д.—7, от С. К. Д.—1, от Губ. Совета—1, Гор. Думы—1, Советов Районных Дум—1, Центрального Бюро Професс. Союзов—1, Почтово-телеграфного союза—1, Викжеля—1).

3. По вопросу о созыве Учредительного Собрания представители Военно-Революционного Комитета заявили, что они также настаивают на немедленном созыве Учредительного Собрания и на усиленной подготовке к выборам.

4. По вопросу о восстановлении работ в Думе делегаты заявили, что они против этого не возражают.

5. Войска должны быть разведены по заключении мира организованным Советом Штабом, при чем вся работа протекает при посредстве и контроле Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

На вопрос делегатов Военно-Революционного Комитета, каким образом участвуют в Комитете Спасения представитель Совета Крестьянских Депутатов, делегаты Крестьянского Совета заявили, что они не давали ему мандата на борьбу с советскими войсками.

После переговоров делегаты Совета Крестьянских Депутатов заявили, что они доложат Исполнительному Комитету Совета Кр. Деп. о результатах своих переговоров, при чем выяснилось, что делегация в значительной мере соглашается со многими положениями, за которые борятся революционные рабочие и солдаты под знаменем Советов.

Такова фактическая, протокольная сторона переговоров. Возникает, однако, вопрос, каким образом представители Военно-Революционного Комитета могли предложить такую платформу предварительного соглашения, в которой говорится об «однородном социалистическом министерстве», о включении в орган власти представителей различных общественных организаций и т. п.?

Переговоры со стороны Военно-Революционного Комитета велись двумя лицами: тов. Ломовым и пишущим эти строки. Оба эти члена Комитета принадлежали к той его части, которая все время требовала решительной борьбы, отбрасывая всякую мысль о каком-либо соглашении. Особенно твердо стоял на этой позиции автор этих строк.

Идя на переговоры, мы ставили себе задачу: если не привлечь другую сторону к себе, то удержать ее в *нейтральном положении.*

До этого момента позиция Крестьянских Депутатов была для нас в значительной степени неясна. В нашем распоряжении был один факт: присутствие в «Комитете Спасения» представителя от Совета Крестьянских Депутатов. Учитывая, однако, что это могло быть самозванным представительством [1]), которое усиленно тогда практиковалось г.г. эс-эрами и меньшевиками, мы, разумеется, не могли опираться на этот факт в своих предположениях о позиции Совета Крестьянских Депутатов.

Формулированную выше задачу мы могли выполнить при одном условии: настаивая на основном пункте: *вся власть Советам,*—делать в то же время в других отношениях ряд *формальных* уступок, которые бы при победе над Рудневым и Рябцевым сами собой отпадали.

При ознакомлении с проектом соглашения, такая тактика в наших глазах стала еще более необходимой: без формальных, золотящих пилюли уступок нельзя было бы мирно разойтись с представителями Крестьянского Совета, нельзя было бы поставить их на нейтральную или сочувствующую нам позицию. Мы, тщательно раз'ясняя представителям Крестьянского Совета смысл событий и наши цели,—добились от них признания главного для нас: *«вся власть Советам в центре и на местах»,* сделав им уступки формального и декларативного характера.

При докладе о наших переговорах Военно-Революционному Комитету мы получили полное одобрение.

Достигнув этими переговорами не только нейтрального, но и сочувственного отношения Крестьянских Депутатов к тем положениям, «за которые борятся революционные рабочие и солдаты под знаменем Советов»,— Военно-Революционный Комитет мог быть спокоен и направить все свои силы для скорейшей победы над «Комитетом Спасения».

В заключение несколько слов об остановке переговоров.

Переговоры велись в одной из комнат верхнего этажа здания В.-Рев. Комитета. Окна комнаты выходят на Советскую площадь (бывш. Скобелевская). Во многих местах эти окна были прострелены, так как со стороны Столешникова переулка здание Совета обстреливалось юнкерами. Делегация от Крестьянских Депутатов держалась робко и с опаской посматривая на простреленные окна. Литкенс, прибывший вместе с делегацией, держался,

[1]) Как явствует из документа, так оно и было.

однако, тверже. Мы предложили делегатам сесть так, чтобы предохранить себя от случайной или нарочитой пули. Делегация состояла из 4—5 человек, не считая тов. Литкенса (Литкенс—ныне коммунист, а в то время—с.-д. интернационалист). Во время переговоров робость у делегатов—крестьян, однако, прошла. Расстались мы, как товарищи.

В наших аргументах за основной пункт наших условий («вся власть Советам») особенное, исключительное значение имели декреты о земле и мире, о которых нам уже было известно. Эти два декрета Совета Народных Комиссаров оказывали неотразимое впечатление на депутатов. Перед ними они просто пасовали. Это же магическое действие двух декретов пришлось наблюдать и в переговорах с делегациями различных фронтовых частей.

Так закончилась попытка Совета Крестьянских Депутатов «восстановить единый демократический фронт».

Ин. Стуков.

Отдельные моменты великих дней.

Когда мысленно остановишься на героических днях Октябрьской революции, то невольно начинаешь испытывать чувство досады и угрызения совести. Никто из нас, так называемых ответственных работником и активных участников переворота, не позаботился о том, чтобы *тогда же* отметить, зафиксировать то, что видел, что делал и т. д., и что уж в значительной степени стерлось в памяти за эти многотрудные 4 года. И неправда, что этого невозможно было делать. Трудно—да, но не невозможно.

Еще досаднее становится, когда вспомнишь, что часть ценнейших документов Московского Военно-Революционного комитета были уничтожены в один из самых критических моментов. Было ли официально постановлено уничтожить все протоколы и прочие документы, сделал ли такое распоряжение кто-либо из членов Комитета или, наконец, документы были уничтожены кем-либо из канцелярии,—я не помню,—но факт остается фактом. Октябрьские дни в Москве приходится поэтому описывать в значительной степени только по памяти и по тем скудным материалам, которые так или иначе очутились в руках отдельных товарищей и сохранились ими.

Несколько документов оказалось и в руках пишущего эти строки. Во время моего пребывания на фронте, вообще вне Москвы (около 2½ лет) часть этих документов затерялась, а из сохранившейся части некоторые документы попортились [1]).

Сохранившиеся документы фактируют весьма интересные моменты. Нелишне поэтому дать им некоторое освещение.

Шантажисты.

Перед нами разговор по прямому проводу представителя Всероссийского Исполнительного Комитета Железнодорожников (Викжель) Вомпе из Петербурга с представителем этой же организации в Москве — Бильбатовым. (Говорят, что Вомпе и Бильбатов в настоящее время члены Российской Коммунистической Партии).

Как увидит читатель, документ этот является яркой иллюстрацией гнусно-ублюдочной сущности Викжеля и его позиции. Викжель и викжельцы явно тянули сторону наших врагов. Если даже и допустить, что некоторые из представителей этой организации суб'ективно искренно хотели быть нейтральными, искренно стремились примирить стороны, восстановить «единый демократический фронт», то тем не менее об'ективно эта их позиция была контр-революционна и они работали в пользу наших врагов.

---

[1]) При от'езде на фронт осенью 1918 года все документы мною были оставлены в Москве и только в этом году я отыскал их и передал в Истпарт.

Однако документ, лежащий перед нами, не может внушать никаких сомнений, что в данном случае мы имеем дело не с искренно нейтральными людьми, а, наоборот, с сочувствующими Рудневу и Рябцеву и действующими в их интересах. Содержание этого документа таково [1]):

29/X 1917 г. *Я. Вомпе.* Имею сообщить вам следующее. Предъявление вражд... сторонам ультиматума о прекращении братоубийственной войны решено нами утвердительно, и мы предъявляем его немедленно большевикам и Керенскому. Срок ультиматума еще нами не разрешен, но возможно будет объявлен в 1 час сегодня. Пригороды Петрограда подвергаются обстрелу. Большевики идут по пути уступок, признавая нашу платформу. Комитет Спасения Революции непримирим. Будем на него давить, пользуясь позицией Московского Комитета Безопасности. Окажите давление на Революционный Комитет и вы указание на позицию Большевистского Центрального Исполнительного Комитета, от которого мы вчера в лице Каменева получили официальное сообщение о принятии нашей платформы. Сегодня даем всей сети телеграмму с объяснением нашей позиции, с объяснением настоящего положения и с приглашением обсудить и быть готовыми к возможности всеобщей забастовки, целью коей прекратить гражданскую войну и вынудить восстановление единства демократического фронта для спасения страны и отражения контр-революции. На нашей платформе стоят следующие организации здесь в Петрограде: меньшевики-интернационалисты, объединенцы-интернационалисты, левые эсэры, польские социалисты, еврейская социалистическая партия, совет професиональных союзов, часть эсэров центра и часть большевиков правого крыла. В 3 часа сегодня назначено нами совещание, на которое приглашаются как все перечисленные организации, так и стоящий на нашей платформе Центральный Комитет почтово-телеграфных служащих, центрофлот, балт-флот, а равно представители Центрального Исполнительного Комитета Совета Солд. и Рабоч. Депутатов, Крестьянск. Депутатов, представителей однородных комисаров, в лице назначенн. министров. На этом совещании нами будет со всей категоричностью заявленной ими позицией и о неминуемости предъявления ультиматума со всеми последствиями вытекающего вышеуказанного из оного. Предположено послать также делегацию с соответствующим наказом к Керенскому. Принимайте все меры к объединению на нашей платформе и подготовке всеобщей политической забастовки.

Для оказания давления на большевиков со ссылкой Центрального Исполнительного Комитета Совета Солдатских и Рабочих Депутатов и скорейшего выяснения позиции Революционного Комитета. Нельзя ли обратиться с просьбой в почтово-телеграфный союз с тем, чтобы он соединил нас с революционным комитетом для переговоров, ибо каждая минута промедления углубляет войну. Мы сейчас приступаем к выработке общего плана забастовки и передвижения войск, стоящих на нашей платформе, и сообщим Вам немедленно для руководства. Пока досвидания. Н еговорите глупостей. И прежде чем говорить, соображайте. У меня нет времени здесь говорить, т. к. сейчас мы приступаем именно к деловой работе. До свидания.

Я. Бельбатов. Что угодно? В Москве у нас сегодняшний день выйти никуда нельзя: везде стреляют. Резолюцию вашу мы передали в Комитет Общественной Безопасности Гару, который там ее объявил и которая единогласно принята у нас же. Была объявлена эта резолюция районному комитету, совету рабочих депутатов железнодорожников, которая также принята и в Совете Р. Р .Д. Ж. Сейчас принимаются меры связаться с революционным комитетом большевиков и в ультимативной форме объявить эту резолюцию и потребовать их согласия. Если же они откажутся, то мы им объявим, что мы переходим насторону общественной безопасности, нте войска, которые задержаны по дороге, мы будем пропускать в Москву. Но так как революционный комитет почтовым ведомствам отказан, то нами поручено двум членам, *Кравицу, Гару и Платонову* принять все меры для выяснения, и 10-й район оказывает этому содействие.

К 3 часам дня мы получим от них какой-либо результат. Вы же говорите, что в 12 часов вы должны были получить сообщение, а поэтому мы просим вас принять экстренные энергичные меры к скорейшему окончанию кровопролития, так как за вчерашний день убитых и раненых в Москве 700 чел., а сегодня сейчас только возвратился из Московской Городской Управы тов. , который даже с ужасом не может описать того, что происходит всюду расставлены броневики, тяжелая и легкая артиллерия Просим принять все меры, чтобы закончить это кровопролитие вести переговоры с ним. Подождите, дело в следующем [2]).

Работа Викжеля во имя «прекращения братоубийственной войны», несомненно, отражалась на ходе Московского восстания, усиливая его затяжной

[1]) Документы перепечатываются без всяких исправлений.

[2]) Документ этот от времени попортился, чем объясняются пропуски.

и болезненный характер. Прикрываясь лозунгом «единого демократического фронта», явно уже провалившегося, викжелевцы все время шантажировали Московский Военно-Революционный Комитет, пытались заставить его прекратить борьбу под угрозой остановки железных дорог и ввоза в Москву фронтовых частей [1]). Эти части, впрочем, уже были подведены к Москве на различные расстояния, а одна из них г.г. викжелевцами, среди которых в Москве особенно цинично вел себя некий Гар, в момент перемирия, заключенного на сутки от 12 ч. н. 29/Х до 12 ч. н. 30/Х по их же предложению и при их посредничестве,—предательски была проведена в Москву на помощь Рудневу и Рябцеву (ударный батальон).

Вышеприведенный документ относится как раз к тому моменту, когда викжелевцы усиленно налегали на нас, как в Питере, так и в Москве.

Разговор Вомпе с Бильбатовым имел место 29/Х. В этот же день Московские викжелевцы во главе с вышеупомянутым Гаром поставили в Военном Революционном Комитете вопрос о прекращении «братоубийственной» войны в ультимативной форме, согласно директивы Викжеля, переданной Вомпе, и под угрозой по нашему адресу ввести в Москву войска против нас, согласно заявлению в этом разговоре Бильбатова.

В среде Московского Военно-Революционного Комитета были, к сожалению, товарищи, которые поддавались этим угрозам. Благодаря этому требование Викжеля было принято Военно-Революционным Комитетом и было заключено перемирие на сутки.

Вот текст приказа Московского Военно-Революционного Комитета, гласящий об установлении перемирия.

ПРИКАЗ

Всероссийский железнодорожный союз предложил Военно-Революционному Комитету посредничество в переговорах с противной стороной.

Согласившись на ведение переговоров, Военно-Революционный Комитет объявляет перемирие до 12 часов ночи 30 октября с. г.; в течение этого времени будут вестись переговоры.

Военно-Революционный Комитет приказывает всем своим войскам немедленно прекратить всякие активные действия и стрельбу.

Председатель.

Секретарь (подпись неразборчива).

Шаг этот, разумеется, был крайне ошибочный. Он не вызывался никакими политическими и военными обстоятельствами. Вся обстановка, настроение рабочих и солдат решительно исключали такого рода шаги, и, напротив, диктовали энергичное, без всяких колебаний и шатаний продолжение борьбы.

В районах и на «фронтах» этот приказ вызвал недовольство (а кое-где негодование), растерянность и недоумение. Зато перемирие было на руку Рябцеву и Рудневу. Эти палачи отлично знали, что договариваться им с нами не о чем. *Они знали это прекрасно,* поэтому перемирие для них было только маневром, только передышкой. Оно было для них, несомненно, желательным лишь только, как средство борьбы с нами, как средство ослабить нас и усилить себя. Викжелевцы, г г. Гары и прочие, явно шли в этом отношении навстречу Рудневу и Рябцеву, вплоть до открытого нарушения перемирия, ими же предложенного, путем ввода в Москву ударного батальона [2]).

[1]) О сколько-нибудь крупной роли «Викжеля», разумеется, говорить не приходится.

[2]) Эти ударники были на одной из подмосковных станций переодеты и без оружия привезены в Москву. По прибытии в Москву, они были вооружены. Надо, однако, сказать, что „ударники“ сейчас же разбежались.

Впрочем, приказ Военно-Революционного Комитета, разосланный в районные штабы через специальных товарищей, так как телефонная станция находилась в руках юнкеров, во многих случаях был получен там к исходу суточного перемирия,—и борьба почти на всем фронте, поэтому не прекращалась. Фактически перемирия, следовательно, не было.

Формальная цель перемирия заключалась в выработке условий соглашения сторон о прекращении борьбы. Вот текст условия этого предварительного соглашения, выработанного представителями сторон (текст неполный).

«Для выработки определенного соглашения с определенна . . . . перемирие на 24 часа.

1) С момента об'явления перемирия все боевые действия прекращаются, и стороны остаются на своих местах.

2) Вводные части (как солдатские, так и офицерские) распускаются.

3) Обе стороны издают постановление о сдаче захваченного оружия для организации дружин в период боевых действий.

4) Для контроля над выполнением этих обязательств, учреждается комиссия, состоящая из представителей обоих сторон на паритетных началах и Викжеля.

5) Для контроля над выполнением этих обязательств, учреждается комиссия, состоящая из представителей обоих сторон на паритетных началах и Викжеля.

6) Эта комиссия принимает все меры для водворения революционного порядка и борьбы с контр-революцией.

7) По заключении соглашения войска обоих сторон разводятся под контролем этой комиссии по своим частям и поступают в распоряжение Рябцева, действующего с ведома и согласия *Советов Рабочих и Солдатских Депутатов . . . . Комитетов.*

По истечении этого срока вырабатывается окончательное соглашение, по заключении которого... [1]).

Если бы все эти условия были приняты Военно-Революционным Комитетом, то он связал бы себя по рукам и ногам. Питер тщетно ждал бы от Москвы того, что ему нужно было: *полную и решительную победу Советов.* Сейчас просто недоумеваешь, как могли наши представители серьезно думать о том, что г.г. рудневцы и викжелевцы могут принимать меры «для водворения революционного порядка и борьбы с контр-революцией». И уже совсем несуразным кажется то, что такую вещь наши товарищи согласились ввести в качестве пунктов в проект соглашения...

Предварительного соглашения, к счастью, не состоялось. Военно-Революционный Комитет сумел, в конце-концов, оценить обстановку, позицию и поведение представителей Викжеля. Шантажисты из Викжеля принуждены были после этого оставить в покое Военно-Революционный Комитет и не пытаться больше навязывать ему свою предательскую тактику во имя «единства демократического фронта» и «спасения революции». Борьба вновь закипела и окончилась полной победой рабочих и солдат.

---

[1]) **Документ попорчен, пропуск означает затертые места.**

__Ангарский.__

В Московском Совете.

(Из речи, произнесенной на Высших Женских Курсах 6/XI—21 г.).

В Москве в то время, когда власть уже фактически перешла в Петрограде в руки рабочего класса, мы не знали еще точно всего хода событий: здесь меньшевики и эс-эры выпускали листки и говорили, что Керенский уже под Петроградом, и большевистское восстание ликвидируется. Мы уже с сентября готовились к октябрю, уже в сентябре мы об'явили в Московском Совете так называемую декретную кампанию; мы сказали, что нужно сейчас же дать общую директиву по всем заводам, явочным порядком осуществить свои права, там, где начались забастовки, явочным порядком осуществить эти требования; если будет саботаж со стороны фабрикантов и заводчиков, подвергнуть их аресту. Мы об'явили об отмене платы за квартиры, ставили целый ряд практических вопросов, которые должны были разрешить немедленно в пользу рабочего класса.

Но в октябре, когда уже мы получили известие о совершившемся перевороте в Петрограде, перед нами стал основной вопрос, как быть. И на партийной конференции 24 октября, в Политехническом музее, конференции, которая решила дело, не было длинных разговоров: для нас было ясно, что вся масса с нами, для нас было ясно, что другого исхода нет и быть не может. Мы хорошо понимали, что каждый день промедления с нашей стороны есть усиление возможности наступления буржуазии, ибо буржуазия готовилась, черносотенные банды мобилизовались, мобилизовывались все силы реакции, и со дня на день можно было ожидать выступления. 25 октября, в Пленуме Московского Совета, где у нас было уже большинство, мы избрали Военный Революционный Комитет и тут вот была самая интересная страница истории нашей Московской революции. Нужно вам сказать, что в эти дни, еще до открытия заседания, несколько часов шли переговоры там же в Политехническом музее о соглашении. Представители Штаба Округа, эс-эры и меньшевики настаивали на том, чтобы был выбран не Военный Революционный Комитет, а чтобы был выбран обще-демократический орган, который все об'единит, все примирит и выведет страну из тупика, орган, который будет впереди событий и будет лишь охранять спокойствие и порядок. И когда мы поставили вопрос прямо и решительно, что в такой ответственный момент мы не можем вилять, мы не должны отказываться от поддержки петроградских рабочих, мы должны ясно сказать, поддерживаем ли мы петроградских рабочих, или идем против них. Иного выхода быть не могло. После речей меньшевиков и эс-эров, которые говорили, что мы ведем страну к гибели, что власть Советов—это диктатура пролетариата, мы отвечали: конечно, диктатура пролетариата, ибо только есть один класс, который может создать власть в России. Мы проголосовали. Вопрос был решен—Революционный Комитет выбран. И когда мы пошли в Московский Совет на следующий

день, мы обнаружили, что у нас боевых сил, боевых единиц очень мало, что у нас очень мало оружия, что у нас была только небольшая часть самокатчиков в то время, когда юнкера и белогвардейцы вобружились чуть ли не до зубов.

Кремль в зто время находился в наших руках, его охранял 56 полк; мы назначили туда начальником гарнизона тов. Берзина, общее руководство принял на есбя тов. Ярославский. Нам нужно было во что бы то ни стало получить из кремлевского арсенала оружие, но юнкера еще раньше значительную долю оружия оттуда взяли. Кремль находился под охраной только части 56 полка, вокруг Кремля со всех сторон стояли юнкера; нам нужно было освободить Кремль от этого кольца вооруженных юнкерских отрядов. Но в ночь на 28 число Кремль был взят юнкерами. Я бы сказал— не был взят юнкерами, но Кремль, будучи отрезан от нашего общего командования в то время, когда мы не имели хорошо вооруженных солдатских и рабочих масс — в это время т. Берзину ничего не оставалось, как сдать Кремль, чтобы избегнуть лишнего кровопролития. И когда Кремль был взят юнкерами после обстрела, солдат 56 полка утром в 8 часов выстроили у Троицких ворот и после команды: смирно: руки по швам, началась ужасная неслыханная бойня: пулеметы у царь-пушки, пулеметы у Троицких ворот и пулеметы с площади сразу затрещали. И началась невообраэимая сумятица. Люди через узкий проход бросились к арсеналу, и в зту массу тел ударяли пулеметы и сюда еще попало несколько снарядов иэ орудий. Руки, ноги, куски человеческих тел все это перемешалось и разлетелось в разные стороны и долетало до Сенатской площади.

С зтим избиением можно сравнить разве только избиение парижских коммунаров озверелой парижской буржуазией.

Но к нам приходили и присоединялись новые части. Московский Совет переживал критический момент. Он был отрезан от районов, районы не были свяэаны с центром, ибо юнкера сплошным кольцом охраняли всю территорию вокруг Совета, и мы в Совете фактически имели только несколько рот 93 полка, донцов и некоторые еще воинские части, которые я не запомню. Всю тяжесть этой борьбы, всю тяжесть освобождения Кремля, всю тяжесть освобождения Совета, всю тяжесть Октябрьской революции в Москве вынесли районы: вооруженные рабочие, которые какими-то разными способами находили, добывали оружие и вооружались, кто чем может.

И когда, наконец, на Скобелевскую площадь подошла наша артиллерия, тогда только облегченно вздохнул Революционный Комитет.

В зто время шли бесконечные переговоры, были колебания в самом Революционном Комитете. Одна часть настаивала на прекращении всяких переговоров, указывая, что в такой момент, когда к нам подходит подкрепление, когда борьба в районах началась, когда знтузиазмом борьбы горят пролетарские сердца—в зто время вести переговоры с Рябцевым и Рудневым, зто значит вредить делу реоволюции.

Эти бесконечные переговоры окончились 29 октября. С 30 числа, с утра, Военный Революционный Комитет берет твердую определенную линию, с негодованием отвергает пред'явленный Рябцевым ультиматум и переходит в открытое наступление. На Воробьевых горах устанавливается батарея, батарея устанавливается на Пресне и начинается обстрел Кремля. Самая главная цитадель—Александровские казармы и еще другое место сосредоточения всей массы белогвардейской сволочи, Лефортовский корпус, были взяты.

Блохин.

В огне борьбы.

Речь, произнесеная на заводе «N-ский склад», 14 августа 1921 г.).

В то время, когда говорили, что Россия получила свободу, что нет свободнее страны, чем Россия, в то время социал-демократическая фракция большевиков была в подпольи. У нас старый революционер т. Пече, начал организовывать боевую дружину. Мы,—члены солдатской секции, сказали рабочим коммунистам: «мы выучим вас стрелять, начнем учить вас стрелять в подвалах». Так мы начали готовить боевую дружину Москвы. Далее, в то время, когда мы, солдаты, как будто получили свободу, издается приказ о наступлении, начинают членов Солдатских Комитетов сжимать и приводить к нулю; тогда я, будучи единственным большевиком во 2 автомобильной роте, еду к Муралову и говорю: «Если тебя нет, я остался один». Он меня спрашивает: «Ты большевик?» — «Большевик». — «Ну и валяй, тебя арестуют. После тебя будет десяток». В это время 11 июля был арестован член бюро Аросев, и приехал Емельян Ярославский. В это время Московский Совет отказывается дать мандат на право агитации среди солдатских масс, меня арестовывают и отдают под суд. Но вот возникает корниловщина. Кажется, Аросев был выпущен сначала, потом был освобожден и я, и мы бросились с жадностью опять на работу. После корниловского нашествия рабочая масса быстрым темпом пошла вперед, и наступили величайшие Октябрьские дни. К этому времени Московский гарнизон уже склонялся на сторону большевиков, и вот гарнизонное собрание, кажется 22 октября, выбирает десятку, и эта 10 идет в Исполнительный Комитет требовать освобождения части арестованных т. т. большевиков. Дальше мы получили сведения, что в Петрограде начинаются восстания, здесь в Москве также вспыхивают восстания и все стремятся захватить Кремль. Нам сообщили, что арестован 56 полк, арестована 113 рота, и комендантом там был член Военного Бюро Москвы Берзин. Кажется 26, когда настроение вполне обострилось, решили итти к Рябцеву. Послали Муралова и Смидовича, они находились в Кремле. Но нужно было договориться, чтобы не стреляли, нужно было договориться, чтобы освободили 56 полк и 113 роту. Мы говорили тогда, что крови не хотим. Мы просили выпустить 56 полк и 113 роту и говорили, что дадим 85 полк. Рябцев согласился ввести 85 полк, а юнкеров из манежа увести. Но настали трудные дни, когда на заседании Исполнительного Бюро наша 10 чувствовала, что тут могут быть недоразумения. Не было ни одного представителя от солдат, и мы говорили, что нечего болтать, нужно приступить к делу. На окраинах начали стрелять. Там был тов. Ногин и я от 10, и для того, чтобы дорогой нас не расстреляли, был послан меньшевик Маневич и представитель от Совета Солдатских Депутатов. Мы шли договориться, и сообщить постановление Президиума Московского Совета, но к нашему великому счастью нас направили в манеж, и здесь, когда мы проходили мимо 4—5 шеренг, юнкера

говорили: «вот этого солдатишку надо подпороть». Тогда эс-эр Курнев говорит: «не трогайте его». Выяснилось, что нас хотели завести в подвал, но вышел генерал, махнул палочкой, и нас отпустили. На обратном пути Ногину плюнули в лицо. Тогда Ногин обращается к Курнову и говорит: «что за нахальство, среди наших солдат этого нет». Наконец, мы проникли в Кремль, увидели Берзина. Я обращаюсь к Берзину с вопросом, каково настроение солдат. Он сообщает, что настроение превосходное, солдат не удержишь. Дальше мы увидали Смидовича и Урасова, но ни до чего не договорились с ними. Пошли мы дальше. Только автомобиль успел отойти от Троицких ворот, по нас был дан залп и погибло 40 красноармейцев. Тогда председатель 10 говорит:—что же делать. Ко мне обращаются с вопросом: гарнизон за ними или нет? Курнов спрашивает, гарантирую ли я, что гарнизон выступит. В это время Ревком затребовал все оружие на Ряз. ж. д. и Кремль. Я даю распоряжение. Распоряжение шло ровно 10 мин. Все винтовки, за исключением находящихся в манеже, были отправлены. Борьба началась. Я не помню, где я, что со мной. Я прихожу к Муралову и получаю от него распоряжение: перекинуть батареи в Замоскворецкий район. Тогда я кидаюсь к Матвею и говорю:—«давай батареи, мы отправляем их в Замоскворечье». На меня нападают на Земляном валу белогвардейцы, но все же всю батарею удалось продвинуть в Замоскворечье, тогда-то началась пальба по Кремлю. Когда я попал в Замоскворечье, но там в Замоскворецком Ревкоме стояла огромная бадейка, там что-то было налито. Только что я стал есть, а мне сообщают, что нет лошадей, которые бы повезли пушки. Демидов сказал, что лошадей нужно вернуть. После этого я лечу за распоряжением в Московский Совет и вижу, что идет крестный ход, идет поп, патриарх Никон с крестом. Я Аросева спрашиваю, с чего, я говорю, здесь поп идет. «Пускай, говорит, его». Поп становится на колени перед Аросевым и говорит: «Ваши стреляют в церкви и колокольни, не нужно стрелять». В это время Смидович говорит: «Ваши стреляют, ну и наши». Ногин дает распоряжение по артиллерийским частям. Дайте выйти архиерею, и Саблин пустил в ход снаряды. Началась трескотня, затрещали колокольни.

Муралов.

Отрывки воспоминаний.

(Речь, произнесенная в Дискуссионном клубе при М. К. Р. К. П., но-

Чем дальше живешь, чем больше втягиваешься в повседневную работу, тем более сглаживаются воспоминания. Я буду говорить не в системе, не в порядке, а что вспомню. Я бы хотел поделиться воспоминаниями в области военного дела. Когда я вспоминаю, как мы воевали, то прихожу к заключению, что очень плохо воевали, вывозила кривая и больше стихия. Помню я свои ощущения, когда меня избрал Военревкомитет командующим. Я думаю, большая ответственность воевать. Помню, меня Усиевич все вдохновлял: с энтузиазмом надо относиться, все пустяки,—главное—принцип. Не знал я, как воевать, особенно как вести уличную борьбу. Я начал ломать голову и вспоминал начатки военных знаний, которые я получил будучи солдатом в армии, когда дядька мне говорил, что такое знамя. Думаю, не подходящее это, тут надо знать, что такое рассыпной строй и так дальше. В этом отношении помогло не то, что я слышал в казармах от солдат, а больше всего помогло то, что я читал из военной истории когда-то случайно, и вспомнил я брошюрку, которая была издана в 4—5 году «Тактика уличного боя». Напрягал я память и делился тем, что вспомнил, с товарищем Россин, но чувствовал, что чего-то не хватает. Из разведчиков помню я одну сестру милосердия,—фамилии я ее не знаю,—но наиболее веские данные о силах противника давала эта сестра милосердия; я не знаю даже, партийная ли она была; была та кая лихорадка, что некогда было спрашивать человека. Помню я, вкрадывались у меня сомнения, не работает ли она на две стороны: приходит к нам, смотрит, узнает, а потом идет и белогвардейцам рассказывает, и кое-что говорит нам, может-быть, верно, а может, врет. Много было тяжелого; бросалось в глаза, что плохо у нас работает и наш оперативный штаб, и разведки у нас нет. Не умели мы воевать, и я подумал, нужно военному делу поучиться. Я не знал, откровенно говоря, что будет такой широкий фронт, а о том, чтобы быть командующим войсками, мне и во сне не снилось.

Потом я вспоминаю дней за 7 приблизительно, когда я был в президиуме солдатской секции и эс-эры задали вопрос: «а что вы это задумываете, большевики»? Мы отвечали: «чего только люди не думают». А Шубников,—был такой,—вы вероятно его помните,—и говорит мне: «вероятно, тебя уже назначили командующим Московским округом», а я говорю: «ничего подобного, ничего не знаю». Помню я предшествующее совещание,—говорили мы с Мостовенко и Аросевым, как овладеть аппаратом противника: прежде всего нужно захватить головку, овладеть штабом командующего и выйти на улицу. Но там был подготовлен аппарат, там были «спецы», в их руках была связь и мы на заседании не вынесли определенного решения. А когда начался бой, то выянилось, что слаба была наша организация. Тут я вспомнил горячность наших товарищей, в том числе Давыдовского,—такой артиллерист был

из запасной бригады; командовал артиллерией Смирнов, но нужно сказать, эта команда была теоретического свойства, он сам скажет, дисциплины там не было. Давыдовский, простой солдат, командовал батареей в 4 орудия, а иногда к 4 орудиям присоединялось еще два. И вот кто-нибудь выстрелит из окна, Давыдовский без разрешения открывает огонь из всех пяти-шести орудий; его начинают сдерживать, он не слушается, приходится принимать самые срочные меры. Давыдовский хороший был работник, и в разных местах воевал с белогвардейцами, теперь он учится в Академии Генерального Штаба. Потом вспоминается несколько смешной эпизод с Демидовым в Баумановском районе. Там из осадных мастерских притащили тяжелую батарею шести дюймовых орудий. Когда мы заключили окончательный договор о том, что мы кончаем бой на выгодных, казалось, условиях, Демидов не хотел подчиниться, и все время гвоздил из этой артиллерии, уже Кремль был в наших руках, был уже заключен договор о том, чтобы прекратить аресты преподавательского персонала кадетских корпусов, Демидову об этом сообщили, он не поверил, ему стали показывать официальный приказ, постановление, он не верил и стал по телефону персонально всем звонить. Когда ему говорили, что это правда, он начинал всех ругать изменниками, предателями.

Когда меня назначили командующим войсками, я отбивался, как мог, я не знал, что я буду делать, но мне сказали, что такое постановление, и я подчинился, я согласился. Мне еще в помощь дали товарища Аросева и Мандельштама. Но прежде, чем заехать в Штаб, мне было поручено Военно-Революционным Комитетом выручить т. Смидовича, представителя от нашей партии и Хинчука представителя от соглашательского Комитета, которые сидели в Александровском училище и должны были провести операцию сдачи оружия и планомерный отпуск арестованных на свободу. Приезжаем, дело скверно; Смидович звонил, что собралась солдатская масса и требует расстрела, требует стереть с лица земли предателей,—в этом отношении инстинкт у них был вернее, чем у нас; такая же картина была и в Кремле. Я приехал по поручению Революционного Комитета освободить тех, которые по договору должны быть освобождены. Но солдатская масса во что бы то ни стало требовала расстрела. Когда я покончил с этим поручением, я отправился в Штаб военного округа, который сейчас на Пречистенке. Когда я в'ехал во двор, вижу, шатается какой-то молодой человек и спрашивает, где тут мотоцикл. Я спросил его, что ему надо, на что получил ответ, что он назначен ад'ютантом командующего войсками. Спрашиваю его, кто его назначил. Он мне говорит, «я от Павел Карловича Штернберга, я командовал участком и Павел Карлович дал мне поручение вступить ад'ютантом командующего войсками». Среди нас мало было офицеров, или были такие липовые, как Аросимов и Лопушов. Под'ехали к под'езду, стали разгружаться,—автомобили не были еще на учете и мы могли занимать по три, по пять. Подходит к нам какой-то генерал в чине генерал-майора и спрашивает, где командующий войсками. Аросев говорит, что нет командующего, есть областной окружной комиссар, он спрашивает: «скажите, где он, как его найти». Я к нему подхожу. «Я командующий войсками». Он вытянулся. «Честь имею представиться, моя фамилия Мингур». «Хотите служить»?—«Хочу». «Возьмите карандаш, бумагу и пишите».—«С получением сего предписывается вам немедленно в течение одной недели расформировать ополченский корпус». «Что вы,—говорит он,—в течение недели 35.000 человек, на протяжении четырех губерний». Поторговались, сошлись на 3 неделях. Он приступил к работе и в три с половиною недели расформировал. Кстати, этот старый «спец» служит верой и правдой советскому правительству.

Теперь мой ад'ютант Гриша Коган—он был по прежней иерархии генералом для поручений. Абсолютно никуда негодный генерал для поручений; он хороший агитатор, хороший товарищ, но в военном деле или для организаторской работы он совсем не способен. Спросите его сами, он здесь присутствует. Мандельштам тоже был генералом для поручений, фактически он был моим помощником. У него сильное горло, убедительные аргументы, он охранял мое спокойствие командующего,—спокойствие было, конечно, относительное,—от наплыва публики, которая приходила ко мне, а приходило публики много, по самым различным вопросам, приходил даже дьякон, чтобы я возвел его в сан попа. Потом Саратов мне очень надоедал, выступил Дутов из Казани, требуют у меня войск, ругаются, а у меня войска разлагаются: много едоков, а толку мало. Они требуют помощи оружием, войсками, и товарищ Антонов тоже был в числе надоедавших; говорили, что Москва—центр во всем и в смысле финансов, все требовали от нас. Вызывает к аппарату с западного фронта товарищ Мясников: «давай, говорит, деньги». Вызывает комитет запасной артиллерийской бригады: «мы не получали два—три месяца жалования, давайте нам деньги, мы постановили, если вы нам в течение двух суток не уплатите, мы откроем артиллерийский огонь с Ордынки по штабу Московского округа». Не очень-то я, конечно, испугался, но жалованье нужно платить. Отправляюсь в Московский Совет к Шевардину: «денег нет, во всем Петроград виноват, денег не отпускают, директив не дают».

Как мы организовали работу? Мы всех старых «спецов» оставили, за исключением тех, которые служили в жандармерии или в полиции; этим занимался Аросев, он был помощником командующего войсками и заведывал контр-разведкой. Помню еще эпизод, когда мы устанавливали Советскую власть с помощью солдат и штыков в Нижегородской губернии и Калужской. Поехал Аросев вместе с Мандельштамом и с военной силой, и эта военная операция кончилась мирным путем без одного выстрела. Мандельштам оказался победителем лучшим, чем Цезарь.

Аросев.

Из воспоминаний.

(Речь, произнесенная в Дискуссионном клубе при М. К. Р К. П., 6 ноября 1921 г.).

Мне вспоминается в эти дни, насколько мы были наверху стихии, которая нас толкала. Солдатская масса, собственно, к нам сама стекалась. Мы с Николаем Ивановичем (Мураловым. *ред.)* первый раз, когда договаривались с Рябцевым, с трудом удержали массу, которая хотела его растерзать. Кажется, в эту ночь Ярославский, Ангарский, Тихомиров, я и еще несколько товарищей были в казармах. Приходим. Ночь—12 часов или первый час. Солдаты спят. Вот являемся в комнату дежурного офицера. «Нам нужно к солдатам». «Зачем?» Вызываем полковой комитет, будим спящих и говорим, что мы от имени Революционного Комитета. Все спросонок вскакивают. Стоило сказать, что из Московского Комитета, что мы большевики, как солдаты собирались, выходили и готовы были итти по нашему приказанию куда угодно. Мы стремились по своей простоте к Московскому Совету,—это было большим риском стянуться в узкое место, раскинуться по узким переулкам. Но в общем все казармы для нас были открыты, и нам удалось стянуть большую часть войсковых частей к Московскому Совету. Вот как было в Покровских казармах. Не помню, было ли это накануне или утром, но я узнал, что там происходило заседание представителей рот с офицерами. Любопытно, что так только мы сказали,—кажется, это был Тихомиров,—что в Петрограде власть перешла в руки Совета, что мы здесь, в Москве, должны выступить и укрепить эту власть у себя, что все должны укрепиться вокруг Московского Совета, что задача первого момента—занятие почтамта и телеграфа,—я помню, не успел Тихомиров докончить последних слов о почтамте, встает здоровеннейший солдат с громадной бородой и говорит: «что тут рассказывать, вообще идем» и двинулся. Я даже, собственно, испугался, но все за ним двинулись,—тут вскочили офицеры и говорят: «мы не можем, вообще Временное правительство и все прочее», но солдаты замахали на них руками—их было там человек двести—двести пятьдесят. Все двинулись кроме офицеров, которые остались в недоумении. И с солдатами пошел один штабс-капитан, который потом был у нас дежурным генералом, товарищ Прозоров, который был в полку от партии. Весь полк целиком занял почтамт. Когда в Московском Совете в той отдаленной комнатке, где сидели те, кого принято называть соглашателями, и сговаривались с Рябцевым, я как раз при этом присутствовал. Рябцев спросил, почему солдаты заняли почтамт, ему ответили, неизвестно почему солдаты оказались на почтамте, взяли почтамт. Рябцев говорит: «я туда послал юнкеров». Атмосфера накалялась, быть-может, тогда раздались первые выстрелы. Удивительная вещь, юнкера оказались умнее Рябцева. Мне и поручику Ровному поручили поехать туда и на деле ликвидировать юнкеров.Когда они пришли, солдаты их уговорили: «уходите, а то будет плохо». Молодые люди сдрейфили и ушли. Когда мы приехали,

Ровный донес, что все благополучно, юнкера ушли, не покинув постов, потому что они постов не занимали. Когда со мной ехал Ровный, меньшевик, мы с ним все время беседовали о моменте, он говорил: «я не верю, я не могу поверить, что мы с вами, члены одной социал-демократической партии, стали друг по другу стрелять, это не может быть». И мне это казалось мало вероятным. Но когда мы были у власти, когда я попал в кабинет Ровного, будучи уже помощником Николая Ивановича, то я там нашел ленту разговоров по проводу, значительно более раннего времени, где Ровный приготовлялся к вызову войсковых частей с фронта. Так что они готовились. Мне вспоминаются случаи, о которых мы вспоминали с Иваном Ивановичем Скворцовым. Рябцев начал говорить по телефону с Мураловым и Ногиным, он говорил: «нечего говорить, я через два часа двину вооруженную силу». Мы сидели в низкой комнате. Тут публика, что называется начала говорить, невесть что. Начали голосовать, высказываться, как всегда бывает у русских, стали просить слово к порядку, стали голосовать, продолжать прения, сколько пять минут, или десять минут, но тут Иван Иванович просто-напросто сказал,— не помню точно слов, но смысл вполне точный: нужно сказать одно: кто боится смерти, должен покинуть этот дом. Сразу, как это было сказано, все прояснилось, я тут же выбежал. Мне попались т.т. Ершев и Янушевский, мы побежали срезать телефоны. Тут подошел Шубников и спрашивает: «куда мы идем». «Мы телефоны срезаем, идите по добру по здорову». Надо сказать, опасность представлялась большая, потому что вся эта масса солдат собралась в этих улицах, в этом малом доме. Я требовал по некоторым соображениям уйти в другое место, и центр перенести на Сухаревскую площадь. Но все происходило совершенно стихийно, все собирались на Тверской, на Советской площади. Идет двадцать—тридцать человек, спрашиваешь: «куда идете?» «В Брюссельский, там наших бьют здорово». Куда сами солдаты хотели, туда и шли: приходилось только санкционировать. Насколько со стороны нашей массы была проявлена твердость, настолько же со стороны их массы была проявлена слабость. Я помню замечательный случай, когда брали градоначальство, в котором сидело человек двести. Там были юнкера, офицеры, полицейские чиновники, студенчество. И вот, ко мне пришел Саблин на второй день и говорит: «я буду с вами, дайте мне боевой приказ, у нас есть батарея у Страстного, по направлению Никитских ворот». В градоначальстве сидели организованные отряды с хорошим командованием, а у Саблина было человек двадцать. Можно ли сравнить? Они сделали два орудийных выстрела по градоначальству. Саблин кричит: «что вы наделали, это ужас, невозможно!» Вдруг смотрим, по Тверской идет громаднейшая толпа в двести человек, все с руками вверх, и окружает их человек пятнадцать. После двух орудийных выстрелов двести человек вооруженных сдались пятнадцати солдатам. Мы растерялись, не знали куда их деть. Надо их куда-нибудь запереть. Решили запереть их в конюшню. Мы вывели лошадей и туда спровадили эту публику, при чем наших солдат приходилось сдерживать, чтобы они их не растерзали. Эту публику не пришлось даже охранять, это были такие ничтожные люди, это были старые чиновники, все они плакали, боялись, нас восхваляли, говорили, что думали, что мы их убьем, что мы по-зверски обойдемся с ними, а мы оказались сверхдобры. Почти всю эту публику мы освободили. Я был при том, как товарищи, которые выступали в районах,—я лично был в Замоскворечьи,—рассказывали такого же рода факты, которые указывают, что насколько твердо было командование, насколько Руднев и Рябцев были тверды, настолько масса их была труслива. Мы наверху,—надо это сказать во всеуслышание,—колебались, а масса нас толкала, проявила колоссальную твердость своего характера. Николай Иванович прав,—мы те-

перь видим, что у массы был правильный инстинкт. У меня есть документ в кармане,—я его не буду оглашать,—это договор, между Революционным Комитетом и Комитетом Общественной Безопасности. Первый пунк гласит: «Комитет Общественной Безопасности прекращает свое существование». С кем же мы заключили мир? С организацией, которая себя распускает. Потом есть еще такой пункт, что офицеры остаются при оружии, и им гарантируют неприкосновенность личности. Теперь можно оговорить, чего нам это стоило. Сколько было из-за этого пролито крови. Какие нам из-за этого впоследствии пришлось делать уступки.

Пече.

Красная гвардия.

(Речь, произнесенная на заводе «N-ский склад», 14 августа 1921 г.).

Керенский со своими белогвардейскими опричниками решили отобрать завоевания революции, рабочие, всюду, в Москве, и других губерниях, решили не уступать завоевания революции, решили начать вооруженную борьбу. Это было началом создания Красной гвардии. Меня большевистская фракция Московского Совета взяла от станка для того, чтобы организовать эту Красную гвардию, и в середине июня пришлось положить основание штаба Красной гвардии. В штаб вошли некоторые т.т., ныне уже умершие, кроме того тов. Штерн, Берзин, Малиновский; я был начальником штаба. Это положило основание строительству Красной гвардии. Мы немедленно при районных комитетах партии создали эти штабы, и быстро по всем заводам стали развивать свои ячейки. И тогда легально пришлось собрать рабочих и полулегально провести обучение их, взять оружие, которое было у рабочих, чтобы вооружить Красную гвардию, ибо вооружения никакого не было: наши противники Корнилов, Керенский старались разоружить рабочих. Дальше, мы основали свои ячейки в важных пунктах. Мы решили немедленно послать своих представителей в Московский Совет. Товарища Стефашкина, одного из наших рабочих, которого мы посадили в Мызу Раевский N-ского склада. Тяжело было работать с нашими противниками, но все-таки мы сделали свое, и когда наступила Октябрьская революция, то мы в состоянии были вооружать этими оставшимися снарядами рабочих и крестьян. Пришлось исполнить целый ряд технических работ товарищами, большинство которых были взято с заводов. Накануне Октябрьского переворота по всем районам был уже определенный кадр, кадр более или менее обученных красногвардейцев, хотя они официально не были легализованы. Накануне Октябрьского переворота Пленум Московского Совета постановил утвердить штаб Красной гвардии, и к этому времени мы имели полный учет всего вооружения, снарядов, патронов, сумели установить связь с солдатами и работали рука об руку с военными организациями. К этому времени все было на чеку, все орудия были взяты на учет, но этого мало; главным образом, я хочу отметить, что 26 октября мы во главе целой массы рабочих направились в Мызу Раево за патронами и снарядами, ибо мы знали, что наши товарищи имеют орудия, но не имеют снарядов, как, например, тов. Демидов. Мы послали в автомобильную роту, в авиационный отряд, чтобы получить грузовики и пулеметы. Пулеметы были разобраны юнкерами, и их нужно было собрать, поставить на грузовики и немедленно под'ехать к Московскому Совету, где был главный штаб. Дальше наши красногвардейцы влились во все районы, и в это время солдатскими частями началось наступление на крепость и казармы. Я приведу интересный эпизод: когда нас было 90 чел., мы начали атаку юнкерского училища, где было 500 юнкеров. Вооружены мы были несколькими ручными гранатами,

но к этому времени успели подвезти 2 крупных орудия и мы направили дуло на юнкерское училище. У нас не было ни одного снаряда для этих орудий. Вечером мы выпустили 90 чел. и окружили это училище. В это время у нас у каждого бойца было по 5 патронов и ни одного снаряда. Они, конечно, этого не знали, и нам пришлось взять хитростью, храбростью. Мы, окружив их, взяли в плен более 200 чел., а около 300 чел., удрало, потому, что цепь была слаба и мы не могли охранить. К нам в руки попало несколько десятков пулеметов и ручных гранат, и мы начали второе наступление.

Жаров.

В Кремле.

Я в то время был заведующим клубом Российской социал-демократической партии (большевиков), и в то же время членом боевой дружины Красной гвардии Пресненского района. У меня в темном чуланчике, в моей квартире хранились 5 штук берданок, привезенных из центра от тов. Пече, но нужно сознаться, что не было ни одного патрона к ним. Тов. Пече в то время был начальником боевой дружины, а ответственным организатором нашего района был тов. Слесарев, он же Кульман, Иван Густавович. Это, нужно сказать, один из неутомимых работников Пресненского района и один из лучших агитаторов. Не помню, какого числа дело было, но мы отправили в наши районные комиссариаты своих представителей. Нужно упомянуть, что в то время комиссариатами заведывали эсеры, и вся инициатива исходила от них. И вот мы посылаем туда своих представителей от социал-демократической рабочей партии большевиков. Конечно, на нас посмотрели косо, но после некоторых пререканий и переговоров заведующий 1 Пресненским комиссариатом Плевако согласился принять наших представителей, но не как инициативную группу, а просто как забитых рабочих. Дескать, они посидят здесь, посмотрят, как мы управляемся. Но нашим представителям было строго вменено в обязанность следить за всеми действиями и постараться в нужный момент захватить в свои руки комиссариат, арсенал или же вернее назвать, пирамиду, узнать у них, где хранятся у них патроны. В каждый из комиссариатов было послано по три представителя в одну смену, но сутки были разбиты на три смены, по 8 час., словом, на каждый комиссариат было откомандировано 9 человек в сутки, а комиссариатов тогда у нас было 3: 1—на Нижней Пресне, 2—на Кудринской ул., 3—у Александровского вокзала. Как я уже ранее говорил, мы очень нуждались в оружии. У нас всего было около 5—6 револьверов. Как помню у тов. Цвелева, Н. И., большой браунинг и около 30 шт. патрон, у тов. Горикова, старшего, и у тов. Шеганина—наган и у меня наган и 150 шт. патрон, которые за год до этого были привезены с фронта и подарены мне моим знакомым А. А. Коленовым. Были револьверы еще у 2 товарищей, фамилии которых не припомню. Как раз в тот день, когда были поставлены наши представители в комиссариат, вечером нам сообщили, что на сахарном заводе имеется интендантский склад, на котором хранится оружие. Из дому позвонили по телефону на завод быв. Шмидт — это рядом с сахарным заводом, там все почти правление было из рабочих. Наше большевистское. Звонили тильманцам, чтобы нам оттуда подали автомобиль,—у тильманцев был свой гараж. Около 5 часов вечера автомобиль был подан. Садимся на автомобиль я, Слесарев, Гризна, Беленький, Сибирцев и тов. Ивановский от Тильманса из клуба или вернее из Райкома, который помещался в Большом Предтеченском переулке, д. 4. Едем на сахарный завод, вызываем заведующего складом и предлагаем

открыть склад. После некоторых переговоров и вызова понятых от завода склад был вскрыт и начался обыск. При обыске за исключением одного нагана и нескольких 3 линейных винтовочных патронов найдено ничего не было.

После обыска составлен был акт, и мы около 11½ часов вечера вернулись в клуб Райкома, где еще шла живая работа некоторых из товарищей по уничтожению бутербродов и чая. Только расположились за чаем и бутербродами, раздался телефонный звонок. К телефону подходит тов. Слесарев. Тов. Пече предлагает послать в центр в штаб боевой дружины 3 хорошо вооруженных и надежных товарищей. Тов. Беленький, Гриша, предлагает итти мне и тов. Цвелеву, но 3 хорошо вооруженного лица более не нашлось. Т.т. Горшков и др. ушли домой на квартиры, а тов. Шеногин уехал в центр и оттуда должен был пойти прямо к себе на квартиру. Квартира его была где-то около Чугунного моста. Вызвали тов. Горшкова с Прохоровки и предложили ему итти, но он категорически отказался. Что же касается ныне здравствующего Меркулова, то его в то время на нашем горизонте не было, как боевика, и он выплыл уже потом. Пришлось нам отправиться вдвоем с Цвелевым около часу ночи. По дороге в центр встретился тов. Шеногин, которому я об'яснил, в чем дело. К счастью револьвер оказался при нем, и мы отправились втроем. Придя в штаб, явились к тов. Пече, который нам велел обождать в одной из комнат, где мы нашли уже много собравшихся товарищей из разных районов и наших двинцев. Нам пришлось прождать до часу утра и, наконец, получили мандат ехать в Кремль, взять для Пресненского района 1.000 винтовок и 300.000 патронов. В мое распоряжение был дан грузовой автомобиль, на который с нами сели наши двинцы около 40 человек. Поехали в Кремль, к Троицким воротам, мимо манежа, в котором в то время стояли казаки и юнкера; впереди нас шел еще один грузовик из Лефортовского, кажется, района, хорошо не припомню, позади нас шел тоже один грузовик из района, следовательно, нас шло 3 грузовика. Под'ехали к Троицким воротам, там стояли человек 5 юнкеров с винтовками. Ворота были заперты. Когда мы под'ехали, то юнкера удивились. Я постучал в ворота, открылась форточка и часовой спросил, что нам нужно. Я попросил доложить об нас комиссару тов. Берзину и пред'явил свой мандат. Тов. Берзин немедленно явился и приказал отворить ворота, и мы в'ехали в Кремль. Но когда мы стояли у ворот, то за нами еще ехал один грузовик, который юнкера остановили против манежа, и потом повели его в манеж. Мы в это время в'езжали в Кремль. Как потом выяснилось, этот грузовик тоже шел за оружием,—и когда его остановили юнкера, он пред'явил им свой мандат, в котором говорилось об отпуске 1.000 винтовок и 30.000 к ним патронов. Тогда они поняли, в чем дело и зачем туда прошли 3 грузовика, и тут же оцепили весь Кремль кольцом. Таким образом, нам после погрузки выехать из Кремля было нельзя. Кремль был окружен кольцом юнкеров, которыми в то время командовал командующий войсками Московского Военного Округа полковник Рябцев. Начались переговоры с эс-эрами, которые в то время заседали в Городской Думе и которые требовали отмены вооружения рабочих и требовали для охраны Кремля и арсенала ввести туда юнкеров. Тогда охрана Кремля и арсенала состояла из 56 полка и одной роты 193 полка. 56 полк был в большинстве своем наш большевистский, за исключением 2 и 3 роты, которые шли за меньшевиками; еще там была броневая команда, состоявшая из 3 броневых машин, команда эта была чисто эс-эровская. Переговоры длились около 3 дней. В течение 2 дней туда приезжали представители обеих сторон. С нашей стороны: комендант Кремля, Емельян Ярославский, Муралов, Ногин; со стороны же противной я знаю только одного полковника Рябцева, но других не знаю. Из их разговоров я понял, что полковник Рябцев

оттягивает время и дожидается помощи с фронта. На второй день нам команда броневиков предложила вывезти наши нагруженные броневики. По телефону я сообщил об этом тов. Ярославскому и тов. Муралову; тов. Ярославский ответил: «тов. Жаров, имейте терпение, или мы оружие можем отдать в руки наших врагов». Тут я, конечно, опомнился, с кем я имею дело, и больше не стал мечтать о вывозе оружия под прикрытием эс-эровских броневиков. Вечером, когда приехали Ярославский, Ногин, Аралов и Рябцев со своей сворой, мы постарались пустить среди солдат агитацию против Рябцева и компании, который оттягивал время и не хотел снять блокады с Кремля и не желал вооружения рабочих. Тогда солдатская масса под влиянием нашей агитации закричала: «какого с ним черта рассуждать! ежели он не хочет снять блокады, рви его на части, бей его» и т. д. Солдатская масса с бешеным ревом: «бей его, рви его», стали напирать на них, и, может-быть, не обошлось бы без жертв, ежели не окружили бы Рябцева Ногин, Аралов, Ярославский, Муралов и не начали уговаривать массу. Тогда Рябцев, видя свое безвыходное положение, согласился снять блокаду под тем условием, чтобы мы вывели из Кремля роту 193 полка, оставили на охране лишь 56 полк. Мы с этим согласились, и делегация уехала около 10 часов вечера. Утром на 3 день осады—около 6 часов утра—рота 193 полка, вооруженная новенькими винтовками и нагруженная патронами, совместно с нашими двинцами, оставила стены Кремля. Действительно, я видел, что блокада в ночь была снята, но тайно осталась, и утром по выходе этой революционной роты Кремль опять был охвачен юнкерским кольцом. На 3 день уже делегация в Кремль не приезжала. Около 5 часов вечера нам был пред'явлен ультиматум о сдаче Кремля. Мы устроили общее собрание из оставшихся с нами, на которое была приглашена команда броневиков. Последняя нам заявила: «дело ваше, как хотите, мы со своей стороны участия принимать в этом никакого не хотим и против своих братьев не пойдем, мы будем нейтральны». После обсуждения всех вопросов решили Кремль юнкерам не сдавать, так как хорошо знали, что у них артиллерии нет, а имеется один только бомбомет, который нам ничего сделать не может, а у Кремля стены толстые и винтовочной пулей ее не разобьешь, а у нас имелись в достаточном количестве как винтовки, так и пулеметы. Тут же мы рассыпались по стенам, нагруженные патронами и винтовками; против каждых ворот поставили по два, а где и по 4 пулемета. Около 6 часов вечера начался обстрел из бомбомета. Первая бомба перелетела весь Кремль, вторая бомба разорвалась за памятником Александра III и 3 разорвалась, чуть пролетев казарму, но настолько высоко, что совершенно безвредно, больше у них снарядов, наверное, не было. После этого началась провокация по телефону, что якобы Совет Народных Комиссаров в Петербурге бежал. Тогда, за телефоном учредили надзор из делегатов от района, и около 11 часов вечера я отправился на Никольскую стену. На стенах у нас тоже кое-где были поставлены пулеметы и около Никольских ворот слева стоял пулемет. Тов. Берзин пошел обходить кругом стены, я остался у Никольских ворот на стене. Около 11 часов команда двинцев, которая ушла с ротой 193 полка в Хамовники, так как полк стоял там, пробиралась из Замоскворечья в Совет и только стала подниматься в гору от Василия Блаженного, вдруг с Никольской улицы развертываются юнкера, раздается команда, за командой залп по двинцам, которые дали ответ на залп. Мы с Никольской стены по юнкерам тоже дали залп, помнится, залпа по 3. Тогда юнкера тотчас открыли огонь из пулемета, но мы все лежали на стене, кто стоял за зубцами. Пострадало с нашей стороны 5—7 чел. не более, и то раненые в ногу, так как ноги приходились против бойницы. После этого все стихло. Около часу ночи меньшевики 2 и 3 роты 56 полка устроили собрание, на

котором протестовали против того, что мы стреляли по юнкерам: они по нас не стреляли, а стреляли по двинцам, из-за них, дескать, пострадало их человек 7. К меньшевикам присоединилась команда броневиков и потребовала от Берзина сдачи Кремля, так как все равно юнкера возьмут Кремль силой. «Они оттуда, а мы вас отсюда из броневиков». Положение наше стало критическое: против броневиков нам бороться нечем. Бомб у нас на этот случай не было: из винтовки броневику ничего не сделаешь. После некоторых обсуждений Кремль пришлось сдать. Около 5 часов утра тов. Берзин открыл ворота, и один из броневиков вышел в Троицкие ворота к юнкерам; под покровительством броневика юнкера вошли в Кремль. Началось разоружение 56 полка. Мне жалко было расстаться со своим наганом, к которому я так привык. Я спрятал в отверстие печи наган и патроны. Выхожу на лестницу, слышу, раздаются бранные слова одного из юнкеров. Тут же раздается выстрел: пуля прожужжала вверх, и я бросился по лестнице бегом. Нужно заметить, что я до этого жил нелегально, у меня была отпущена борода. Сбегаю вниз и на меня бросается юнкер, стоявший у двери со словами: «ты зачем сюда попал старый чорт?» Я, действительно, тогда был похож на старика: русская шуба, широкополая шляпа и борода,—вполне старик. К этому нужно прибавить, что несколько суток провел без сна. Взмахнувши ружьем, юнкер ударил меня прикладом в спину. Отворяю дверь, выхожу на крыльцо. Здесь стоит юнкерский офицер, в правой руке держит английскую гранатную бомбу. Взглянув на меня, хватает за горло: «Ага, вот красногвардеец! ну, старый чорт, тебе, собаке, и смерть», замахнулся на меня этой бомбой. Но сзади меня был унтер-офицер 7 роты 56 полка, старенький, рыженький старикашка и говорит ему: «какой это, батюшка, красногвардеец, он вчерашний день вышел только из лазарета». Тогда офицер взглянул на меня и дал толчек в шею со словами: «Ну иди, старый чорт». На площади уже выстраиваются обезоруженные в шеренги. Я не знаю, куда мне деваться. Становиться в строй—я в шубе и шляпе. Старичок 7 роты не покидает меня: «Иди, становись с нами и сойдешь за солдата нашей роты». Я тогда стал во фронт в шеренгу. Мы выстроились против казарм, лицом к красному зданию, другая партия выстроилась около Троицких ворот, против арсенала, а напротив дверей казарм остановился тот броневик, который выходил в Троицкие ворота за юнкерами. Вот всех собрали, выстроили,—времени было около 6½ час. утра. Раздалась команда: «у кого что есть в кармане, все вынуть и держать в руках». Я вынул портсигар, кошелек с деньгами, в котором хранился мой мандат. Увидев свой мандат, тут же засунул его в рот и с'ел. Затем раздалась команда: «руки вверх, смирно». И начался обыск. Каждого обыскали, пересмотрели, что имеется в руках и после обыска отошли от нас к самой стене красного здания. Вдруг слышу трескотню пулемета, потом раздается голос одного из наших товарищей: «ложись». Все, как один человек, растянулись на холодных камнях. Я стоял 6 или 7 с правого фланга лицом к красному зданию, от меня невдалеке прошла ближе к казарме струя свинцового дождя, подымая пыль от камней. Трескотня пулемета замолкла. Из лежавших некоторые вскочили, бросились бежать в казарму, кто за орудия, а кто за пирамидами ядер, лежащих против казарм, но некоторые не побежали, а поползли. Я, в свою очередь, тоже пополз, но не прополз и двух шагов, как опять затрещал пулемет, струя пуль пролетела от меня не более как на аршин. Лишь только она миновала меня и пошла дальше, я вскочил и бросился за орудия. По полету пуль от Никольской стены, можно было заключить, что по нас стреляли наши же пулеметы, оставленные нашим пулеметчиком на Никольской стене. У Троицких ворот я забежал за орудие: там уже везде сидели люди за колесами старых фран-

цузских гигантов. Я прижался было к одному товарищу, но весь был открыт; тогда хватаюсь за одну часть колеса, ложусь боком на голову товарища и ногами уперся за другую часть колеса, вытянувшись вдоль орудия. В таком висячем положении мне пришлось провисеть около 10, а может, и более минут, а пулемет и броневик тем временем все трещат. Потом раздались свистки офицеров и крики: «Довольно, довольно крови», и трескотня смолкла. Юнкера опять забегали с руганью и стали выгонять из казарм, из-за пирамид и орудий, выковыривали штыками и прикладами, а офицеры опять командовали: «Стройся». Я опять стал в шеренгу. Всех оставшихся в живых выстроили и скомандовали: «Полуоборот налево, шагом марш» по направлению к Никольским воротам. Смерть была видна повсюду, и на площади некоторые бросились в окна казармы. Мы пошли, а они остались лежать на площади и висеть в окнах казарм. Картина была потрясающая. У памятника, где был убит Сергей Александрович, раздалась команда: «Левое плечо вперед», мы вошли во двор судебной палаты. Здесь увидел своего коллегу тов. Цвелева, и мы с ним решили скрыться в помещении, где живут служителя. Нашли около уборной чуланчик, в котором есть отверстие, где проходит дымоходная труба. Я выворотил шубу овчиной кверху, чтобы не запачкать в пыли верх шубы, полезли, залезли далеко. Сели, посидели часа три, но на дворе все еще находятся люди 56 полка, и мы решили вылезть, да и голод давал себя чувствовать. Вышли на двор, где остановилась наша 7 рота. Вдруг подходит к тов. Цвелеву юнкер, в вежливой форме попросил его следовать за собой. Тов. Цвелев был одет в форменную шинель и фуражку Коммерческого училища. Мне опять стало скучно, грустно, но толпа зашевелилась и я направился к ней. Гляжу, там две каких-то молодых барышни делят сухари. Подхожу к ним и я: «Дедушка, а ты-то как сюда попал?» обращается одна ко мне. Мне, конечно, пришлось лгать. «Тебе сухарей-то не угрызть, а, небось, тоже со вчерашнего дня не кушал», и обратилась к другой, назвав ее по имени: «поди, принеси ему хлебца». Та живо принесла ломоть хлеба. Стало уже темно, да и холодно. Я начал уписывать этот хлеб, дрожа от холода. Одна из них говорит мне: «Здесь рассыльный топит печь, там и можно полежать». Я поблагодарил и пошел на указанное крыльцо в дверь, но печь уже была протоплена, и я зажег огня. Не нашел там никакого рассыльного, но около истопленной печи стоял большой ящик из дерева со рваной бумагой. Залез в него и улегся и согрелся. Через короткое время вышел посмотреть, что на улице делается. Вышел во двор. Слышу команду: «7 рота, становись». Думаю, что делать. Становиться или итти в ящик с бумагой. Один товарищ подошел ко мне и говорит: «Становись с нами, нас, может-быть, куда-нибудь перегонять в Москву, в казарму, оттуда легче будет удрать». Я подумал, согласился, верно, лишь бы из Кремля выбраться, а там уже удеру. Становлюсь с 7 ротой. Когда выстроились, нас погнали вон со двора опять на эту же самую площадь. Нас загоняют в казарму на 3 этаж. Это было в субботу в 9 часов вечера. В помещении уже все прибрано, все сундучки солдат открыты и все, что имело ценность, все выбрано, в помещении уже поставлены параши и человек 14 охраны, вооруженной до зубов. Внизу против лестницы поставлен пулемет. Все разместились на нарах. Утром в воскресенье погнали нас за кипятком. За кипятком и за обедом на каждую пару давали по 2 человека провожатых. Обед был в 2 часа. Выдали по ¼ ф. хлеба и из свежей капусты щи с рыбой и маслом, около 5 часов опять был чай, к которому выдали по 1 куску пиленого сахару. В ночь на понедельник были назначены люди для уборки трупов и рытья могил. Ходило всего человек 40, и с сумерок работали часов до 2 ночи. В понедельник утром выдали по 2 куска пиленого сахара, чаю, по ¼ хлеба на обед и ужин; из

горячей пищи пустые щи и больше ничего. В ночь с понедельника на вторник опять гоняли зарывать трупы. Среди солдат настроение было подавленное: известий с воли не было; только охрана, с которой приходилось заговаривать, отвечала, что рабочие большевики одни дерутся, а солдаты все на стороне юнкеров. Только в четверг около 10 часов утра прилетела первая весточка, что солдаты не с ними, а с рабочими, и эта первая ласточка нашей весны прилетела и ударилась в Николаевский дворец, от которого полетела пыль в разные стороны, за ней вторая. Тут я сказал: «ну, товарищи, мы спасены»—«Вот как прилетит да дунет сюда к нам, вот тогда спасены».—«Нет, товарищи, ежели погибнем мы, то погибнут и они, а наши дети, наше молодое поколение, будут свободны». Через несколько времени началась бомбардировка Красного дворца, в который попало штук 8 снарядов, затем стали попадать между Красным дворцом и казармой. Здесь у них стояло какое-то маленькое орудие, в которое угодил снаряд: тело орудия закувыркалось назад, а колесо полетело в сторону. После этого один снаряд попал к нам в угол нашей пристройки, от которого у нас все стекла как метлой вымело, и некоторые из солдат, сидевших на верхних нарах, попадали вниз. Опять раздался чей-то голос: «Что, старый чорт, спасены?» Я ответил: «Да, спасены». И еще снаряд попал к нам в казарму, во второй этаж. После этого бомбардировка была закончена. Обед в этот четверг был на славу, голодными никто не ушел. Чашку щей дали со свининой, а на второе дали кашу из пшена, а кому было мало, подкладывали еще. Обед был в 4 часа. Около 7 часов вечера начался обстрел кремлевских стен, которые стал освещать прожектор. Около 10 часов пришел к нам какой-то полковник с деревянной ногой и начал нам читать проповедь об антихристе, страшном суде и большевиках. После проповеди все улеглись по разным уголкам. Около 2 часов ночи пришли трое юнкеров и стали нас просить, чтобы мы им дали честное слово не вмешиваться во всю эту, по их мнению, грязную историю, а предложили уехать прямо домой к своим женам, к своим деткам, к своим отцам и матерям: в таком случае нас выпустят, конечно. Солдаты дали честное слово, юнкера нам сказали, чтоб мы выходили поодиночке гуськом и прямо к Спасским воротам, так как ими, дескать, все там очищено. Они советовали нам на вокзал не ходить, а итти прямо на заставу, и, пройдя верст 10—15, сесть на поезд и ехать домой, кому куда нужно. «На вокзалах, говорят, вас большевики не пропустят». Выходим, сами думаем, расстреляют. Как только мы вышли из казарм, все мы разошлись в разные стороны, чтоб нас нельзя было скосить из пулемета, а ежели и расстреляют, то пусть побольше патронов выпустят. Вышли все, кто куда. Собираемся около Спасских ворот, видим, стоит юнкер. Собралось нас так человек восемь, юнкер открыл ворота и нас выпустил. Выхожу из ворот, и прямо по стене налево и через площадь ползком. Еще было довольно темно. Смотрю, около ограды Василия Блаженного прохаживается какая-то фигура во всем черном. Думаю, юнкер в сером, а этот в черном. Ползу ближе, слышу крик: «Кто идет». «Свой». Вижу, что это наш часовой, отвечаю: «Товарищ, свой».—«Откуда?»—«Из Кремля». Об'яснил ему все. Я спросил у него, как мне лучше пройти в Пресненский район. Он мне об'яснил, что только можно Варваркой на Садовую, а там свободно. Иду дальше, еще останавливают, расспрашивают. Мне до Садовой пришлось не менее 10 раз об'ясняться, но уже на Садовой мне попадается тов. Антонов, который остановился и глядит—уже стало рассветать. «Тов. Жаров, ты ли это?»—«Как видишь».—«Да ведь в районе все говорят, что тебя расстреляли».—«Расстрелянные не ходят», отвечаю я ему. Он хватает меня в охапку и обнимает, и мы крепко целуемся со слезами на глазах. Подходит еще один товарищ, и они меня ведут к Сухаревой, в

столовую. Закусываю, пью чай и наскоро захожу в городской район, где встречаю Марию Петрову, и делаю краткий доклад. Мы с ней садимся на автомобиль и едем в Центр, где делаю доклад. Далее еду на автомобиле на квартиру, в Предтеченский пер., № 4, где оставил район и где оставил жену с тремя детьми и где меня считают мертвым. Под'езжаю к дому, окна в клубе все настеж открыты, двери растворены, и нет ни живой души. Где район, где клуб,—не знаю; где семья, тоже не знаю. Неделю тому назад здесь было столько жизни, столько энергии; прошла всего одна неделя, все пусто, и сердце сжалось от боли. Но все-таки слезаю посмотреть, что на дворе делается. Квартира моя как раз выходила окнами на двор и была в подвальном помещении. Вошел во двор и смотрю, окна моей квартиры заставлены дощечками. Мелькнула в голове мысль, что здесь кто-нибудь да есть, наверное жена оставила здесь собаку (у меня в это время была хорошая охотничья собака понтер). Обхожу кругом, подхожу к двери, смотрю, дверь изнутри заперта,—нет здесь еще есть люди, живые люди, но ужасно глупые люди,— мелькает в голове. Защитились от пуль тоненькими дощечками; тогда как пули винтовки пробивают по несколько бревен, они защищаются палубником. Стучу в дверь, раздается возглас жилички, одной девушки, жившей у меня на квартире. «Оля, отопри!» Она кричит. Слышу, все шумной толпой бегут к двери и отпирают последнюю. Стоят и плачут не слезами горя, а слезами радости. «Да как же это так, ведь мы тебя уже на молитве поминали за упокой. Ведь здесь все в районе говорят, что тебя в Кремле юнкера расстреляли». И тут, на их глядя, у самого невольно навертываются слезы, которых им не хочется показать. Начинаю врать, чтобы их утешить, говорю им, что я ни в каком Кремле не был и никакая опасность никогда мне не угрожала. Не входя в квартиру, поворачиваюсь обратно и иду к автомобилю. Но куда же я поеду, где район, не знаю, возвращаюсь обратно и спрашиваю у дочери, куда переехал райком. Узнаю, что райком переехал во 2 Пресненский комиссариат. Приезжаю туда, вхожу, все смотрят, как на какое-то чудо. «Жаров, да ты откуда, ведь тебя в Кремле расстреляли».—«Старые революционеры и с того света приходят».

Московский гарнизон.

Дубровин.

193-й полк.

(Речь, произнесенная на заводе «N-ский склад», 14 августа 1921 г.).

Я солдат 193 полка, ныне председатель заводского комитета «N-ского склада».

Я укажу в коротких словах на то, какую роль играл в эти дни Октября 193 зап. полк, один из революционных полков. Когда мы стояли на Ходынском поле за несколько месяцев до Октябрьской революции, то предполагалось 193 полк расформировать. Был отдан уже приказ командующего войсками моск. военн. округа в 10-дневный срок расформировать этот полк. Это было перед самыми Октябрьскими событиями. Нужно было распределить солдат и офицеров, обоз и т. д. Безусловно нужны были большая борьба, агитация и работа среди солдатской массы, чтобы не дать осуществиться приказу. Несмотря на то, что в 193 полку фракция наша была очень незначительна, все же мы добились своего. Возглавляли фракцию тт. Померанцев и Малиновский. Мы собрались на общее собрание и решили на нем поставить вопрос ребром, хотя приказ не был об'явлен в полку, но мы все-таки о нем знали, и решено было запросить командующего войсками о причине расформирования полка. Однако, Рябцев не мог дать никакого об'яснения, и наши делегаты вернулись ни с чем. Тогда мы постановили ни в каком случае не расформировываться, хотя бы пришлось защищаться с оружием в руках. Мы послали запросы во все части московского гарнизона, как они смотрят на это дело, не будут ли они против и не примут ли мер с оружием в руках против нас. Но весь гарнизон был единодушен. И мы были убеждены, что расформировать нас не удастся. После этого в 2 часа ночи нам пришлось уже войти в Кремль вместе с 46 полком. Это было нашим первым шагом в революционном выступлении. Я был председателем ротного комитета. У нас было 12 человек офицеров, которые бросили нас, и мы остались без руководителей. Несмотря на это, мы победили и без руководителей. Когда мы пришли к Совету, то эс-эры старались нас столкнуть с пути и говорили нам: «солдаты, ступайте спокойно в казармы», но мы заявили, что не пойдем, так как наши две роты сидят в Кремле, и мы должны итти в Кремль. Тогда нас оставили в Московском Совете, в Белом зале, где собирались важные заседания и решались важные вопросы. Ночью был послан отряд для занятий вокзалов, и это было нашей первой боевой задачей. Затем мы должны были разоружить Комиссариат, и т. д. Я хотел еще сказать о том, что представляла из себя Дубровинская команда. Тут не было ни взводных ни руководителей, и посылались отряды по 20 человек на улицы и они просиживали на улицах от 24 до 40 часов. Затем возвращались домой и ложились на нары, а вместо них посылались другие. Таким образом, Моск. гарнизон и в частности 193 полк вышли победителями в Октябрьской революции.

Тулянов.

N-ская мастерская.

Я был столяром N-ской Московской мастерской, солдат старой армии, и в этой мастерской так же, как и везде, была исключительная эксплоатация солдат; солдаты, как и большинство солдат старой армии, были послушны; с ними можно было делать все, что угодно. Мы с тов. Демидовым в 1916 г. встретились в Брест-Литовске, и когда начали организовывать завод, мы с ним по профессии были далеки, но по взглядам очень близки и часто беседовали на ночных сменах о том, как мы подойдем к задаче, которая стоит перед нами. И я помню, во время первой революции, которая совершилась под общими демократическими лозунгами, было много противников не то что Советской власти, но и какого бы то ни было демократического правительства, и все все-таки надели красные банты. Я приведу одни характерный случай. Один из офицеров подходит ко мне, как руководителю определенной массы завода, и говорит: «нам выходить не следует, а вы пойдете для того, чтобы спровоцировать рабочих. Выйдете на улицу, а потом понемногу разойдетесь, потому что, если сейчас вы пойдете, то рабочие бросятся на нас, и у нас будут убийства». Я ему сказал, что это дело решит история, творимая передовым рабочим классом, и здесь предательства со стороны рабочих быть не может и что солдат есть тот же рабочий в серой шинели. Это был прапорщик, заведующий буфетом. Он с искаженным лицом отошел. Трехтысячная масса вышла. Мы сразу поставили в Басманный и Лефортовский район определенный кадр, на который можно базироваться. И в дальнейшем, отойдя от этой общей революции, нашей целью было забрать эту трехтысячную массу в собственные руки, руки рабочих. Но нашу работу тормозило офицерство. Они были лучше воспитанны, лучше приготовленны. Они Комитет захватили в свои руки, их было 7 и нас было 7, и всякий раз, как ставился солдатский вопрос, мы получали свои 7 голосов. Так же, как по правилу Керенского, председатель, т.-е. офицер, пользовался двумя голосами, то перед нами повелительно встала задача забрать этот комитет в свои руки. Мы решили разбить его на определенные комиссии и довели количество членов до 21 человека и в большинстве мы выбрали солдат; мы офицерство вышибли из самых мастерских, как балласт, живущий за счет солдат, которые работают по 12 часов в сутки. Когда на нас стали надвигаться события фронта, когда раздались лозунги, провозглашенные Керенским,—война до разгрома германской армии и т. д., тогда мы опять собрали эту массу и стали намечать, что нам нужно делать дальше. Я здесь хочу вспомнить один довольно яркий факт. Во время июльских дней в Петрограде я был членом совета солдатских депутатов. Перед нашей фракцией большевиков стал вопрос о демонстративном невооруженном выступлении в знак солидарности с Петроградским пролетариатом. Я позвонил по телефону в осадный пункт. Один меньшевик, который пытался вести агитацию против демонстрации, по-

терпел неудачу: никакой силой их не могли остановить. Когда я выступил, скомандовал: «за мной!», масса дошла до Скобелевской площади. Здесь мы встретили другую демонстрацию, идущую против рабочих. Правда, это были фронтовики, главным образом, инвалиды, которые стали бросаться и плевать в лица солдат, но более активные действия, однако, они боялись предпринять. Ни одному району, ни одной фабрике не удалось пробраться к Скобелевской площади, где был назначен центр. Не помню какую именно фабрику нам удалось под своим покровительством проводить до площади. Перейду теперь к нашему участию в Октябрьской революции. Мы составили Революционный Комитет, распределили между собой определенные функции. Я взял на себя часть управления артиллерийским боем, тов. Демидов взял на себя снабжение снарядами, винтовками, гранатами и другими боевыми припасами; Семенов взял на себя пехотную часть. В 1 час ночи собрали председателей районов—от Бауманского района Розенштейна, остальных районов фамилий не помню, и решили в 7 часов утра наступать на кадетские корпуса. Стали готовить пушки. У меня был дежурный офицер. Я обратился к нему: «Где панорамы?» он говорит: «Они еще не найдены». Пришлось прицеливаться через дуло, и когда я в первый раз приложился, перелет был в 12 верст и убил 5 человек жителей. Это было печально, но вместе с тем ничего нельзя было сделать. Вторым снарядом я ударил по трубе Гужона, третьим—по Златорожскому парку. И после таких неудачных трех выстрелов я приказал взломать все и найти панорамы; они были найдены. Горбачевский, как дежурный офицер, играл двойственную роль: если, мол, победят белые, то я скажу, что, как верный офицер, остался на своем посту; если победят большевики, то тоже остался, как дежурный офицер, исполняющий свою обязанность. Когда, после ожесточенной борьбы с юнкерами, мы победили 2 корпуса, то по спискам оказалось, что это были все от 13—18 лет. Наибольший возраст был в 1-м корпусе. Когда я явился, чтобы заключить договор с директором, он сказал: «У нас приказ Комитета безопасности, и я оружия не сдам». Я говорю: «А у меня приказ Революционного Комитета, на основании которого я должен немедленно обезоружить вас». Их положение было пиковое, но и наше тоже. Была осенняя изморось, мелкий дождь; солдаты стремились во что бы то ни стало скорее этот узел развязать. Он сказал: «Оружие не сдам потому, что на нас могут напасть бандиты, и нас, как офицеров, могут обидеть». Я дал ему гарантию безопасности, но оружие оставить им отказался. Я дал ему на размышление 5 минут и сказал, что после этого срока буду обстреливать артиллерией. Не успел, однако, я выйти, как получил письмо от директора, что он сдается. В то же время Демидов заключил договор, которого я не знал, с юнкерами,—и те сдрейфили. Юнкера играли главную роль в том бое. Без передышки я назначил комиссара и отправил на Швивую горку с захваченными 2-мя орудиями. Здесь я хочу остановиться на одном эпизоде. Я выехал в ограду Никиты мученика. Священник меня спрашивает, зачем я сюда приехал. Я говорю, что здесь будут производиться маневры, и хочу развернуть батарею. Он спросил: стрелять не будешь? Я сказал: «не буду». Не успел этот священник отойти, мы зарядили два орудия. Как только юнкера сменились с поста, я ударил сразу залпом,—ни одного окна, ни одной иконы не осталось. Все слетело, и священник исчез. Завязался жесточайший бой за Кремлем. Разбит Чудов монастырь и Малый Николаевский дворец; вся эта часть Кремля была разбита из наших 2-х орудий, 48-линейных гаубиц. В 5-й день Октябрьской революции, когда красногвардейцы начали рваться в квартиры производить обыски, я стал опасаться, что это может повести за собой грабежи, пьянство и вообще деморализацию. Я тогда послал представителя в Революционный

Комитет, чтобы принять те или другие меры. Когда я приехал на батарею с тем, чтобы приступить к обстрелу Кремля, то увидел, что вся батарея пьяна, и что нужно ее сменить. Артиллерийский кадр был у нас достаточный, и мне удалось сделать это быстро. Но перед Революционным Комитетом стояла опасность погрома и грабежа. Но. к счастью, в этот тяжелый момент инстинкт подсказывал массе, как действовать и она нашла выход из положения. Мои опасения деморализации оказались преувеличенными.

Двинцы.

Торгованов.

„Двинцы“.

(Речь, произнесенная 6 ноября 1921 г. в Колонном зале Дома Союзов).

Я не могу без волнения сегодня, когда исполняется четвертая годовщина Октябрьской революции, вспомнить, что мы переживали тогда. Тот революционный пыл, который охватил меня тогда, он сохранился и до сих пор и иногда и теперь не дает мне возможности говорить спокойно там, где это нужно. Октябрьская революция захватила народные массы так глубоко и так широко, что они решительно и беззаветно выступили на защиту рабочего класса.

24 ноября 1917 года, ровно 4 года тому назад, я находился в команде двинцев. Товарищи-двинцы в Москве имели свободный доступ повсюду и в Московский Совет, и в районный. Все говорят: «Двинцам не нужны письменные пропуска». Все они проходили беспрепятственно во все партийные и советские органы. Команда двинцев состояла из солдат Двинского фронта. Мы являемся членами ротных и полковых комитетов на Двинском фронте, были отправлены Керенским на фронт в те исторические дни, в июне, когда здесь подготовлялось восстание. Мы были в Новочеркасске. Керенский знал, что там революционный гарнизон. Он состоял из молодежи. Мне было 18—19 лет. Революционный гарнизон Новочеркасска нужно было отправить на фронт, тем более, что там была борьба с немцами. Нас бросили на фронт, мы пошли. Никто из нас еще тогда в партии не состоял. Я также. Но мы были глубоко убежденными большевиками. Мы твердо стояли за свержение власти капиталистов не только в России, но и во всем мире. Нас отправили на фронт. Мы не отступали назад, но и не шли вперед. 641 Ташкентский полк, где я был членом комитета, имел белогвардейский комитет. Нас, большевистски-настроенных, было страшно мало, но мы пользовались огромной популярностью среди солдат. Солдаты шли за ним.

Нас арестовали,—не одного и не двух, а тысячи человек двинцев. Мы были отправлены в Двинскую тюрьму. Там нас посадили под самую строгую охрану юнкеров. Прежние надсмотрщики состояли из рабочих, мы их сагитировали, и они стали большевиками. Они нас пускали на митинги и на собрания. Их сменили юнкера.

Когда Рига была занята немцами, нас из Двинской тюрьмы переправили в Бутырскую тюрьму. В Бутырскую тюрьму мы попали благодаря тому, что нас решили отправить в центр. Думали, что центр нас сдержит, что умеренные, находившиеся и в Совете и в других органах, возьмут нас в ежевые рукавицы. Из Бутырской тюрьмы мы послали Керенскому телеграмму с требованием немедленно нас освободить. На нашу телеграмму был получен ответ с предложением произвести следствие: расследовать наше дело и немедленно привести в исполнение приговор. Многие из товарищей обвинялись по 105, 106 и др. статьям за попытку ниспровержения существую-

щего строя. В ответ мы об'являем голодовку. После 3 — 4 дней голодовки мы требуем, чтобы к нам приехал представитель Московского Совета. К нам попадает родной «Социал-демократ», тогдашняя большевистская газета. Мы читаем ее с радостью. Те, которые посильнее, читают, раз'ясняют. Остальные лежат по койкам. Нам не позволяют лежать. Мы отказываемся от всяких предложений со стороны администрации. На пятый день к нам, наконец, приходят с доброжелательными разговорами, предлагают нам усиленную пищу, предлагают послать новую телеграмму Керенскому.

Мы требуем, чтобы немедленно на заседании Московского Совета был поставлен вопрос об освобождении нас, ибо мы — защитники рабочего класса. На шестой день нашей голодовки мы все-таки добились того, что к нам был направлен тов. Муралов, впоследствии командующий округом. Мы ему рассказали сущность дела, и в Совете фракция большевиков перед меньшевиками и эс-эрами настояла на нашем освобождении. От голодовки мы все ослабели. 25 сентября 1917 года нас освободили из Бутырской тюрьмы. Недели через две, пройдя через разные госпитали, мы стали на ноги. Пребывание в тюрьме создало из нас хороших агитаторов, и мы решили немедленно броситься в разные районы Москвы, куда укажет нам партийная организация. Тогда таких собраний, как теперь, не было. Тогда были митинги на улице. Выступишь на трибуне или каком-нибудь памятнике и кричишь: «Товарищи, да здравствуют советы». Сейчас же собираются с одной стороны белогвардейцы, с другой стороны рабочие, начинается ожесточенный спор. Наши враги достаточно теоретически подготовлены. Они знают и нашего Маркса, знают Дарвина. Но хотя у нас знаний нет, а лишь проникнуты истинным революционным сознанием, мы говорим свое, они свое. У них есть достаточно знаний, у нас есть достаточно революционного сознания. Рабочие на нашей стороне, — буржуазия на их. В результате получается, что всю аудиторию мы разбиваем на два лагеря. Дальше мы движемся по всем районам. К нам присылают разных офицеров, командиров, мы от них отказываемся. Мы выбираем своего начальника из солдат. С нашими начальниками не считаются. Мы тогда становимся автономными, самоуправляющимся. И вот 24 октября к нам из Московского Совета поступает сообщение о том, что нужно готовиться. Быстро мы выбираем двух товарищей: Козина и Федотова. Меня выбирают в районный совет Бутырского комитета. 24-го ночью, мы, недостаточно вооруженные, не имея шинелей, движемся к Московскому Совету. Получив там целый ряд инструкций, начинаем действовать. Нам говорят: «Двинцы, на вас надежда. Вы целиком, сколько вас было — 800 человек, вошли в коммунистическую партию. Мы на вас надеемся. Раз вы за рабочее дело, вам надо выступать вместе со всеми организованными рабочими». Так мы и сделали. В начале мы встали у Никитских ворот. Наша задача была охранять Московский Совет. Наш район был городской. Мне приходилось получать оружие. Меня тотчас же избрали для сношения с солдатской секцией Московского Совета и с Бутырским районом. В Бутырском районе мне предоставили право взяться за организацию красной гвардии в качестве председателя, — тогда начальников не было, — штаба. Я создал целый ряд красногвардейцев. Мне давали ответственные работы и в Бутырском районе и в городском. У Сухаревой башни проезда не было. Как сейчас помню: мы едем. Со мной еще была одна сотрудница красной гвардии. Она убита в автомобиле, мы едем, держа курс к Московскому Совету. Нас залпами встречают белые из домов. Нас не пропускают. Мы едем за винтовками, которые необходимы нашим двинцам. Мы получаем винтовки и с этими винтовками и с теми товарищами, которые были еще в госпитале довольно слабыми, движемся к Московскому Совету.

Когда мы шли к Московскому Совету, нас на пути перехватили пули юнкеров; артиллерия с Ходынки зажгла Юнкерское училище. На Никитской зажглись те два дома, которые являются сейчас историческим памятником. Нас оттуда обстреливают. Пули летят со стороны Метрополя. На М. Дмитровке мы ехали на грузовике, грузовик оказался худым. Мы пошли пешком. Шальная пуля сразила женщину. Мы всех граждан удалили с улицы и немедленно рассыпались в цепь и движемся по направлению к Никитской. На Страстной площади мы опять рассыпаемся в цепь и направляемся на Никитскую улицу. С разных сторон белогвардейские и разные обывательские элементы начинают агитировать против нас и говорят, что эта самая кучка нарочно затевает войну. Некоторые женщины хотят помогать нашим раненым — белогвардейцы не допускают. Мы с трудом дошли до Московского Совета и слышим, что два броневика лобовым ударом бьют по Московскому Совету. Нужно было сделать оцепление. Нас, как новую подоспевшую силу, тов. Грачев, — он тогда же был убит, — распределяет в разные места, дает назначение кого куда, дает каждому отряду поручение отыскивать те места, в которых засели белогвардейские банды, и снимать их из этих гнезд. Многие белогвардейцы не военные стреляли из окон. Мы выполнили это поручение. На второй и на третий день все измучились, никто не спал, сил нет. Мы, однако, знаем, что юнкера, находящиеся в Кремле, — как мы тогда узнали до 12.000, — не сдаются и продолжают вести борьбу. Мы знаем, что в Московском Совете кипит лихорадочная работа. Мы знаем, что Московскому Совету угрожает опасность. Ни один из нас не вернулся и не лег, хотя многие из нас были слабы после голодовки. Мы вели отчаянную агитацию и работу с оружием в руках. Мы разоружали юнкеров. Иногда бывало, что мы так много навешивали на себя оружия, что трудно было ходить, — сдавать некуда и некому было. Был такой случай. Одна группа офицеров лежит в госпитале и для вида играет в карты. Мы приходим, отбираем оружие, офицеров оставляем живыми; говорят, что они больные, но мы знаем, что они играют в карты для отвода глаз, чтобы скрыть оружие. Мы отбираем оружие, но их не расстреливаем, оставляем на месте, приставляем караул и запрашиваем Совет, как с ними поступить. Офицеры они или не офицеры, враги или не враги, — пусть это установят представители Московского Совета.

Кроме того, тех юнкеров или офицеров, которых мы задержали вооруженными и готовыми к бою, мы отправили в Московский Совет.

Шесть дней гремели пулеметы, трещали винтовки. Всюду падали военные вооруженные коммунистические и красногвардейские отряды и падали юнкера. Падали и случайные граждане.

Мне тогда приходилось много работать в Бутырском районе, и ездить по Савеловской дороге,откуда белогвардейское офицерство собиралось дать помощь Москве. Там белая часть милиции определенно стремилась дать помощь Москве. Мне пришлось во главе одного экспедиционного отряда отправиться по этой дороге, чтобы там разоружить все милицейские части. Мне пришлось натолкнуться на такие места, где многие рабочие еще не знали, нужно ли выступать, и какие формы принимает борьба. Они слышали выстрелы,знали, что придет борьба, но не знали, как приступить к работе. Мы тотчас же сформировали отряды из этих рабочих, которые по первому же нашему раз'яснению охотно отправились в Москву на подмогу. Закончив здесь свои операции, собрав массу оружия и продовольствия для Москвы, мы отправились обратно.

Здесь мы узнаем, что во многих местах юнкера сдаются. Мне пришлось попасть в одном грузовике вдвоем с тов. Козиным в Басманный район,

в Астраханские казармы. Здесь мы видели, как некоторые товарищи приводили пленных юнкеров. Выполнив работу, порученную нам тов. Грачевым, мы возвращаемся обратно в район. Во что обратилась тогда Москва! Всюду и везде сновали рабочие, чтобы разоружить белогвардейцев, которые всюду вооружали не только буржуазию, не только мужчин, но и женщин, сестер милосердия. Многие из «сестер» вместо того, чтобы помогать нам, имели оружие в руках и, перевязывая раненого юнкера, тут же расстреливали нашего двинца, нашего красногвардейца. Наших сестер милосердия, вышедших из рабочих, было очень мало, и они ездили с нами или ходили туда, где мы вели борьбу. Белые сестры милосердия были определенно не сестрами милосердия, а, как мы их тогда прозвали, «жестокосердия». Они были нашим определенным классовым врагом и вели борьбу, как юнкера.

Должен заметить, что двинцы не все находились в Савеловском госпитале. Там нас было только 400 человек, а другие 450 находились в Московском районе, и мы действовали таким образом на два фронта. То боролись под стенами Кремля у Никольских ворот, то в Бутырском районе.

Но вот мы слышим о переговорах с Рудневым, что юнкера сдаются и и протягивают нам лицемерно руку. Но мы говорим — надо быть на готове, и приводим себя в порядок. Осталось немного, погибло много. Мы, однако, полагаем, что еще окажемся нужными Московскому Совету, и до тех пор, пока окончательно в центре не были закреплены те договоры, которые теперь всем известны, до тех пор мы должны быть на чеку. Москва представляла из себя, как многие, вероятно, помнят кипящий котел. Каждый гражданин принимал хоть какое-нибудь участие. Правда, были люди, которые старались укрыться у себя в квартирах, но я говорю определенно об активной части, которая боролась друг против друга. Все средства передвижения находились у белых. Сноситься с районами было страшно трудно в первые дни.

Наконец, мы узнаем, что мы одержали победу и начинаем проводить дальше агитацию, начинаем вести борьбу, словом везде и всюду, где только появляется какая-нибудь кучка народу. В это время мы слышим, что белогвардейцы начинают удирать из Москвы, — куда, не знаем. Наши разведчики узнают, что белогвардейцы собираются бежать на окраины России и повести оттуда наступление. Тогда мы решаем избрать свой комитет, взамен убитых своих начальников, на случай если нужно будет дать новый отпор.

Федотов.

„Двинцы" в октябре.

(Речь, произнесенная 14 августа 1921 г. на заводе «N-ский склад»).

Товарищи, я считаю уместным отметить ту работу, которая сделала команда двинцев в Октябрьские дни. Что такое двинцы? Многие слышали об этом в книге «Москва в октябре», вышедшей в 1918 году,—там о них излагается подробно. Но несколько слов о них сказать нужно. Двинцы это те солдаты, которые были на Двинском фронте арестованы разными происками Керенского. Например, я был в 479 полку. В этом полку таких, как я, было четыре; вместе с другими полками нас схватили с Двинского фронта за большевистскую пропаганду и агитацию и посадили в Двинскую тюрьму. Там мы сидели ½ года. Здесь как раз начались корниловские дни и из этой Двинской тюрьмы нас куда-то повезли, запаковали в вагон, посадили к каждому кавалериста с шашкой и сказали: «езжайте,» а куда не известно. Дорогой нам сказали, что везут нас, как дезертиров, с Двинского фронта в Могилев, в ставку в помощь корниловским войскам. Мы решили, что дело плохо, надо выкручиваться. Начали агитировать среди кавалеристов. Они скоро поняли, что мы из себя представляем, сложили шашки и винтовки в один вагон и присоединились к нам. На пути в Витебск мы организовали целый эшелон из 860 человек и выбрали комитет, который и руководил этим поездом. Мы послали телеграмму в Московский Совет, что несколько солдат с Двинского фронта, отправленных неизвестно куда, желают во что бы то ни стало прибыть в Москву на помощь борющимся товарищам. Мы знали, что положение очень серьезно, и надо принять все меры, чтобы попасть в Москву. Конечно, мы на эту телеграмму никакого ответа не получили. Тогда мы устроили собрание и решили не ехать в Могилев. Это было в то время, когда тов. Муралов участвовал в семерке или пятерке по ликвидации корниловских дней. Во всех провинциальных городах создались пятерки и восьмерки, в которые входили большевики. Мы обратились к ним и просили направить нас непосредственно в Москву, и нас отправили. В Москве нас встретил 55 революционный полк, который был предупрежден, что придет эшелон дизертиров, который они должны сопровождать в тюрьму. Под'ехав к тюрьме, мы увидали, что солдаты настроены хорошо. Винтовки за плечами, и охраны никакой нет. Мы обсудили в комитете и решили, что сядем в тюрьму, а потом как-нибудь выкарабкаемся. В Бутырской тюрьме мы просидели около 3-х недель. Это было уже в сентябре. 17 числа нас выпустили. Сев в тюрьму, мы дали знать в Московский Совет о своем положении. У меня были связи с Московским союзом кожевников. Я дал знать союзу, что 860 человек с Двинского фронта сидят в тюрьме и об'являют голодовку и просил поддержать и освободить нас. Может-быть, Московский Совет принял меры, или узнали о нашем положении рабочие, но в органе «Социал-Демократ» было написано, что товарищи двинцы об'явили в тюрьме

голодовку, и надо их освободить. Тогда трамвайцы об'явили забастовку. Между тем, мы уже пять дней не брали ни куска пищи, кроме воды. На 5-й день к нам приезжают делегаты Московского Совета и переписывают нас, кто мы, и что из себя представляем. Громадное большинство наших товарищей двинцев оказались участниками с.-д. партии большевиков и участниками военной организации. У 60-ти из двинцев были партийные билеты Петроградской военной организации. Большевики увидели, что люди сидят напрасно и вовсе не дезертиры, что нужно их освободить. Также и меньшевики согласились с ними, и на 6-й день нас освободили. По выходе из тюрьмы нас поместили в Белозерском госпитале за Москва-рекой и у Савеловского вокзала. Тогда я пришел в Московский Комитет и предложил помощь нашу в виде агитаторов. Мы организовали 35 агитаторских групп по 3 — 4 чел., которые были брошены на фабрики и заводы; ни один митинг, ни одно собрание, не проходило без участия двинцев, как свидетелей наиболее пострадавших от режима Керенского на Двинском фронте. Теперь история двинцев вам ясна. Какую же роль они выполняли в Московские октябрьские дни. Помимо того, что они были агитаторами на всех митингах и собраниях, они сыграли громадную роль и в разведке; я получил извести от президиума Московского Совета, что я назначен начальником разведки, и в бюро вошло еще 2 товарища. В зту разведку мы сейчас же приняли всех 860 человек. Тов. Аросев говорит мне, что нужно вызвать из Белозерского госпиталя 300 человек к Московскому Совету. Эти 300 человек сначала послали от себя группу в 50 человек в виде передовой группы. Эта группа, шедшая мимо Кремля, была обстрелена со стороны Кремля юнкерами. Тов. Сапело, который был командиром зтой передовой группы — команды в 50 человек, был растерзан юнкерами и поднят на штыки, 45 человек из команды были расстрелены, а 5 человек убежало обратно и рассказало об всем оставшимся товарищам. Я написал донесение тов. Аросеву о том, что произошло, и с этого момента начались бои. Каждый раз на какое-нибудь выступление приходилось бросать несколько человек вперед, и здесь двинцы опять-таки сыграли громадную роль. Нужно было взять градоначальство. И вот тов. Аросев присылает тов. Яныву приказ командировать двинцев, и через ½ часа градоначальство взято, и ведут уже пленных к Совету. Затем нужно было взять Никитские ворота.

Я говорю тов. Аросеву: «примите во внимание такую вещь — я солдат — я не знаком с командным делом и как бы не напортил дело. Тов. Саблин прапорщик, назначьте его». Назначается тов. Саблин, который руководит действиями у Никитских ворот. Никитские ворота были взяты, и здесь двинцы были впереди. Прихожу в Революционный Комитет. Тов. Аросев сидит у карт и чертит — это надо разгромить, это протаранить и т. д. Тов. Аросев знает, что надо протаранить ворота во что бы то ни стало; протаранил ворота, надо дальше итти. Как итти? Кремль окружен, посылаем двинцев туда. Они идут вперед и занимают Кремль.

Команда двинцев сыграла громадную историческую роль, которая должна быть занесена золотыми буквами на скрижали истории.

Городской район.

Ася.

Октябрь 1917 г. в Городском районе.

Выступать или нет?

Общее собрание членов партии Горрайкома в быв. трактире Романова, на Сухаревской площади. Дебатируется вопрос: выступать немедленно или занять выжидательную позицию. Споры разгорелись жаркие. Сторонники умеренной тактики (их было очень немного) не давали почти говорить. «Вы не за себя говорите: члены партии, мы знаем, к бою готовы, пойдет ли беспартийная масса за нами,—спрашивают товарищей из ячеек,—не будет ли вторых июльских дней, когда выступят одни большевики?»

«Мы, именно, говорим не за себя, мы, может-быть, могли бы понять, что лучше побольше сил накопить, но на нас напирает беспартийная масса, она не хочет ждать; смотрите, как бы она без руководства партии не вышла на улицу, тогда будет трудно вести борьбу организованно»,—вот что единодушно говорили члены партии с мест и это была не надуманная теория, это говорилось кровью сердца. Товарищи считали, что всякий, кто против выступления,—или изменник, или ослеп и не видит настроения масс. «Пусть идут к соглашателям»,—говорили про тех из вождей партии, которые были против выступления. Особенно волновались красные портные. «Хвостики» же (члены Союза Молодежи) совсем неистовствовали и всем совали резолюцию Моск. К-та Союза, где говорилось, что если партия не возьмет на себя руководство движением, молодежь отвернется от нее, не будет считать своим вождем.

Жестко хлестали противников выступавшие покойные товарищи Усиевич и Подбельский, члены Райкома. Единицы были против выступления. Резолюция за немедленное выступление была принята с огромным под'емом; со сверкающими лицами, полные боевой готовности расходились по домам. Ветхие стены романовского трактира далеко за полночь оглашали звуки мощного боевого напева: «Нашей ли рати бояться призрачной силы властей».

В Питере началось!

Приходим с собрания ячейки завода Михельсон (ныне 18 уч. тяги Сев. ж. д.), где обсуждали: выступать или нет, и решили, конечно, выступать. В дверях встречает бодрый, сияющий радостью секретарь Райкома т. Вениамин Тверицын (ныне умерший): «В Питере началось, жизнь разрешила наши теоретические дебаты». «Ну, наконец-то,—облегченно вздыхает михельсоновец,—ведь эта неопределенность, боязнь, что партия проспит, пропустит момент, камнем на душе лежала, боялся массе открыто в глаза смотреть, теперь, значит, за дело, пойду к своим».

Собирается Районный Комитет, откуда-то без всякого зова один за другим приходят товарищи из ячеек.

«Мы готовы, за свой завод ручаемся»—единодушный ответ их Райкому. В рабочих не сомневается и Райком; вот с кем пойдет солдатская масса? как бы весь энтузиазм не разбился о несознательность забитого, замученного войной русского солдата.

«Сделаем первую пробу: в нашем районе Спасские казармы; если эта крепость будет наша, то будет предопределено настроение в мелких частях». В нашей районе тон задают Спасские казармы. Туда нужно итти немедленно, не дожидаясь конца заседания. Кто пойдет. Вызвался ряд товарищей, в том числе и противники выступления. «Да ведь вы же против, как же так?»—«Битва началась, теперь споры в сторону, мы солдаты революции, становимся на пост». Ушли. Райком продолжает заседание. Конструируется Воен.-Рев. Комитет, которому Райком передает все руководство районом, решается ряд организационных вопросов. В это время возвращаются товарищи, ушедшие в Спасские казармы. «Красноречие было лишнее, солдаты с нами, офицера арестованы, солдаты Спасских казарм ждут приказа Воен.-Рев. К-та, вот их представители».

Итак, войско с рабочими. Что будет дальше?

Дни решительных боев.

Мучительные часы ожидания. Переговоры с Рябцевым. Рабочие ходят угрюмые. «Зачем эта канитель, скорее начинать».

В темную холодную ночь прозвучали первые выстрелы. Началось. Военно-Революц. Комитет превращен в военный лагерь, не узнать веселого трактира Романова: наверху день и ночь заседает Ревком, в коридорах, на лестнице, во всех комнатах серые шинели солдат и суровые, черные фигуры рабочих. Беспрерывно щелкают винтовки. Говор, возбуждение, сверкающие энтузиазмом лица. Кое-кто, склоняясь на винтовки, засыпает после нескольких бессонных суток, большинство преодолевает слабость человеческого организма, бодрствует, живет нервной энергией.

С чердаков ближайших высоких домов беспрерывно палят по ветхому зданию романовского трактира. Там засела кучка белогвардейцев. О страхе и панике среди осаждаемых в трактире Романова не было и речи. Но была жгучая ненависть, дикое озлобление против белогвардейцев. С криком «проклятые юнкера, вот вы как!» все хватались за винтовки и начинали жарить. С 1-го, 2-го этажа в 6-й этаж, конечно, ничего не попадало, даром растрачивались патроны, и так как стреляющие стояли у окон, то бывали случаи ранения. Солдаты и военные этого не делали, но не знающих военных приемов рабочих трудно было от этого удержать. И в такие минуты вспоминается всегда фигура Борщевского: его повелительный окрик «прочь от окон!», а затем деловое спокойное об'яснение всегда расхолаживало слишком разгорячившихся товарищей. Но нужно было что-нибудь придумать, чтобы можно было на выстрелы отвечать не с 2-этажного дома Романова, а сверху. Солдат Спасских казарм предложил поставить пулемет на Сухаревскую башню. Весьма секретно это было сделано, и нужно было видеть, как обрадовались товарищи, когда в ответ на обстрел трактира Романовых, затрещал пулемет с Сухаревки. Обстрел прекратился. Солдаты Спасских казарм были чрезвычайно горды тем, что их товарищ придумал средство огородить трактир Романова. «И без офицеров мы стратегию знаем»,—уверяли они рабочих.

Но если так сравнительно благополучно обстояло дело на территории Сухаревской площади, то тревожные сведения приходили все время из других пунктов района: телеграфной станции, почтамта. Сведения о силе, подготовке и решительности противника приходили из других районов. Из

центра получены сведения, что нужны подкрепления, что у нас мало сил. И здесь вспоминаются особенно яркие моменты. Телефон давно не работает, связь с ячейками держится непосредственная: они все в Ревкоме. Им сообщают приказ Центр. Воен.-Рев. К-та дать в центр подкрепление. Члены партии здесь, нужно призвать беспартийных рабочих, не ошиблись ли мы в их настроении, ведь их у нас сейчас десятки, большинство же придет, посмотрит и уйдет; можно ли надеяться на их помощь? «Можно»,—уверенно заявляют т-щи из ячеек, и действительно через какой-нибудь час после призыва Воен.-Рев. К-та стали приходить беспартийные. Суровые, молчаливые черные кучки. «Хватит ли всем оружия?—с тревогой спрашивают членов Ревкома. «А почему раньше не пришли?»—добродушно говорят им т-щи из ячеек. «Подумать нужно было, а что если только партии дерутся между собой, тогда не стоит кровь проливать, а теперь видим, что, действительно, рабочий с капиталом борется. Ведь буржуи даже детей мобилизовали. Гимназистки, гимназисты все с «юнкирями», все нашей рабочей крови хотят; что ж, мы разве за себя не сумеем постоять, мы знаем, что у них сила большая; ведь это вы сидите здесь, а мы по городу ходим, все слышим, видим, теперь вам, большевикам, одним не справиться, мы пришли помочь!»

И такую свежую струю в немного уставшие солдатские ряды влили эти беспартийные, что сразу появилась уверенность в победе.

А вот глубокой ночью с пением революционных песен приехали рабочие из какой-то фабрики Моск. уезда (к сожалению, не помню какой). Черные, мрачные, с факелами, с винтовками, они сразу привлекли всеобщее внимание. «Кто, откуда, зачем?»—засыпают их вопросами рабочие и солдаты. «Услышали, что у вас жарко и пришли помочь, ведь вопрос-то, небось, жизни и смерти всех рабочих решается. С нами и работницы!» Большинство приехавших беспартийные. «Давайте скорее назначение, за дело»,—просят они Ревком. Их влили в отряд, посылаемый в центр для подкрепления.

Через несколько часов стали приносить раненых, стали доходить вести об убитых. Среди них было много и приезжих. «Как львы дерутся»,—говорили о них москвичи.

Много погибло и москвичей, большевиков, беспартийных, пришедших в решительный момент помочь своей партии.

Вспоминается смерть одного товарища с завода Михельсон. Высокий, сильный, бодрый, он был впереди отряда. Брали телефонную станцию; с криком «вперед!» он бросился в атаку и упал пронзенный в голову. Михельсоновцы не любили рассказывать о смерти тов-ща, но после его смерти ни одного из них нельзя было удержать не в центре сражения: «Мы уже пойдем туда, где горячее»,—мрачно заявляли они.

Перемирие.

Подкрепление помогло. Одно за другим приходят радостные вести: взяли телефонную станцию, Лефортовское училище, приехали кронштадтские матросы. Все воспрянули духом. Приходящие на отдых требуют, чтобы их скорее отправили в новый бой. «Скоро прикончим, покажем «юнкирям» тогда»,—слышится всюду. «Победим, не даром погибли»,—говорят родным убитых и раненым товарищам.

И вдруг известие из центра: «Дайте приказ патрулям не стрелять, снимайте отряды, перемирие». Не провокация ли? Бежим в центр проверить. Верно. Районный Ревком возмущен. Партийные товарищи ругают «соглашательские верхи». С разных концов сведения, что сражающиеся не подчиняются, не хотят перемирия.

Идем в столовую, где отдыхают, кушают товарищи. Глубокая ночь. Но там никто не спит. Все возбужденные, члены партии сообщают о перемирии, беспартийные не хотят слушать. Столовый зал битком набит, атмосфера разгоряченная. «И Ленин нас обманул, что ж, мы без вождей обойдемся; Керенский изменил—без него справились, изменил Ленин и без него свое дело сделаем». Угрожающие возгласы по адресу соглашателей, Ленина. «Иначе, как изменой, об'яснить нельзя»,—слышатся возмущенные возгласы. «Будем воевать до полного уничтожения «юнкирей» и буржуев, память погибших товарищей требует от нас этого»—вот единодушное настроение рабочих и солдат. Члены партии сами не понимают, в чем дело, почему перемирие, но партийная дисциплина обязывает их отстаивать распоряжение центра.

«Вместе же сражались, что ж, не верите нам?—спрашивают они беспарных. «Вам верим, но вас спровоцировали». С большим трудом удалось убедить рабочих сложить оружие.

Только приехавшие из Питера рабочие и матросы, удостоверившие, что больше опасности нет, что власть крепко в руках рабочих, смогли заставить поверить, что измены нет.

История показала, что верный пролетарский инстинкт не обманул рабочих. Партия не хотела проливать лишнюю кровь рабочих и солдат, партия хотела пощадить в момент победы врага и этим доказать, что пролетариат не мстит побежденным. Но враг был слишком коварен; недобитая в октябре белогвардейская нечисть свила себе гнездышко на Украине, и только долгой, упорной борьбой выбил ее оттуда пролетариат.

И когда вспоминаешь сейчас возмущение перемирием в партийных и беспартийных низах, начинаем понимать, как чутка масса, какая ценность ее классовый инстинкт самосохранения.

После победы.

Празднуем победу, власть в руках Совета. Сухаревская площадь еще носит следы недавних битв. Сломанные баррикады, окопы.

На улицах всюду кучки народа, оживленно митингующие. Вот солдат читает меньшевистскую газету, которая потоками грязи поливает дело красного Октября. «Нужно закрыть ее, как смеют они оскорблять память погибших, нашу борьбу», возмущаются рабочие. «Успокойтесь, там не рабочих, а большевиков ругают», вставляет студент. «Нет, теперь большевик и рабочий одно и тоже, мы вместе делали Октябрьскую революцию», с гордостью говорят рабочие.

А вот в том же трактире Романова толпа обывателей осаждает Ревком. «Вы взяли власть, обязаны все сделать, а не можете справиться, не брались бы», злобно шипят дамы в шляпках, пришедшие посмотреть на новую власть. Порядка в Ревкоме, конечно, нет. Приходят насчет свадьбы, похорон, драки,—на все отвечай Ревком. Сотрудник, дающий пропуска, растерялся, но пришедшие посмотреть на свою власть рабочие и солдаты осаждают обывателей: «Вы, небось, годами учились на наши деньги, вы все умеете, а мы еще с боя раны не залечим. Подождите, поживем, не хуже вас править будем».

Идешь на фабрику. «Позовите кого-нибудь из большевиков, я из партийного комитета». «Эх, товарищ, все мы теперь, большевики, нет у нас не большевиков, ведь кровью заслужили это имя, а не билетиком», говорит обиженный рабочий.

И кровная связь партии с ее классом чувствуется во всяком соприкосновении с массой.

Расин.

В центре.

(Речь, произнесенная 6 ноября 1921 г. в Колонном Зале Дома Союзов).

Многое ушло из памяти, позабыты числа, но я бы хотел отметить в нескольких словах ту силу, ту мощь, тот революционный энтузиазм, который проявил рабочий класс Москвы в Октябрьские дни. Если бы хоть отчасти описать эпизоды, которые были в Октябрьские дни, нужно было бы написать большие томы, толстые томы. Я хотел бы рассказать вам, собравшимся здесь, — многие, вероятно, знают, а многие не знают, — как себя держал рабочий класс Москвы, какие жертвы он принес, сколько ему стоило сил, пока он победил. Я в кратких словах начну с момента знаменитого собрания в Московском Совете офицеров. Думают ли они присоединиться к солдатам, у которых уже было определенное настроение, в частности среди солдат Ходынки, среди артиллерии. Военное бюро при Московском комитете партии вело там работу. Особенно началась там работа после знаменитого Московского совещания. Мы уже тогда знали, мы уже тогда чувствовали, что день приближается, что пролетариям придется дать бой, что, как бы там ни посмотрел на это руководящий орган М. К., мы, работники с мест, чувствовали, что не хватает сил сдерживать рабочих и солдат. Я утверждаю, что переворот уже определенно назрел, и на Ходынку, на артиллерийские казармы было обращено самое сильное внимание.

Мы чувствовали, что солдат вывести нам удастся легко. Но чувствовалась в то же самое время нерешительность у этих солдат, когда они оглядывались на офицеров, когда они не знали, что же все-таки будет завтра. Надо правду сказать, что убеждения в том, что мы победим, у нас не было, и очень часто рабочие на фабриках и заводах, когда мы приезжали, нам говорили: «да, но ведь у нас нет оружия». Это правда. В районах, когда началось определенное выступление, оружия не было. Я помню, как теперь: в городском районе во время перехода туда тройки, тов. Бабинская, О. А., старейший член партии и я, мы отправились в Московский Совет с тем, чтобы организовать запасный военный штаб на случай, если московский комитет будет разбит. Я повторяю, что такое предположение у нас было. Правда, надо сказать, мы боялись за Московский Совет, ибо мы знали, с чем мы выступаем. Мы надеялись на гарнизон, но надежда одно дело, а уверенность другое.

Офицерство собралось в Московском Совете, наверху, в одной из комнат, предварительно выгнав оттуда всех «посторонних», но одному из наших товарищей удалось проникнуть туда, так как он был очень похож на офицера, именно, вашему покорнейшему слуге, и я там услышал, что офицерство категорически отказывается выступать. Через короткое время они разошлись, и в этот самый день развились события. Маленький эпизод. Первая пролитая кровь. Я не помню, кажется, в тот самый вечер, после этого

собрания двинцы были у Московского Совета. В Московском Совете устанавливаются пулеметы. Тов. Федотов и тов. молоденький,—я забыл его фамилию,—с криком: «Надо действовать, и первым делом надо сейчас же направить во все районы Москвы разведку», подошел ко мне и говорит: «Дайте ваши револьверы. У нас нет оружия». Нет, револьвер не дам, а вместе пойдемте. Разведка дошла до Красной площади. Мы, подходя к Москворецкому мосту, видим, что на Красной площади построена цепь юнкеров. Разведка об этом доносит Московскому Совету. Не успели сообщить об этом, как сейчас же дружно говорят: «Раз так, нужно итти в тыл».

Двинцы в небольшом количестве, кажется, человек в 20, не помню, направляются через Иверские ворота. Нас встречает патруль юнкеров. Нас пропускают, но на Красной площади раздаются выстрелы. В результате двинцы окружены большой силой, и тут начинается настоящий рукопашный бой. Такого геройства я не видел. На моих глазах двинцы без оружия бросились на юнкеров, в результате цепь прорвалась, но не к Москве-реке, а к Московскому Совету. В тот самый момент уже было принято определенное решение. Выступление началось. Бой был дан. Кровь пролита. Эта революционная тройка отправляется в городской район. В городском районе заседает военно-революционный штаб. Начинается лихорадочная подготовка. Начинается подсчет сил. Чем мы обладаем и что мы имеем. Теперь мы можем сказать, у нас было—нуль. Были рабочие, работницы, был энтузиазм, но не было оружия. Товарищи обратили внимание на близ находящиеся казармы, которые многие из вас знают на Садовой улице. В результате мы оттуда получили силу. Начались чисто военные действия, но военные действия без опытных руководителей. Многие не только не имели оружия, но не умели владеть этим оружием. Но все-таки, подражая военному делу, мы построились цепочками, выставили часовых по Сретенке, по 1 Мещанской и из переулков, но тут начинается несчастье. Где бы красногвардеец не проходил мимо какого-нибудь дома, из форточки, из ворот в него стреляют. К этому времени уже была сосредоточена небольшая сила, но мы решили, что раньше, чем наступать на центр, необходимо ликвидировать ту контрреволюционную силу, которая окружает нас. Стратегическое положение наше против Сухаревой башни у трактира Романова весьма невыгодное. Таким образом, мы стали очищать дома. Приходилось несколько раз заглядывать в один и тот же дом. Укажу, как на любопытный факт, на дом Страхового О-ва на Сретенском бульваре. Туда нам приходилось заходить чуть ли не 6 раз, чтобы обезоружить этот дом. И чорт их знает, каждый раз мы находили все больше и больше оружия. Чувствовалось, что буржуазия не спит. Позорную роль сыграла учащаяся молодежь, которая, несомненно, здесь сидит,—но кто старое вспомянет,—тому глаз вон. Да, роль была позорная. Она нас встречала везде, куда мы не заглядывали с винтовками. В результате, все прилегающие переулки к Сретенке нам удалось освободить. Но тут была очень важная крепость, к которой подойти не только нельзя было, но нельзя было показаться и на большом расстоянии, это телефонная станция. Высокое удобное положение давало возможность засевшим на телефонной станции обстреливать нас на далекое расстояние. Мы долго думали над тем, что делать. Правда, у нас был выход. На второй день нашей борьбы мы получили два бомбомета, которые мы захватным образом отняли у Спасских казарм и доставили к ним снаряды. Но мы не решались их пустить в дело. Мы знали, что телефонная станция—это народное достояние, которое разрушать нельзя. Мы ждали. Мы окружили телефонную станцию со всех сторон, но взять ее мы не могли. Но тут сами белогвардейцы пришли к нам на помощь. Они с нами заключили якобы условный мир. Мы согласились, что

стрельбу вести не будем. Но тут случился эпизод, в котором характерно выявилась физиономия белой братии. На углу Мясницкой и Милютинского пер. проходили наши красногвардейцы. Это, так сказать, второй наш брат,— рабочие тушинцы. Вот, в сущности говоря, на чем мы держались—двинцы и тушинцы и опять тушинцы и двинцы. Один из этих тушинских рабочих проходил. В это время раздался выстрел, его ранили. Наша красная сестра работница подбегает для того, чтобы оказать ему помощь. Раздается второй выстрел, и она падает раненая. Если история будет судить, она нас не осудит за то, что мы в пылу гнева дали 4 залпа по этой телефонной станции. И в результате разбили шкаф с абонентами. Правда, нам было тяжело, мы и тогда знали, что не скоро мы исправим эту телефонную станцию, но иначе поступить нельзя было. После этих снарядов, очевидно, они почувствовали, что мы шутить не собираемся. К нам летит,—теперь его нет среди нас, а многие знают этого товарища,—Григорий Усиевич. На автомобиле, под градом пуль, под перекрестным огнем. Мы не знали, кто едет к нам. Правда, белый флаг на автомобиле. Но, мы, наученные горьким опытом, видя автомобиль, по этому автомобилю стрелять. Но высовывается фигура тов. Усиевича с криком: «Стойте, перестаньте бомбардировать, перемирие». С тяжелой душой мы на это согласились. Мы знали, что они готовят нам штуку, но спаянные, как сталь, подчиняясь дисциплине, и приказаниям Революционного Военного Комитета, мы знали, что если мы не выполним этот приказ, это значит будет дезорганизация. Мы проявили энергию, чтобы заставить рабочих остановиться и доказать им, что раз это есть приказ Революционного Комитета, это должно быть исполнено. Рабочие с болью в душе оставили наступление на телефонную станцию. Телефонная станция одно, но тут у нас начинается другое. С одной стороны, белые просили перемирия, с другой стороны, конечно, зная, что городской район представляет для них штуку опасную, начинают обходить нас с двух сторон. С одной стороны, по Мясницкому пер., с другой стороны, Цветным бульваром для того, чтобы нас сжать в тиски и отрезать пути сообщения с Московским Советом. Надо сказать, что Московский Совет имел один путь сообщения: либо по Тверской либо через городской район к вокзалам, которые были в наших руках. Тут собирается сила, которая говорит, что во что бы то ни стало надо взять Малый театр, Метрополь, и тогда мы можем считать себя, некоторым образом, обеспеченными. Таким образом, боевые операции начинают развертываться. Я вспоминаю теперь эпизод, когда мы пробирались к Лубянской площади для того, чтобы выбить из Политехнического музея белых, и захватить Китай-город, как самый важный пункт. Здесь мы столкнулись с самым для нас страшным. Как только мы подошли к Ильинским воротам, нас встретил броневик. На всех товарищей это произвело ужасное впечатление и все бросились врассыпную. Но опять выступают тушинцы, опять выступают двинцы. Не знаю откуда, появились ручные гранаты, правда, в небольшом количестве, но начинается рукопашный бой с этим броневиком. Начинают подкатывать под колеса английские снаряды и в результате чудо: броневик бежит, бежит от безоружных рабочих. На плечах юнкеров мы врываемся в Славянский базар, где застаем полное единодушие. Тут и сестры милосердия, тут и образцовый лазарет, тут и студенчество, тут и купчики. Одним словом, то, что об'единяло белых. Мы их обезоружили и продолжали наступление. Мы чувствовали, что дело еще не закончено, что у нас есть еще Кремль. Когда подошли к стенам Кремля, положение становилось трагическим, потому что мы встретили беспрерывный пулеметный и ружейный огонь со стороны Кремля, с одной стороны, и, с другой стороны, из Верхних торговых рядов. Как мы их ни обезоруживали, но все-таки обыскать их до кон-

ца не удалось. И с третьей стороны, тут легло много наших товарищей, но и это не остановило рабочих. Рабочих, и беспартийных и партийных, об'единяла единая воля, единый дух, единый размах. Об этих эпизодах, может-быть, когда-нибудь история напишет, в двух—трех словах не скажешь. Много сделали рабочие Москвы. Много сделали московские солдаты.

И. Батышев.

Отрывки воспоминаний об Октябрьских днях 1917 г.

Организованный наспех ночью на 28 декабря отряд из рабочих N-ского завода под руководством тов. Д. Я. Слесарева, члена ячейки Р. К. П. (большевиков), в количестве до 50 чел. был направлен в распоряжение Московского Революционного Штаба, где получил назначение занять Газетный пер. и вести наступление по Никитской ул. Не доходя до Газетного пер., к отряду присоединился поручик Крылов; по дороге мы встретили отряд солдат 56 полка под руководством прапорщика, который направился вести наступление по Брюсовскому пер. Не взирая на ураганный обстрел, начали наступление. В Газетном пер. организовали опорный пункт отряда (Штаб) в доме № 7, а отряд 56 полка организовал штаб по Брюсовскому пер. в здании женской гимназии. Под руководством этих знатоков военного дела мы быстро продвигались вперед. Пули со свистом, как рой пчел, летят над головой, разлетающиеся со звоном осколки оконных стекол, осыпающаяся штукатурка падает прямо на голову. Лихой атакой отряд выбивает юнкеров из дома № 1, угол Газетного и Никитской улицы, забрав у бросившего и бегущего в панике противника 36 винтовок, 24 револьвера и 18 шт. ручных гранат. Этот маленький трофей так воодушевляет бойцов, что они с яростью отбивают атаки противника, постепенно, с незначительными потерями, выбивают противника из укрепленных их пунктов по Никитской ул. С большими боями выбили противника из занимаемых ими домов (по Никитской ул.) №№ 9, 11, 13. Атака была сделана так удачно, что обезумевший противник, несмотря на свое прекрасное вооружение, вынужден был отступить, оставив в этих 3 домах 192 винтовки, 3 пулемета, 86 пул. лент, 11.000 патронов, 4 ящика непочатых ручных гранат, некоторое количество разрывных пуль, 38 чел. пленных и продовольствия: 8 непочатых хлебов и 2 ящика консервов.

Приходили подозрительные подосланные темные личности и предлагали крупные взятки за сдачу им Брюсовского и Газетного пер., чтобы перерезать Тверскую. Члены отряда с возмущением грозили им револьверами и арестом. Несмотря на угрозу револьверами и арестом, они хныкали: «Что вам нужно. Что вы получите?» Тов Крылов и тов прапорщик отвечали: «Нам ничего не нужно, идем мы за общий интерес».

6 дней отряды провели в бою на баррикадах. Отряд потерял 4 человека убитыми и 5 чел. ранеными. Вечная память погибшим доблестным борцам и слава вам оставшимся завершить до конца Пролетарскую Революцию!

* * *

Сухаревская площадь. 2 часа ночи. Ночную тишину нарушает несущийся издали грохот и гул пушек и отдельные оружейные и револьверные выстрелы. Вокруг темно, фонари потушены, площадь пуста. У здания Рев-

кома, помещающегося рядом с башней, бодрствуют с винтовками в руках часовые. Вдруг... ночную тишину нарушает звук ломающихся досок. Звук усиливается; кажется, что в лесу идет стая медведей, ломающих в своих крепких об'ятиях деревья. Направляюсь по направлению несущегося гула и треска к Сретенке. Летят точно выпущенные из лука доски, бревна, палки. Визг, скрип, звук падающего дерева,—все это издает зловещий гул, точно все эти предметы притягиваются к Сретенке магнитом. Людей не видно, человеческий разговор отсутствует. Через 25 минут палаток (торговцев) на площади не видно, точно водой снесло. На углу же площади и Сретенки, как будто выросшие из земли, стоят высокие, зловеще ощетинившиеся баррикады.

Гуторенко.

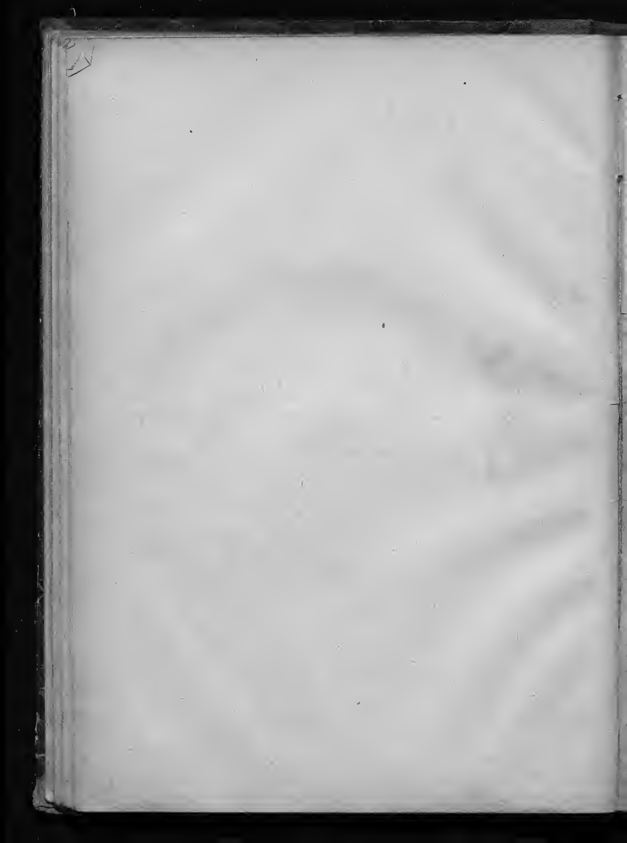
В Городском районе.

В городском районе Красная гвардия начала организовываться в мае месяце. Мы обучали их стрельбе за городом. В июле у нас забрали оружие. Нашей задачей также было изучать районы Москвы и здания—составляли планы. После 12 августа мы уже не выпускали оружие, мы шпионили за всем. За 3—4 дня до создания революционного Комитета мы, красногвардейцы, уже дежурили в городском районе. Когда началась стрельба, 26 октября вечером, нам прислали 40 человек двинцев (называвшихся так по тюрьме и фронту). Мы получили сведения, что из нашего полка есть уже раненые и мы захотели пройти в центр им на помощь, но нас не пустили,—мы должны были остаться в штабе, трактире Романова. Я шел с берданкой и боялся, что меня заберут и отнимут оружие. Но двинцы подбадривали и говорили, что готовы драться даже прикладами.

Тов. Залис своим примером многих заражал,—привел весь завод Михельсона на Сухаревскую площадь и устроил баррикады. К нам приходили рабочие с разных заводов и просили оружие, но у нас его не было. На 3 день мы получили много оружия с Александровской ж. д. За оружием ездили под обстрелом. За патронами ездили в Совет—поехали на 3 автомобилях, нас обстреливали с домов. В это время уже стояли орудия на Страстной площади и обстреливали дом на Тверском бульваре—приют юнкеров. Много было безвестных рабочих, которые шли в бой и погибали.

Энтузиазм был настолько велик, что доставать для себя продовольствие считалось стыдом. Все рабочие хотели быть в горячем деле. Было много воодушевления среди рабочих масс, даже среди женщин и детей, указывавших нам на засевших врагов.

Красно-Пресненский район.

Баклунов, Тихонов и Егоров.

Воспоминание о красных октябрьских днях членов революционной пятерки и ревкома Александровской жел. дороги [1]).

Вот уже и еще новая годовщина Красного Октября... По счету четвертая... Каждый день, каждый час, который записывается на страницах истории кровью не только русского, но и всемирного пролетариата. Окидываешь взором пройденный путь, хочешь записать его, но, видя величие и необ'ятность его, отказываешься.

Живо встают картины прошлого... Цеховой комитет на чердаке конторы токарного цеха Московских мастерских... Председатель комитета тов. И. А. Баклунов, члены т. т. Рыкунов и Ефимов... Их огромная работа по осуществлению лозунга «Вся власть Советам»... Связь через т. т. Н. Вавилкина, А. Зуева, Демина со сборкой, вагонным и другими цехами...

Со стороны Временного Правительства Керенского делаются покушения на Советы... и вот тут-то и начинается наш последний и решительный бой.

Ясно припоминаются, как 25 октября было назначено в московских мастерских районное собрание, на котором присутствовало тысячи три мастеровых и рабочих. Выступали представители всех партий. От нас представители: железнодорожного района тов. Зимин и Пресненского — тов. Ломов. В результате прений была принята огромным большинством резолюция в смысле необходимости поддержки и защиты власти Советов всеми средствами и силами, имеющимися в распоряжении рабочих. Тут же была выделена Революционная Пятерка, в которую вошли т. т. П. С. Егоров (участник революции 1905 г.), И. А. Баклунов, Кураев, Константинов и Лапотко.

Решив организовать Красную гвардию, мы открыли при главных мастерских тайную запись в нее. Сразу же нам удалось сгруппировать несколько товарищей, это т. т. Клемешов, Ермолай Зуев, Петр Волков, Петр Баклунов, Владимиров, Николаев (участник революции 1905 г.), Лисовский, Лобов, Демин, Широков, Самарин, Иванов (из Мобилизационного Отдела Управления), Ильичев, Ушатинский.

Учитывая бойцов и опираясь на главные мастерские, мы в этот же день, не откладывая ни минуты, отправились в Главный Дорожный Комитет, где на основании районного постановления потребовали принять нас равноправными членами Комитета. Засевшие в Комитете эс-эры энергично противодействовали приему, но, в конце-концов, мы были приняты, и, получив мандаты, предложили Комитету передать нам весь имевшийся у него запас оружия, который, по передаче, был роздан нами среди записавшихся красногвардейцев. На дру-

---

[1]) Перепечатано из № 2 газ. „Красная Пресня“.

гой день была разоружена милиция и установлены патруль и контроль за всеми важными, в военном отношении, учреждениями на вокзале. Будучи в Главно-Дорожном Комитете мы сразу оценили насколько необходимо иметь преданных революции людей на телеграфе и вот именно там-то нами и был поставлен усиленный контроль, так что ни одна телеграмма не могла пройти помимо контроля. Тогда же была налажена связь как с Главным Военно- Революционным Комитетом Московского Совета, через члена Московского Совета от главных мастерских тов. И. А. Баклунова, так и с Пресненским, Бутырским и Железнодорожным районами, куда доносилось о всем происходящем у нас на дороге.

События развертывались с головокружительной быстротой, требуя все новые и новые силы для работы, и мы на собрании ответственных работников избрали в помощь Революционной Пятерки Ревком, куда влились т. т. Н. Ф. Тихонов (впоследствии Председатель Совета Дорожных Депутатов), П. С. Егоров, И. А. Баклунов, Лапотко, Кураев, Константинов, Полонский, Михайлов, Гунько, Владимиров-Алексеев, и др. и тут же был организован Штаб Красной гвардии, который выполнял все боевые распоряжения Ревкома. Начальниками контроля были т. т. Волков, Клемешов и Куликов.

С 27-го октября установилась у нас в полном смысле боевая жизнь. Великие и радостные дни, когда мы пролетарии, выросшие под ударами кнута, не гнули шеи, а гордо держа красное знамя, через страдания, кровь, слезы пробивали путь к новой, к прекрасной жизни.. к коммунизму.

Это боевая жизнь потянулась у нас однообразно, временно прерываемая весьма важными событиями. Припоминаются некоторые из них... Получаем ночью по телеграфу известие, что на Москву движутся несколько эшелонов контр-революционных войск. Сносимся с Главным Военно-Революционным Комитетом Московского Совета, последний посылает нам на подмогу несколько боевых товарищей и дает предписание во что бы то ни стало, вплоть до взрывов пути и мостов, приостановить движение эшелонов. Часа через два-три формируем поезд и некоторые из нас едут для разборки пути между Гжатском и Уваровкой. Разбираем путь и тем самым приостанавливаем движение враждебных нам эшелонов и вынуждаем ехавшие в них войска, в большинстве казаки, расквартироваться по Вяземскому и Гжатскому районам. Впоследствии эти войска командующим Московским Округом тов. Н. И. Мураловым были распущены по домам. Припоминается еще, имевший огромный стратегический характер, случай задержки занимавшегося контр-разведкой, белого офицера с планами, нарядами на перевозку войск, разными бланками и крупной суммой денег. Офицер был препровожден в Главный Военно-Революционный Комитет Московского Совета и последний с этого времени отрядил для сношения с нами специального товарища-мотоциклиста. Как потом выяснилось, этот офицер был крупной фигурой в контр-революционном стане. Также припоминается нахождение у нас на дороге большого количества всякого рода оружия и орудий, которыми, по распоряжению тов. Муралова, снабжались красногвардейцы других районов и городов.

Припоминая все это сейчас, в четвертую годовщину Великого Октября, мы, боевые товарищи, не страшась смерти, идем к светлому будущему с твердой верой, что хотя единицы из нас и погибнут, но, в общем, мы, большевики, победим.

Н. Чебышев.

Краткий очерк истории 1 Московской запасной артиллерийской бригады [1]).

В 1917 году среди солдат бригады началось скрытое возмущение, благодаря творящимся непорядкам в правительстве, развратом дворца с Распутиным во главе, изменою высшего генералитета, продававшего крепость за крепостью немецким империалистам. Перед массами рабочих и крестьян во всей ясности стала очевидность, ненужность и бесцельность бойни, навязанной князьями, светлейшими сановниками и капиталистами. Дисциплина начала расшатываться, солдаты перестали повиноваться офицерству... собирались группами и страстно спорили—решали жгучие вопросы назревавшей революции. Тайно и явно они вооружались револьверами и винтовками, добываемыми из складов и цейхгаузов. Охваченное паникою, растерявшееся офицерство употребляло все меры к восстановлению дисциплины в бригаде и, не осмеливаясь арестовывать зачинщиков, всячески старалось изолировать бригаду отправкою таковых на фронт (так был отправлен на фронт офицер учебной команды бригады, перешедший на сторону революционеров, прапорщик Сахаров). Возмущение принимало стихийные размеры—солдаты митинговали и готовы были перейти к открытому восстанию—атмосфера создавалась крайне насыщенной и, кажется, всякую минуту могла разразиться взрывом. Таковой вскоре и подоспел благодаря содействию офицерства бригады. Особенной старательностью в восстановлении дисциплины отличались офицера: командир 6-й батареи Ростовцев и командир 1-го дивизиона Жмурин. Ростовцев был назначен комендантом Ходынского района и по его инициативе был вызван дивизион жандармов, оцепивший бригаду кольцом и старавшийся ее изолировать от Москвы. Для этой цели была приведена в боевое состояние и учебная команда, отказавшаяся исполнить приказ и присоединившаяся к общей массе во главе со своими командиром прапорщиком Сахаровым, что влило новый взрыв энтузиазма, и бригада устремилась на эскадроны жандармов, стараясь разорвать сцепление и широкой волной хлынуть в Москву, что блестяще и удалось выполнить. Дивизион жандармов был обезоружен и отняты лошади. Скопившаяся масса солдат с красными знаменами, лентами и лозунгами двинулась в город и многотысячною массою подошла к зданию Городской Думы, где в то время заседал только что сорганизованный Совет. У Московского Совета артиллеристам стала очевидна опасность, грозящая Московскому Совету со стороны городовых и юнкеров, засевших в манеже. Немедленно помчались на Ходынку верховые товарищи для вызова боевых батарей для охраны Совета. При вывозе пушек из бригады не обошлось без инцидента. Оставшаяся группа офицеров намеревалась воспрепятствовать выезду батарей, сняла панорамы и некоторые стреляющие приспособления,

[1]) Перепечатано из газ. „Красная Пресня“ № 2.

но солдаты обнаружили такую непреклонность в выполнении задания, что белогвардейцы принуждены были отступить и здесь же выдали все необходимое. При проезде батарей по Тверской улице толпившиеся рабочие горячо приветствовали революционеров-артиллеристов и на ходу подвязывали к пушкам и лошадям красные ленты. По приезде орудия были размещены в следующем порядке: два орудия были поставлены на углу Никольской и Красной площади ,два орудия—на Вознесенской площади, направленные на центр белогвардейского скопища в манеже. Настроение было таково: немедленно начать обстрел манежа и силою огня рассеять засевших контр-революционеров, но кровопролития, к счастию, удалось избегнуть, так как приехавший прапорщик Ушаков сообщил, что после пред'явления ультиматума засевшие в манеже сдались. Оставшееся офицерство было совершенно парализовано происшедшими событиями и бродили в бригаде словно «покаянные грешники». События, столь бурные, постепенно улеглись — и началась организационная работа в бригаде. Прошли выборы в комитеты, а затем—и в Совет, избрана была культурно-просветительная комиссия, приступившая к созданию клуба библиотеки, театра и буфета. Насколько помню, в бригадном комитете состояли членами: прапорщик Симский (сочувств. больш.), прапорщик Исаев (большев.), Чашечников (больш.), из Петрограда, который и ввел меня в партию большевиков, Осипов (соч.), Гритин (беспарт.), Струков (зс-зр), впоследствии бывш. председатель комитета, Никитин (зс-зр), его товарищи, оба бежавшие в Октябрьскую революцию, Цветков (больш.), Капустин (меньш.), Мамсин (больш.), всего было в комитете, если не ошибаюсь, около 60-ти человек. Численность всей бригады доходила до 20 тысяч человек. Масса левела, после перевыборов стало заметно преобладание большевиков. Вспоминаю, как комитеты постепенно от контрольных задач подошли к власти в бригаде, так что ни один из командиров не имел права без председателя комитета сделать какое-либо распоряжение. Началось восстание Корнилова, офицерство, ранее работавшее рука об руку, перестало проявлять свою прежнюю физиономию. Повеяло корниловщиной. Председатель пом. к-ра батареи прапорщик Земский командует командиру встать смирно, чего до того времени не было, некоторые по глупости встали, а мы продолжали сидеть, после всей этой комедии мне пришлось настоять об его смене, на что все охотно согласились. На подавление было назначено две батареи в гор. Могилев, но мы, видя «физиономию» комсостава, назначили туда комиссаров, но, к сожалению, не удалось и там поработать нашим артиллеристам, так как Корнилов сбежал или взят был в плен, сейчас не помню, но банда его вся рассыпалась. Затем начались поездки с фронта к нам в бригаду донских и горских казаков и массы других, доказывавших, что надо продолжать войну. Не верьте большевистским вождям—они продались Германии, но увы! — голос оставался в бригаде вопиющим в пустыне, на все речи они получали свист с криками долой, довольно морочить головы — масса шла за партией большевиков, руководимая великим вождем тов. Лениным, ее лозунгом было: «Вся власть Советам». В октябрьские дни 25 октября была принята в Москве Сов. Р., С. Д. резолюция о взятии власти в свои руки; представители бригады тов. Осипов и другие отправились в бригаду для создания Революционного Комитета, а я как член Исполкома Совдепа, должен был остаться в Революционном Комитете Совета, но связь все время держал с бригадой. По приказанию Революционного Комитета я отправился в бригаду для вызова батареи, так как в то время стали угрожать Совету юнкера. В бригаде заседал Комитет под председательством тов. Исаева, членов: Осипова, Мамсина и др. товарищей, фамилии которых не припоминаю. Была великолепно налажена связь с батареями, но был один недостаток, зто оторванность от

масс и возможность быть забранными или уничтоженными юнкерами. Комитет был в здании Бегового общества, занятого революционным порядком. После моего указания Комитет стал перебираться в центр казарм, на случай нападения было указано принять меры к охране, т.-е. выставить орудия по известным направлениям, откуда можно ждать нападения. Отдавши распоряжения и указания, я уехал в Совет. После вызова некоторых пехотных частей, я узнал, по разведке, что на бригаду двигается грузовик с юнкерами и сотня казаков; дело происходило ночью, я звоню тов. Исаеву и слышу по телефону стрельбу, я думал, их уже сбили с позиции, но впоследствии узнаю, что меры, которые я предложил им, не были приняты и что они находятся под обстрелом. Я стал с тов. Ершовым набирать им подкрепление из пехоты, которую быстро отправили в санитарном вагоне. При подкреплении пехоты юнкера были выгнаны из казарм, надо заметить, что не все тов. артиллеристы были вооружены револьверами. Несколько орудий было увезено, из некоторых были вынуты стреляющие приспособления и замки и тут же разбросаны на дворе, которые подобрали и привели в исправность. Нападающая банда, руководимая вольноопределяющимися нашей бригады (буржуйских сынков), которые предложили свои услуги Рябцову, да кучкой, если не ошибаюсь, офицеров нашей бригады, но, видимо, они испугались масс, не зная о том, что они не все вооружены и не довели свое дело до конца, так бригада получила первое революционное боевое крещение на месте: батарея уже подходила к Совету, в это время она попала под ружейный обстрел, потеряла убитую лошадь. Расставив батарею на бывш. Скобелевской площади, были выпущены два снаряда по Национальной гостинице, после чего пехота пошла в наступление с пулеметами на Городскую Думу. На этом оставляю пока свой очерк, так как я в этих боях был ранен и пролежал в госпитале 6 месяцев. Во время пребывания в госпитале во двор попал снаряд и пули попали в палату. По наведенным справкам, это стреляла с Ходынки наша бригада по Государственному банку, где засели юнкера. Радостное было — помню — воспоминание, что товарищи в бригаде продолжают неутомимо бороться за власть рабочих и крестьян. Спустя несколько времени, по выходе из госпиталя я работал в штабе тов. *Муралова,* не терял связь с бригадой; в это время там происходила демобилизация армии, параллельно с этим сорганизовался штаб Красной легкой артиллерии с несколькими сотнями добровольцев, организатором которого явился тов. Израилев, Бирюков и Осипов и др. При демобилизации как и везде были разделы имущества оставшегося после старой армии, но попытка эта руководителями не была допущена: амуниция и снаряжение и другие технические предметы миллионного народного достояния остались нетронутыми и использовывались для вновь формирующихся частей. Ядро, как штаб Советской артиллерии, уже расширилось, был об'явлен приказ по Округу за № 1000 от Народного Комиссариата по В. Д. Во время с.-р. восстания предполагали открыть огонь отсюда по штабу эс-эров. Все было готово, ждали приказа. Помню, как когда тов. Израилев выбрал наблюдательный пункт на колокольне собора Храма Христа Спасителя, причт запротестовал и обвинил нас чуть ли не в богохульстве, но мы, не обращая внимания, продолжали свое дело дальше, но вот пришел приказ сняться с позиции и отправиться на Соянку ближе к расположению эс-эров; моментально все было исполнено и через некоторое время орудия уже были против казарм, где помещался отряд эс-эров. Рядом стояли орудия латышей, открылась стрельба из нашей батареи, был сбит пулемет у казарм. После артиллерийского огня, жалкие безумные храбрецы Саблин, Комков, Черепанов и Попов бежали. Тов. Дзержинский, Жаворонков, Беленький были выручены из плена. По окончании учета бывшее офицерство начало вли-

ваться через штаб в бригаду. Появившимся спецам не особенно доверяли, хотя некоторые из них очень честно исполняли свои обязанности, работая в контакте с коммунистами. После переименования бригады и после ареста Сапожникова, командиром бригады стал бывший прапорщик Шагин, а впоследствии я комиссаром бригады. Работники бригады, как указывалось раньше, оставались старые, что касается комсостава, преобладало большинство из бывших солдат-фейерверкеров.

Комиссары и комсостав почти целиком вышли из бригады, и вряд ли найдется тот фронт Республики, где бы не было артиллерии, вышедшей из нашей бригады. В политической и культурно-просветительной работе бригада проявляла усиленную деятельность за все это время. Через нее прошло несколько сот коммунистов, было выдвинуто более 20 комиссаров и несколько агитаторов, были организованы комячейки в каждой уходящей на фронт батарее, и также организованы на местах в 2-х батареях и командах ячейки.

Г. Беленький.

Пресня перед Октябрем [1]).

Я попал на Пресню после июльского поражения 1917 года.

Прибыв в Москву после об'езда Московской губернии, я попросил М. К. послать меня в Пресненский район.

Меня сильно тянуло на историческую Пресню, на которой в декабре 1905 года революционные пролетарии героически сражались с царскими палачами и насильниками во имя освобождения своего класса от цепей политического и экономического рабства.

Пресня в июльские дни шла еще под знаменем соглашателей. Влияние большевиков было слабое. Большинство завкомов находились в руках эс-эров и меньшевиков. На самой крупной фабрике района — Прохоровской мануфактуре—безраздельно господствовали эс-эры. Из общей массы заводов и фабрик выделялся своей революционностью и солидарностью с большевистскими лозунгами завод «Тильманс», который был в это время «красой и гордостью Пресни». Этот завод был нашей крепостью; здесь находилось самое сильное ядро стойких, испытанных рабочих большевиков, рабочих революционеров; на этом заводе еще в середине июля был явочным порядком введен рабочий контроль. Большевистский завком во главе с товарищами Ивановским и Шеногиным крепко держали в своих руках завод. Ячейка большевиков имела не менее 150 человек.

Всего фабричных ячеек у нас было тогда 8, делегатское собрание состояло из 8 человек. Общее число членов района было не более 300—400. На общих собраниях участвовало не более 50 человек.

Пресненский Совет в это время в большинстве своем состоял из меньшевиков и эс-эров и руководился председателем, небезызвестным меньшевиком Гольдманом — «героем» «Москвотопской панамы». Из общего числа 200 членов Совета только 15 депутатов составляли нашу районную советскую фракцию.

Вот при каких условиях мне и прибывшему вместе со мною товарищу Калачеву пришлось начать свою деятельность на Пресне. Здесь я встретил моего старого приятеля по минской организации (большевиков) товарища Слесарева, который стоял во главе пресненского райкома. Вместе с ним мы выработали план дальнейшей работы и приняли целый ряд мер для усиления нашего влияния на рабочих фабрик и заводов к освобождению пролетарской Пресни из-под влияния мелко-буржуазной идеологии.

По переизбранию райкома и введении в его состав товарищей из наиболее крупных фабик, мы в течение полутора месяцев развернули широкую организационную работу и агит-кампанию по фабрикам и заводам за переизбрание соглашательских завкомов и за переизбрание депутатов Москов-

[1]) Перепечатано из № 2 „Красная Пресня".

ского и Районного Советов. В начале сентября нам удалось на огромном собрании рабочих Трехгорной Мануфактуры свалить соглашательский завком и составить завком из большевиков. Постепенно нашему райкому удалось отвоевать завод за заводом, и в середине сентября большинство рабочих Пресни было на нашей стороне.

Наш райком также повел большую атаку против большинства Пресненского Совета. Добившись права содокладчика на пленумах, мы с товарищем *Слесаревым, Меркуловым, Ивановским* и *Шеногиным* начали беспощадную борьбу с меньшевиками и эс-эрами, разоблачая их предательскую политику. Несмотря на то, что наши резолюции с требованием перехода власти в руки советов большинством членов райсовета отклонялись, мы настойчиво на каждом пленуме выдвигали один и тот же лозунг — *«Вся власть советам»*, и в конце сентября на пленуме Совета, после доклада *Гольдмана* и нашего содоклада была огромным большинством принята наша резолюция.

Тогда же мы потребовали переизбрания Исполкома и президиума. Наша фракция выставила в Исполком и президиум меня, *Слесарева, Меркулова, Шеногина* и некоторых других товарищей.

Наш список был принят большинством при шумных аплодисментах пленума,—огромное большинство встает и восторженно поет «Интернационал». Результаты выборов явились для меньшевиков и эс-эров неожиданностью. Бывший председатель *Гольдман* был бледен, как полотно. Он почувствовал, что царству соглашателей пришел конец.

Овладев Райсоветом, мы весь его аппарат направили на установление более тесной связи со всеми фабриками и заводами, и до 15 октября покончили с соглашательским влиянием и на фабриках Пресни. За август и сентябрь месяц наш райком выполнил большую организационную и агитационную работу среди солдат на Ходынке. Было устроено много собраний большевиков и сочувствующих. Было созвано много митингов, в которых участвовали тысячи солдат.

Чтобы теснее сблизить солдат с рабочими, Пресненский Райком в начале октября выпустил воззвание к рабочим Пресни с предложением устроить шествие на Ходынку для братания с Ходынским гарнизоном.

По этому случаю нами был созван Пленум Райсовета, который вынес постановление об участии всех членов совета в этом шествии.

Место сбора было об'явлено — Пресненская застава. Призыв Райкома и Райсовета встретил живой отклик на фабриках. К условленному времени явилась многотысячная рабочая делегация со знаменами. Стройными рядами, с пением революционных песен двинулись к Николаевским казармам на Ходынку. Здесь, на дворе Николаевских казарм, вокруг трибуны, собралось более 5.000 солдат, которые восторженно приветствовали прибывшую делегацию.

От имени делегации выступали рабочие Прохоровки, Тильманса, а также пришлось выступать товарищу Слесареву и мне. С огромным воодушевлением и под'емом прошел этот митинг.

На этом митинге стало ясно, что солдаты Ходынки и особенно 1-ой Запасной Артиллерийской бригады отшатнулись от правительства Керенского и становятся на сторону большевиков.

Я помню также хорошо, что после митинга один из солдат встал на трибуну и призывал всех солдат проводить рабочую делегацию. Солдаты без колебания согласились. Моментально выстроились в ряды и вместе с рабочими двинулись под звуки «Интернационала» по направлению к Ваганьковскому кладбищу.

По предложению товарища Фадеева (рабочего зав. «Тильманс») все шествие направилось на могилу Баумана. Здесь произошла трогательная картина: многотысячная масса солдат перед могилою Баумана на коленях клялась верою и правдою служить рабочему классу и побороть предательское правительство Керенского.

И они выполнили свою клятву. — В Октябрьские дни артиллерийская бригада была в передовых рядах борящегося пролетариата Пресни.

Две недели перед Октябрем Пресня выравнялась по своей линии. Соглашатели были изгнаны со всех крупных фабрик. Влияние нашей партии росло с каждым днем. Рабочая масса выковывала свою волю в борьбе.

На всех фабриках и заводах создавались отряды красногвардейцев. Везде шли усиленные сборы на содержание Красной гвардии. Пролетарии Пресни ждали сигнала, чтобы начать вооруженную борьбу с предательским правительством Керенского.

Пресня стала в подлинном смысле Красной, как она была в Декабрьские дни 1905 года. Она готовилась к Октябрьским боям.

С. Волгина.

В Октябрьские дни [1]).

Первые признаки нарастания Октябрьской революции проявились в настроении рабочих на фабриках и заводах непосредственно после пресловутого «Государственного Совещания» в Большом театре. Рабочие перестали верить так называемым социалистам из компании Керенского. Их декларации считались на заводах болтовней.

Как сейчас помню, рабочие фабрик и заводов стали зорко и внимательно прислушиваться к передовым рабочим — большевикам. Это было в конце сентября месяца 1917 г. Был будничный день. Собрались местные рабочие у Пресненской заставы. Под руководством районного комитета большевиков во главе с т. т. Беленьким и Слесаревым, одухотворенные сознанием совершаемого, они пошли по направлению к Ходынскому полю в Николаевские казармы, дабы заключить союз рабочих и солдат.

Солдаты нас встретили радостно. Мы разошлись по казармам, чтобы об'яснить положение. Солдаты быстро оделись и стали собираться около трибуны на дворе. Собралось около 15 или 20 тысяч человек. Открылся митинг на тему о нашем внутреннем политическом положении.

Ораторы сменяли один другого. Выступали т. т. Беленький, Слесарев, Федотов. Солдат приветствовали представители фабрик и заводов, а после приветствий с музыкой все вместе направились демонстрировать по улицам, чтобы показать крепость союза рабочих и солдат. Зашли на Ваганьковское кладбище почтить память погибших жертв декабрьского восстания на Пресне. У могил погибших обнажили головы и стали на колени. Музыка заиграла похоронный марш, начались речи, в которых с особенной яркостью и страстностью обличалась политика временного правительства. Трижды становились на колени и поклялись отомстить буржуазии за невинные жертвы 1905 года.

После митинга направились по Ваганьковской улице с криками: «Долой временное правительство», «Да здравствует Ленин», «Да здравствует рабочий класс», «Долой империалистов», «Вся власть советам». Тут воочию можно было видеть и чувствовать в общем настроении, насколько сильны в своем единении рабочие и крестьяне, можно было, судя по этому настроению, с уверенностью сказать, что мы готовы взять и удержать власть.

Вскоре после этого знаменательного дня мы получили известие, что в Петрограде власть взята его Советом. По получении этого сообщения, тотчас же 25 октября, Пресненская организация немедленно созвала районное собрание в доме Новожилова на углу Красной Пресни. Были также беспартийные и меньшевики. С последними, определенно пытавшимися его сорвать, на собрании произошел инцидент. Они говорили рабочим, что переда-

[1]) Из газ. „Красная Пресня“.

ваемое из Петрограда сообщение — ложь и что никакого переворота там не произошло. В горячем споре наши товарищи доказывали обратное и называли их изменниками рабочему классу. После того, как удалось преодолеть сопротивление лакеев буржуазии, они притихли. Был избран районный ревком, который должен был дальше руководить борьбой всего района.

Так началась октябрьская борьба на Пресне. Это было в те дни, когда рабочими был заложен фундамент будущего коммунистического общества, над созиданием которого и ныне с неослабным мужеством и энергией работает наша Коммунистическая партия.

Як. Шляпников.

В селе Всехсвятском [1]).

В 1913 году я вернулся в Москву из ссылки, куда был сослан в 1905 г. за участие в революционном движении. Я пытался получить работу на одном из заводов, но там имелись списки неблагонадежных и через недельку, две, вызывали меня в контору и давали расчет. Приходилось очень туго, пока по совету нескольких товарищей по котельному делу не стал заниматься самостоятельно мелко ремонтными подрядами. Так я проработал в Всехсвятском до Февральской революции.

Квартируя в селе Всехсвятском, я вместе с другими товарищами с завода Кэртиннга, Изолятор и др., находящихся на территории села и вблизи его, организовали Всехсвятский Совет Р. Д., Народный Дом, чайную и Общество Потребителей. Вплоть до Октябрьской революции мы деятельно вели организационную работу. 24 октября в 5 часов вечера созвано было экстренное собрание Сов. Р. Д., на котором выступил тов. с докладом о пролетарской революции и обсуждался вопрос о восстании против правительства Керенского. Тут же было внесено предложение избрать Временный Революционный Комитет, в который оказались избранными: председателем я, тов. председателя т. Галкин, секретарем т. Гоченков, а членами т. т. Белоусов и Шингарев, кандидатами в Ревком вошли т. т. Цветков и Терехин. В этот же вечер Ревком наскоро организовал из товарищей, рабочих местных заводов Красную гвардию в количестве около 90 чел., выделив ее командиром тов. Степанова из завода Изолятор. Штаб канцелярии Ревкома находился днем на верхнем этаже Народного Дома, ночью же переносился в конспиративное место. В задачи Ревкома входило: охрана Ходынского поля, Петровского дворца, Петроградско- и Звенигородского шоссе, связь с Бутырским и Пресненским Ревкомами. Были расставлены патрули до Тверской заставы. Ночь на 25 прошла в работе, — арестовывались подозрительные лица принадлежавшие к банде черной сотни и белой гвардии, отбиралось оружие, каковое находилось у них. Днем составлялась сводка, производились разведки по центру Москвы и в других районах и т. д. На третьи сутки Бутырскому Райкому было сообщено, что на них будет наступление белых, Бутырский Ревком запросил у Всехсвятского подмогу, которую мы немедленно послали в количестве 30 товарищей красногвардейцев. Вооружения у нас почти не было, были кое у кого кое-какие револьверы, шашки и 10 штук немецких штыков, присланных из Бутырского Райкома. На третьи же сутки нам сообщили, что по Петроградскому шоссе из Клина на автомобилях будут проезжать кадеты. Сконцентрировав силы, мы окопались за шлагбаумом на шоссе и всю ночь прождали. Оказалось, как нам донесли на утро, на двух грузовиках они проехали через Дорогомиловскую заставу. В Всехсвятском подрайоне

[1]) Из газ. „Красная Пресня“, № 2.

каких-либо мало-мальски значительных боев не было, кроме незначительной перестрелки в Петровском парке и у Петровского дворца. Сравнительно малочисленные шайки кадет и черной сотни почти не вступали в открытый бой, а действовали из-за угла.

Несмотря на то, что в Всехсвятском подрайоне особенно значительных событий не было, весь Ревком и все честные товарищи рабочие жили в эти тяжелые великие дни одной только мыслью,—мыслью победы Пролетарской революции.

П. Коробочкин.

В Бутырском районе [1]).

24 октября было созвано общее собрание членов Р. К. П., на котором был сделан доклад о подготовительной работе вооруженного выступления; мне впервые пришлось видеть, как товарищи, полные энтузиазма, готовы были в любую минуту ринуться в бой. Избрав революционный комитет, в состав которого вошли товарищи: Богров, Розова, Соловьянц, Торгованов, Баранов, Ефремов и я, мы устроили заседание, на котором были распределены обязанности. Мне пришлось взять на себя организацию Красной гвардии, достать оружие, связаться с находящимися воинскими частями в районе. 25 октября я поехал снимать с работы товарищей-рабочих с фабрик и заводов, настроение которых было великолепное. Повсюду рабочие заявляли: «помрем или победим». И это были не фразы, а действительность, ибо к 12 часам дня наш Штаб на II Масловке, д. № 49, был переполнен товарищами рабочими, которые просили вооружить их и направить туда, где нужна поддержка. Но в Ревкоме оружия не было. Я и тов. Александр Лейтман, после работавший председателем Красно-Пресненского Совета, пошли в бывший ресторан Мавританию, где была расположена рота самокатчиков, у которых нам удалось, после переговоров, взять около сотни винтовок, которыми вооружили товарищей и направили их в Центральный Ревком. По возвращении от самокатчиков я с тов. Соловьянцем поехали в 175 Тульскую дружину, которая находилась в Серебряном Бору, в надежде на получение от нее оружия. Но когда мы стали их агитировать примкнуть к нам, в это время явился председатель Дружинного Комитета, фамилии коего не помню, но знаю, что он был в то время эс-эр. Он нам заявил: «что в Московском Совете идет заседание солдатской секции и до решения ее она нам ничего делать не позволит, а также и оружия не даст». Но товарищи туляки заявили, что «сегодня же придем» и, действительно, часть из них явилась вечером в полном вооружении во Всехсвятский подрайон. Не помню какого числа, но приблизительно 26 октября нам сообщают, что от Тверской заставы по направлению к нашему Штабу по Петроградскому шоссе едут на грузовике юнкера и верховые казаки. Я и еще несколько товарищей отправились на разведку, но по дороге к Николаевским казармам, где юнкера уже открыли стрельбу, я был арестован, но, к счастью, оказалось, своим патрулем, товарищами артиллеристами. 27 октября наша разведка донесла нам, что на ст. Петровско-Разумовское прибыл ударный батальон. Нами немедленно был послан туда отряд из 12 т. т. во главе с Качалиным, Вальтером и Верой Исаевой. В результате наш немногочисленный отряд разоружил банду ударников.

---

[1]) Из газ. „Красная Пресня“, № 2.

в 40 человек, из 13 офицеров и 27 солдат, которых и доставил пленными в Военно-Революционный Комитет. Этот пример лишний раз доказывает, насколько сознательно и самоотверженно было настроение наших товарищей, которые очень часто приводили к сдаче значительно превосходящие их по составу отряды противника.

А. Израилев.

Ходынка [1]).

25 октября 1917 года был тревожным днем для Ходынки.

1-я Запасная бригада волновалась, с нетерпением ожидая вечернего пленарного заседания бригадного совета совместно с батарейными комитетами.

Одна из зал бегового общества переполнена серыми шинелями, атмосфера сгущенная, везде толкн о событиях последннх дней.

На трнбуне члены бригадного Совета—с.-р. и меньшевики в золотых погонах, среди них один лишь солдат, с председателем поручиком Струковым во главе.

Вопрос поставлен ребром: за кем пойдет бригада—за Рябцевым ли, т.-е. за Временным правительством, или за Р. В. К., т.-е. за власть Советов Рабочих н Солдатскнх Депутатов.

Высказываются с.-р., меньшевики, их речн пропитаны ненавистью и злобой к советам, сказывается неуверенность в победе рабочего класса над буржуазией.

С опаской, с большой предосторожностью председатель предоставляет слово большевнкам, которые, правда, немного грубовато—неумело, но твердо и уверенно убеждают аудиторию всеми снламн поддерживать Р. В. К.

Поднимается шум, меньшевики н с.-р. не дают высказываться большевикам.

Наконец возглас председателя: «прнступаю к голосованию, — кто за Временное правительство — направо, остальные — налево!»

Результат сразу выяснился: бригада почти целиком осталась верной рабочему классу, и свои голоса отдала за Р. В. К.

Соглашательскнй президнум под свист и шум прнсутствующих покидает залу заседания, и на его место выбирается руководящая тройка из 3-х тов.: Осипова, Глнвнnского и Исаева.

Без лншних слов, как муравьи, 11 тысяч рабочих и крестьян в серых шинелях стали на защиту своих прав в лнце Р. В. К. (тройка), без всякнх приказаний свыше взялись за работу и немедля прнвелн в боевой порядок бригаду; на следующий же день Ходынка нз себя представляла неприступный красный лагерь.

В ночь на 27 октября бежавшие из бригады офнцеры, юнкера и вольноопределяющиеся сделали налет на брнгаду с целью захвата артиллерии и лошадей, во время налета был убит дежурный по конюшне и ротный дневальный (имена этнх героев так и остались невыясненными).

Дорого заплатнли белогвардейцы за пролитую имн первымн кровь: брнгада, разгневанная дерзким выступлением белогвардейцев, разбнлась на батарен и своим появленнем и действнями наводила ужас на белых; Никитские

---

[1]) Из газ. „Красная Пресня", № 2.

Ворота, Тверская, Ильинка, Красная площадь, Никольские Ворота и Кремль—дело рук 1-ой запасной.

Пять дней, под дождем, без еды, сна и отдыха 1-я запасная артиллерийская бригада отстаивала интересы трудящихся и сыграла крупную роль в октябрьской победе рабочего класса над белогвардейщиной.

При невероятной обстановке руководители Ходынки твердо и уверенно вели преданных рабочему делу солдат к победе рабочего класса:—Осипов—член Р. В. К., Бирюк—Никитские Ворота—Арбат; Израилев—Советская площадь—Ильинка—обстрел Кремля... И много других славных борцов, имена которых так уже изгладились из памяти.

25-ое октября 1921 г.

Васильева.

На фабрике „Сиу“ [1]).

В 1917 г. к началу февральской революции на фабрике «Сиу» рабочих и раб-ц было около 2,000 чел., из которых официальных членов РКП было около 10 чел. Несмотря на то, что рабочие и раб-цы к тому времени вполне еще не сознавали значения и смысла борьбы большевиков и несмотря на трудности ведения в то время агитации, рабочие и раб-цы все-таки чутко прислушивались к ней. Благодаря тесной живой связи, существовавшей с комитетом большевиков и бдительности последних, меншевистские и эс-эровские пауки не успели еще опутать умы раб-ц соглашательской паутиной и свить себе гнездо на фабрике. В частности поддерживалась также связь и с постоянными агитаторами: т. т. Беленьким, Слесаревым и др.

В августе 1917 г. избран был завком, который целиком состоял из большевиков, проявивших себя как активные члены; последние повели определенную революционную линию. В это время уже началась подготовка по организации Красной гвардии, на фабрике было завербовано 60 чел. рабочих, хотя еще не состоявших членами партии, и молодых, но вполне стойких борцов, доказавших на деле свою преданность рабочему классу и не опозоривших святое имя коммунизма. Начальником боевой дружины был один из выдающихся боевиков, член РКП т. Коженов.

В сентябре уже началась энергичная работа на ф-ке по подготовке взятия ее в руки рабочих—борьба, которая продолжалась до Октябрьского переворота.

Но вот настали великие дни Октября, когда уже определенно было решено рабочими взять власть в свои руки. В первых числах октября у нас, на фабрике началась лихорадочная работа в ком'ячейке и завкоме.

Начались частые митинги и собрания рабочих по подготовке к выступлению. Рабочие в целом были воодушевлены большевистским настроением и готовностью к активной вооруженной борьбе за власть Советов. На всех собраниях принимались единогласно резолюции большевиков. На последнем собрании пред открытым выступлением решено было отчислить 3.000 руб., из которых 1.000 руб. были отданы парткомитету для поддержания Красной гвардии. Эта маленькая сумма оказала громадную и неоценимую поддержку в ведении вооруженной борьбы, так как материальных и денежных средств в Райкоме было мало, а потребность в расходах была громадная. Первая помощь в особенности оказана была в тяжелые дни, за что и получили мы товарищеское спасибо от т. Слесарева. Об'явлено было рабочим, что завтра, т.-е. 25, не работаем. Наконец настал долгожданный день вооруженной борьбы. Началась боевая работа; еще ночью вся боевая дружина и Красная гвардия были на месте. Первым делом решено было разделиться на половину;

[1]) Из № 2 газ. „Красная Пресня.

одна часть, большинство мижчин, пошла в боевые ряды на улицу и в другие учреждения, которые тоже оказали неоценимую услугу Пролетарской революции; другая часть совместно с женщинами, которых было большинство, стала занимать караульные посты по охране фабрики, телефонов и проверять прохожих на улице; производились домашние аресты своей буржуазии, которая в первые дни хотела нести дежурства по охране фабрики, предпочитая скорее расстаться с жизнью, чем со своей фабрикой. В таких случаях мы их убирали революционным порядком, приказывая не показываться на фабрику. Рабочие во время боя приходили ежедневно утром на фабрику, где получали раз'яснения о начавшейся борьбе. Наши боевые ряды все время пополнялись новыми бойцами, готовыми итти в бой за дело Пролетарской революции.

Велико было скопление борцов, рвущихся в бой, не на жизнь, а на смерть, для полного освобождения рабочих и крестьян от ига капитала и торжества светлого социализма. В самый *горячий момент нам не хватает оружия,* из-за этого некоторым товарищам приходится оставаться вне рядов активных участников. Наш неутомимый боевик начальник боевой дружины т. Коженов со взятой им частью товарищей попадает в переплет к белогвардейцам, которые без всякого разговора забирают и арестовывают всех, в том числе и нашего боевика. Узнав о печальной истории с нашими товарищами, рабочие и работницы еще энергичнее и беспощаднее стали вести борьбу против буржуазии, горя желанием решительно раз навсегда отомстить за пролитую кровь рабочих, павших в борьбе. Лишившись всеми любимого и уважаемого руководителя т. Коженова, оставшиеся рабочие и работницы заменили его 2 работницами, членами РКП, которые энергично и частно выполнили боевые задачи и докончили начатое им дело до полной победы над буржуазией. На исходе ожесточенной и решительной борьбы на Пресне между Зоологическим садом и Кудринской площадью, где помещался Революционный штаб, шел горячий бой и стрельба беспрерывно продолжалась. Наша фабрика, в виду отрезанности от штаба, не могла держать постоянную живую связь, которую несли 2 работницы (большевички) и также не могла во-время получать сведений и директив от Революционного Комитета. Перед работницами-руководителями беспартийной массы и борцами встала боевая задача во что бы то ни стало пробраться в Революционный штаб Пресни. Несмотря на свиставшие над нашими головами пули и нежелание наших патрулей пропускать нас, мы все-таки прошли в штаб, где получив все надлежащие сведения и руководства для ведения борьбы в дальнейшем, вернулись на фабрику.

Так продолжалось несколько дней, когда, наконец, пришла долгожданная и радостная весть: что победа за нами. Лучшими предвестниками победы—это было возвращение полуживых, измученных, избитых белогвардейцами в Кремле, наших борцов с фабрики во главе с т. Коженовым, которые были освобождены занявшими Кремль красногвардейцами. На созванном общем собрании, на котором присутствовали все рабочие полностью, сделаны были доклады активными участниками переворота о неокончившейся еще борьбе против буржуазии,—где разоблачена была вся подлость, наглость и зверства буржуазии, проделанные над рабочими, сражавшимися на улице и побывавшими у них в плену. Было решено, не упиваясь победами и не охлаждая революционного духа, отомстить ненавистной буржуазии. Еще энергичнее взялись расправляться с угнетателями рабочих и со всей фабричной буржуазией.

Под неумолкший еще грохот орудий, треск пулеметов и залпы ружей, под стоны и радостные крики умирающих, под звуки Интернационала, рабочие и раб-цы взвили красное знамя коммунизма. После этого мы пред'яви-

ли господам фабрикантам ультиматум: «Ну, господа хорошие! Теперь фабрика наша. Если хотите остаться у нас наравне со всеми служащими, можете остаться и работать, ибо у рабочих лозунг: «Нетрудящийся да не ест». Фабрика была национализирована и были задержаны все находящиеся в банках деньги в количестве 7 миллионов рублей, которые переведены были нами на текущий счет фабрики. Часть видных компаньонов арестовали, посадили в Бутырки. Трудно было изнеженному барскому телу взяться за метлу, за молоток; трудно было им также бороться с рабочими, ибо они оказались бессильными. Они сочли за лучшее уйти по добру по здорову, хотя и не с очень-то полными карманами.

Уже прошли достопамятные дни Октябрьской революции, когда боевой пожар на Пресне и всей Москве озарил светом геройства и самопожертвования борцов пролетарской революции. Это были славные дни, когда Российский пролетариат выступил с оружием в руках, и красной нитью потянулись с тех пор тяжелые дни для борцов. Много друзей и по духу близких нам погибли славною смертью, веря в светлое будущее социализма. История оценит их и нас, живых свидетелей героической борьбы в те славные дни на Пресне, когда слуги капитала — соглашатели меньшевики и эс-эры чинили расправу над восставшими рабочими, и мы им отомстили за то. Мир праху погибшим и слава живым.

И не у одной работницы уже сверкают глаза радостными слезами, благословляя Великую Пролетарскую Революцию Октября 1917 года.

Немудров.

Миусский трамвайный парк [1]).

Рабочие Миусского трамвайного парка встретили Октябрьский переворот организованно. С вечера стало известно, что в Петрограде министерство Керенского арестовано. На следующее утро, когда окончательно известно стало о развертывающихся событиях, работа в парке приостановилась. Секретарь ячейки (большевиков) т. Кудрявцев совместно с председателем комитета т. Петровым организовали боевую дружину, для чего использованы были все имеющиеся винтовки в комитете. Рабочих, желающих защищать свободу, оказалось много, для коих не хватало оружия, направлялись в Совет; после предварительного опроса из этих товарищей составлялись группы под руководством опытных товарищей, получавших боевые задания. К вечеру уже стали появляться раненые. Наскоро организован был перевязочный пункт, нашлись также военные фельдшера, знакомые с перевязками, и принялись за дело. Несмотря на отсутствие врачей, организован был летучий отряд сестер милосердия из числа работниц, которые с красными повязками на руках отправлялись к месту боя.

Победивший пролетариат остался одиноким; все спецы от инженера до простого писца об'явили, знаменитый в истории революции саботаж. Однако рабочие не опустили рук, а принялись за повседневную работу.

Мы, трамвайщики, сейчас же после боя стали осматривать воздушную сеть, которая была перебита ружейными пулями и валялась по мостовой, как паутина.

На первый взгляд казалось, что наш трамвай надолго вышел из строя, но дружными усилиями, кто что мог, взялись дружно за работу, как муравьи: кто подносит проволоку для воздушных проводов, кто ее натягивает. В результате через несколько дней провода были исправлены. Но для того, чтобы пустить трамвай в ход, необходим был аппарат управления; и здесь рабочие не растерялись. Созвали общее собрание, выделили из своей среды товарищей на разную ответственную работу. Что же нашли выборные в управлении г. ж. д.? Все шкафы были поломаны, книги были порваны и разбросаны; и здесь мы справились с незнакомой нам в первое время работой, хотя, между прочим, нам приходилось писать распоряжения на клочках бумаги без всякой системы. Через короткое время дело пошло правильным ходом. Я был избран начальником станции Бутырской заставы. На первый раз сомневался, справлюсь ли я со своей работой? Но через некоторое время я пришел к убеждению, что при желании со всякой работой можно справиться. В первое время мне показалось трудным регулировать движение, но и с этой задачей я справился, и дело пошло нормальным ходом; не будь гражданской войны, мы давно восстановили бы наше хозяйство.

---

[1]) Из газ. „Красная Пресня“.

Число членов нашей ячейки возросло до 300 человек, большинство которых пришлось перебрасывать на советскую и партийную работы. Многие товарищи заняли целый ряд ответственных должностей, на которых с честью выполнили и выполняют свой долг. С открытием гражданских фронтов, многим товарищам приходилось по нескольку раз побывать на фронтах, занимая там ответственные посты. Особенно выделился из нашей ячейки т. Шугаев. Из простого трамвайного кондуктора он выдвинулся на пост командира дивизии, которая имеет целый ряд военных заслуг. Немало товарищей легли костьми; вот их имена: Петров, Яков Петрович, Советов и много других товарищей... Благодаря длительной борьбе, которую нам пришлось вести, и связанным с ней голодом и холодом, в беспартийных рабочих кругах иногда заметна была усталость. Но в критический для Советской власти и Р. К. П. момент рабочие, руководимые своим пролетарским инстинктом, дружно вставали на защиту Советской власти.

За здравствует Р. К. П.!

Да здравствует мировой Октябрь Пролетарской революции!

28/X—1921 г.

Т. Людвинская.

В Сущевско-Марьинском районе.

Воспоминания участницы.

Питер восстал и победил. Москва живет тревожной, лихорадочной жизнью. На собрании районных дум т. Владимирский передает ответ Рябцева на наше предложение передать власть Советам. Его ответ—требование безусловного подчинения власти временного правительства, разоружение рабочих. 15 минут на размышление.

Вызов брошен. Мы его приняли с сознанием огромной исторической ответственности. Большевистская фракция покидает зал заседания. Большевики-думцы расходятся по районам для подготовки масс к борьбе.

Мне довелось в эти дни быть в Бутырско-Сущевском районе. Начались дни боевой и напряженной работы. Созываем общее собрание организаций. Выделен Ревком. Агитаторы расходятся по заводам с призывом к борьбе.

Рабочие кварталы разбужены. На фабриках и заводах бодрое боевое настроение. Массы рвутся в бой.

На следующий день делегируюсь райкомом в Сущевский Совет. В Исполкоме всего один большевик, но Исполком на нашей стороне[1]). В заседании Исполкома образован Ревком, который немедленно приступает к работе. Собирается пленум Совета с фабрично-заводскими комитетами. Выступают с сообщениями о питерских событиях. Взрыв энтузиазма. Мощный гул голосов сильных, смелых. На лицах решимость. желанная воля, вера сильная, глубокая. Ревком будет иметь поддержку. С ним революционные пролетарии. Он ими признан, как руководитель и организатор восстания.

В грязном сыром подвале состоялось это первое «законодательное» собрание рабочего Совета. Первое заседание Ревкома. Обсуждается план борьбы, захвата правительственных учреждений. Началась борьба за обладание комиссариатами. Сущевский комиссариат добровольно присоединяется к восстанию. Остальные не оказывают сопротивления.

Первая победа окрыляет всех надеждами. Занимаем без сопротивления почтовое отделение. В важнейших участках района на Александровской и Екатерининской площадях, по Александровской и Трифоновской улицам вырастают баррикады. С боем захватываем баррикады. С боем захватываем театр «Олимпия», и на уцелевшей сцене с этого момента заседает Ревком.

Пальба утихла. Только вдалеке слышны артиллерийские выстрелы, да резкие звуки ударов сотен рук занятых постройкой баррикад.

Движение растет. Помещение Ревкома превращается в сплошной улей, прибывают все новые и новые массы рабочих. Впереди всех артиллерийский завод. Не хватает оружия. К нашему счастью, на фабрике «Оборона» была

[1]) По имеющимся в редакции сведениям, в Исполкоме Сущ.-Мар. района перед октябрем было подавляющее число членов—большевиков. *Ред.*

расположена команда «двинцев». Она была нашей и не только нашей, но во многих случаях и опорой вооруженного московского восстания вообще.

В начале борьбы мы располагали всего 7-ю винтовками и одним пулеметом. Помню один эпизод: в одно из дежурств в Бутырском комитете было получено сообщение о прибытии ударников на станцию Никольская. Необходимо предотвратить опасность. Нет оружия. Горсточка добровольцев во главе с тов. Качалиным отправляется за оружием на завод № 2. Кое-какие запасы оружия на заводе позволили вооружить отряд, после чего он был направлен против ударников. Поздно ночью отряд вернулся и привел пленных 40 человек.

В стане врагов развал. Крепнут наши силы и вера в победу. Мы оторваны от всего «мира», и не знаем, что делается в других районах и центре. Носятся слухи о намерении центра заключить преждевременное перемирие. Экстренно собирается Ревком. Не хочется верить, что наши силы слабеют. На наших глазах восстание растет и прибывает. Мне поручается связаться с центром и выяснить положение. Под градом пуль добираюсь до Московского Совета, но не успела я еще рассказать о ходе борьбы в районе, как было получено сообщение о падении Кремля. Советы стали властью.

Закипела работа по укреплению Красной гвардии, началась закладка фундамента Нового Общества. В летописи истории открылась новая страница, где было записано раскрепощение человечества.

Ныне мы празднуем 4-летие диктатуры пролетариата. Позади 4 года кровавой и упорной борьбы, куда свободно можно вместить целые столетия мирного органического развития. А дни восстания еще так свежи в памяти, образы участников так ярки.

И. Батышев.

На заводе № 38.

(ныне «Электросилы» № 5).

Июльские дни застали партийную организацию на заводе № 38 в тот момент, когда она закладывала фундамент к созданию Красной гвардии. Заводская организация, насчитывающая в то время членов вместе с сочувствующими около 500 чел., являлась одной из главных опор Московской организации. Для охраны Московского Комитета была выделена крепкая единица бойцов, имена которых должны быть отмечены историей великой революции. Ночью, в которую ждали нападения на Московский Комитет в Капцовском училище, я был поражен тем хладнокровием этой горсточки храбрецов, вооруженных револьверами. Особенно ярко врезались в память тов. с завода № 38 т.т. Муценск, Трейман, Врублевский, Мойсеевич и несколько человек из Замоскворецкого района, готовых за сохранность здания Московского Комитета сражаться до последней капли крови. Буржуазия, организовавшаяся в лице правительства, под напором масс вынуждена была получить отставку. Вновь организованное буржуазное правительство, прикрывшееся под маской коалиционного правительства, не в состоянии было разрешить выдвинутые революцией задачи коренного переустройства в стране. Попытки буржуазии укрепить свою власть июньским наступлением, подавлением июньского движения и арест целого ряда коммунистов, попытки, пытающиеся провести московское совещание, попытки укрепить буржуазию воруженным восстанием Корнилова и затем Всероссийское Демократическое совещание, думавшее затемнить головы пустыми фразами о парламенте, предпарламенте и другими красивыми словами, не увенчались успехом. Все эти попытки разбились о стальную грудь пролетариата, давшего в октябрьские дни генеральное сражение. В течение 8 месяцев, вплоть до октября завод находился в лихорадочном нервном состоянии, шла упорная внутренняя борьба не на жизнь, а на смерть, окончившаяся полным крахом меньшевиков и с.-р. Чем сильнее буржуазия пыталась укрепить свои позиции, тем сильнее чувствовался натиск меньшевиков и с.-р., тем крепче чувствовалась спайка нашей организации, тем больше вливалось членов в ее ряды, тем ближе чувствовалась победа. Видно было, как товарищи, не умевшие двух слов сказать, кипя в этом бушующем котле, быстро развивались, становились прекрасными ораторами, способными не только говорить, но и явились прекрасными творцами новой жизни. В октябрьские дни, за неделю до белогвардейского выступления, Красная гвардия завода, насчитывающая в своих рядах до 200 человек, приступила к охране районного совета и усилена охрана завода. В ночь на 28 октября Красной гвардией завода был занят театр «Олимпия», который спустя несколько часов был обстрелен юнкерами. Во время этого налета особое хладнокровие и

твердость была проявлена охранявшими здание тов. Крастыни тов. Румбенек, давших отпор налетевшему в несколько раз многочисленнее противнику. В эту ночь при помощи красногвардейцев завода без боя были заняты все 4 комиссариата милиции. Тов. Абол сделался одним из первых комиссаров милиции. Первые раскаты ружейных залпов, а также и сообщение по мастерским ночной смены о выступлении белогвардейцев, так воодушевили рабочих, что они, бросив работу, заполнили двор, собравшись у заводской трибуны.

Наступила полная тишина, нарушаемая лишь ружейными и револьверными залпами, трескотней пулеметов и глухим гулом грохотавшей вдали пушки. Рабочие, затаив дыхание, с жадностью ловили каждое произнесенное слово. Раз'яснив сущность настоящих событий и призвав рабочих к вооруженному выступлению, я заметил, что в ряды коммунистов влились, полные энтузиазма, не только все беспартийные, но и часть рабочих меньшевиков и с.-р.

Эта полуторатысячная армия быстро вошла в организационные рамки, две трети которой, выстроившись десятками направились в распоряжение Бутырского Сущевско-Марьинского Ревкома, остальная часть, заполнив здание столовой не только мужчинами, но и женщинами, образовала целый лагерь строившихся в десятки людей. Часть женщин выделилась в качестве красных сестер, часть ушла в разведку, часть для охраны завода,—из них соорганизована хозяйственная комиссия и т. д.

Во время самого разгара боев около двух десятков рабочих завода № 38 сделали попытку повести наступление от Самотечной площади по Цветному бульвару, но были засыпаны градом пуль и вынуждены были отступить. Один из десятков под руководством тов. Гутмана вел наступление от Страстной площади по направлению к Никитским Воротам, не взирая на ураганный обстрел. Несколько десятков рабочих, проникнув в район Бронной, приняли участие в происходящих там сильных боях. Особым героизмом выдвинулся десяток под руководством тов. Щукина, который был, как ураган, могущий сметать все на своем пути. Завод № 38 во время октября, под руководством заводской ячейки, сыграл колоссальную роль, явившись неприступной крепостью и неисчерпаемым источником сил.

Врублевский.

Воспоминания.

Инструментальная мастерская находилась на Дербеновской ул., как отд. завода № 38, куда я поступил в 1916 г. Рабочая публика здесь (выс. квалиф. рабоч.) настолько была революционно настроена, что, не говоря об экономич. забастовках, кажд. полит. события отражались митингами протеста и забастовками. Администрации трудно было бороться, принимая во внимание экстренность и специальность изготовляемых нами заказов, но полиция зорко следила. Обыски были обычным явлением. В начале 1917 г. вырывают из мастерской шесть активнейших товарищей, отправляя в распоряжение воинск. начальника, к счастью, им удалось бежать на Урал, а затем и другим самим уже приходится бросать завод, не дожидаясь ареста.

За месяц до февральской революции нас перевели в помещ. завода.

Узнав о событиях в Петрограде, несколько тов. отправились на завод «Михельсон», с которым имели связи, сообщить об этом. Рабочих здесь мы увидели уже выступавших, и присоединились к ним; по дороге, часть из них, направилась с нами, на наш завод; созвано общ. собрание, и после речей, вся масса под красным знаменем тронулась на улицу. По дороге были попытки конной полиции разогнать демонстрацию, но не увенчались успехом. Добравшись к центру, наша демонстрация рассосалась в массах; часть активнейших товарищей направилась в гор. думу на заседание, другие—по казармам, требовать от солдат присоединения к революции, ловить полицию и т. д.

Через несколько дней, вернувшись на завод, где работа уже налаживалась, мы увидели, что эс-эровско-меньшевистский элемент завода, а с ним вновь организованный совет служащих, проведя своих представителей в Совет от за[illegible] стараются держать рабочую массу под своим влиянием.

Ячейка («большевиков») на заводе начинает быстро усиливаться—организовываться, цель которой—вырвать окончательно из-под влияния эс-эровско-меньшевистского рабочую массу и завоевать ее симпатии.

Через неделю—две, был сделан отвод эс-эрам-меньшевикам, как не отвечающим революционному настроению рабочих, и проведены большинство представителей в Московский Совет рабочих-большевиков.

Наступает эра самоорганизации рабочих: организуется Совет Уполномоченных из представителей каждой мастерской—пропорционально количеству, выделяется его исполнительный орган—Исполнительный Комитет, в состав которого входят и члены Моск. Совета; предст. по одному: больн. кассы, потреб. кооператива и полит. фракций: большевиков, меньшевиков и эс-эров, впоследствии и от Красной гвардии. Исп. Ком. выделяет: президиум, культурно-просвет. комиссию, конфликтную, цель которой—разбирать конфликты между рабочими и администрацией; по приему и увольнению рабочих, цель которой—чистить завод от нечисти, поступившей на завод за взятки: лавочников, хозяйчиков, кулаков—с целью скрыться от войны; контрольно-

техническую, цель которой—разбирать производственно-технические конфликты, впоследствии контроль над производством, финансами, материалами и друг.

Тактику этих организаций ячейка направляет посредством своих членов, давая им определенные наказы, для проведения их устраивая предвыборные собрания-митинги.

Необходимо отметить в этой работе товарищей: Щукина (ныне почившего вечным сном), как выдающегося организатора-оратора.

...Во дворе завода общее собрание, шум, гам меньшевиков, но голос тов. Щукина, как звон серебряного колокола, слышен даже с улицы.

Тов. Батышева — строго подпольного работника, поступившего на завод сейчас же после февральской революции—это душа ячейки; кто вносит удачные предложения по организационным вопросам, кто громит на «общих собраниях» меньшевиков и друг. контр-революционеров—Батышев, кто приносит с центра самые новые сведения—Батышев. Он с утра до поздней ночи носится по собраниям, заседаниям без отдыху.

Перед моими глазами: Батышев в те времена—здоровый, жизнерадостный, и—тот, теперешний: измученный. Как здоровье, тов. Батышев? «Так, ничего, только бок уж больно покою не дает».

Тов. Васильев, своей выдержкой и тактом пользующийся симпатией всех рабочих,—это рабочий-юрист, я бы сказал—и дипломат, он самые запутанные, бурные конфликты на заводе, улаживал со свойственной ему вежливостью.

Тов. Аболь—с душой на распашку—не мог стерпеть в себе злобы против врага—капиталистов, и тем больше, против рабочих, запутанных идеологией меньшевиков, эс-эров, идущих в хвосте буржуазии, не мог на них спокойно смотреть и, будь то на общ. собраниях, будь то в мастерских, громил их с презрением.

Дальше идут тов.: Берзин, Крастинь, Платаис, Гутман, Битте, Тым, Прохоров, Доман, Горбанский и вся ячейка, которых история должна записать как самоотверженных, полных энтузиазма в борьбе за коммунизм.

Чердак завода—направо, арсенал Красной гвардии; винтовки рядами, в козлах; дуло замаскированного пулемета, грозно поглядывает в окно—на ворота завода. Тишина. Заведующий арсеналом тов. Берзин, П., нагнувшись над книгой, что-то записывает; очередь за винтовками,—это денная смена рабочих готовится к очередному обучению—их около 80-ти человек; серьезность на их лицах указывает, что цель, для которой взялись обучаться владеть винтовкой—им ясна и полная уверенность в своей силе—сила пролетариата.

Опять чердак...

Работа на заводе давно уже кончилась—время позднее—идет общее собрание ячейки—человек 600—700 не могут поместиться в помещении—стоят в коридоре...

Появляется и тов. Ярославский; доклад по текущему моменту. Выносится резолюция: «Забастовкой и демонстрацией протестовать против «Всерос. Совещания»—член. Гос. Думы, Гос. Совета и другой контр-революционной нечисти, свившей себе гнездо в Москве и своим гниющим смрадом трупа пытающейся отравить молодой организм, развертывающейся пролетарской революции».

Июльские дни...

«Рабочие районы выступают к центру»—сообщают на завод по телефону. Я, т. т. Трейман, Муценег и Мойсеевич, направляемся в наш клуб—на

Брестскую, узнать подробнее, откуда направляемся уже в М. К. (б. Капцовское училище).

Подойдя к Пушкину—перед нами море голов и толстых животов, которое тянется до быв. Скобелевской пл. и дальше. Это—вся буржуазия центра. Мимо нас проезжает отряд вооруженных велосипедистов «Ходынка»—направляясь к Совету. Слышится свист, крики, револьверные выстрелы по направлению велосипедистов; один из них падает. Это буржуазия, еще уверенная в своей силе,—«провоцирует». Скобелевская площадь: на пьедестале памятника царск. генералу стоит военный—большевик; он говорит собравшимся рабочим: «Товарищи, довольно нам воевать, проливать кровь за наших эксплоататоров, давайте сорганизуем свою армию, которая, если нужно будет, прольет кровь, но за свои интересы—интересы рабочих и крестьян,—пролетариата».

К площади подходит «Замоскворецкий район». Рабочие грязные, прямо от станка, красные знамена колыхаются над ними; впереди, сзади и по бокам демонстрации—вооруженные рабочие. Буржуазия старается сжимать демонстрации, но решительный вид рабочих, винтовки и револьверы в их руках, охлаждают аппетиты.

М. К. У телефона тов. Пятницкий, уговаривает собирающиеся районы к выступлению—воздержаться...

Митинг на площади заканчивается; демонстрация, окруженная вооруженными рабочими, направляется по направлению М. К.; войдя в переулок, вооруженные устраивают цепь, задерживая, таким образом, напирающую буржуазию, безоружные направляются по своим районам.

Провоцирующее поведение буржуазии заставляет нас остаться дежурить у М. К. от разгрома. Команду над охраной принимает быв. прапорщик—т. Пашковский. Всю ночь слышны были то отдаленные, то приближающиеся крики буржуазии. Ломались в двери...

— Стрелять только тогда, когда взломают двери,—был приказ тов. Пашковского.

Итак, пролетариат Москвы в июле—еще недостаточно сорганизованный, не дал себя спровоцировать на кровопролитие.

Приближались октябрьские дни...

Пролетариат чувствовал их, и ждал с нетерпением. Завод наш уже готов был встретить их. Восемь месяцев тщательной подготовки, под лозунгом вооруженной борьбы за политическую власть пролетариата, не прошли даром.

После общего собрания во дворе завода, на котором т. Батышев и другие члены нашей ячейки сообщили рабочим об ультиматуме буржуазного правительства Советам Р. Д. и призвали встать в наши ряды для защиты революции; с энтузиазмом потянулись сплоченной массой рабочие и работницы, во главе с зав. Красной гвардией, которой ячейка дала около шестнадцати десятков, в «Олимпию» (театр на Александровской ул.), которая уже была занята зав. отрядом Кр. гвардии во главе с т. т. Берзиным и Крастынем и сорганизован рев. штаб Сущ.-Марьинского района. По мере получения оружия, отправлялись десятками на фронт. Женщины-работницы, назначаемые в хозяйственные органы и в санитарные пункты, с завистью смотрели на отправляющихся на фронт,—из'являли желание участвовать в бою. Захват комиссариатов в свои руки, дозор за подозрительными домами—это работа тов. Аболя. Во всей этой напряженной организационной работе нужно отметить тов. Платаис—женщину, она за все это время соблюдала свойственное ей спокойствие,—работая наравне с мужчинами в самой серьезной работе.

Патрули по всему городу поддерживали порядок, следя за подозрительными лицами...

В первый же день организационная работа в штабе была поставлена на должную высоту: мандатная комиссия, учет имеющихся в распоряжении сил, оружия, хозяйственная комиссия и т. д.

В последний день,—день торжества нашей победы, я заболел и был отправлен домой, провожаемый санитарками: т. т. Муценег и Казаин.

В октябре 1917 года мы победили буржуазию в Москве, и почти четыре года мы продолжали побеждать ее на всех наших военных фронтах, и победили!

Вперед, товарищи! тесней ряды, сплачивайтесь, организуйтесь на хозяйственно-трудовом фронте, мы победим!

К. Аболь.

Ячейка Р. К. П. (большевиков) завода [1] № 38.

Празднуя 6-летний юбилей ячейки, приходится оглянуться на пройденный путь ячейки и взвесить ту работу, которая проделана таковой. Но прежде, чем перейти к намеченной цели, позволю себе в нескольких строках указать бывшие, хоть и всем уже известные, бедствия пролетариата, в результате каковых гигантски росло самосознание и понимание причин существующих бедствий.

Вспомним, товарищи, ужасную и кровавую империалистическую войну, которая миллионами истребила и искалечила тружеников всего мира. Припомним также те рыданья жен и детей, мужья-отцы которых пали жертвами той ужасной бойни, и только тогда мы поймем растущее недовольство и рост самосознания пролетариата, при чем увидим неудержимую силу и волю его— покончить раз навсегда с теми кровопийцами, ради которых миллионы погибли и миллионы бедствовали и находились в безвыходном положении. Итак, последний час пробил: сорганизованная сила сознательного пролетариата подняла могучую мозолистую руку, и кровавого Николая у власти не стало. На заводе № 38 вновь завертелись машины и слышны были удары тяжелого молота.

Поглядевшему на завод прохожему казалось бы, что все как будто идет попрежнему внутри завода, и как будто по-старому раб, призванный к своему станку, без оглядки от боязни сердитого вягляда администрации, творит безостановочно свое дело.

Но на самом деле в заводе было не то. Верно! молот бил, машины вертелись, но около них видно было мало тружеников. Большинство собравшихся по группам обсуждали наболевшие вопросы и выход из тяжелого положения.

Суждения были разнообразные, именно потому, что существовали разнообразные течения и группировки на заводе, во-первых: обыватели, укрывающиеся на заводе от военной службы, совершенно чуждый элемент к заводской жизни, они рассуждали просто:—Николая, должно-быть, уже нет. Демократическая власть прекратит войну, и мы вот, мол, выйдем из этого ада и заживем попрежнему, значит, все будет прекрасно. Вслед за ними идет урод заводской трудовой семьи, то-есть меньшевики и эс-эры, которые изображали лакейскую службу на свете высшим идеалом и благополучием рабочего класса, каковую позицию защищали с пеной на губах. Далее— громадное большинство политически не созрелых тружеников, прислуши-

---

[1]) Из „Юбилейной газеты" ком'ячейки быв. завода № 38.

вавшихся и начинающие только что разбираться в политической жизни, это—«беспартийные».

И, наконец, действительно, закаленный заводской раб, понимающий и изучивший все страдания пролетариата, при чем знающий, что избавиться от таковых можно только через диктатуру самого пролетариата, это—большевики-коммунисты.

Благодаря таковым политическим группировкам на заводе, политическая борьба разгоралась не на жизнь, а на смерть. Меньшевики и эс-эры, как господствующий элемент в то время, чувствуя свое бессилие, начинают самым гнусным и позорным образом чернить партию большевиков, полагая таким образом отвлечь внимание беспартийных товарищей от той предательской политики, каковую они вели. Но ячейка не дремлет, а в лице своих преданных членов метко отбивает все нанесенные удары меньшевиков и эс-эров.

Остались в живой памяти те общие собрания завода, на которых собравшиеся рабочие в количестве около 4.000 человек выслушивали доклады разных группировок о тогдашнем текущем моменте (1917 г.). Помню выступление с докладом о текущем моменте лидера меньшевиков гр. Дана, который вместо доклада о текущем моменте старался облить самым гнусным образом большевиков помоями, полагая таким приемом отвлечь внимание рабочих от действительности; но громогласный, отчетливый содоклад большевика-коммуниста сумел доказать рабочим предательскую политику меньшевиков по отношению к рабочему классу, а также сумел опровергнуть брошенную, ничем не обоснованную позорную клевету, в результате чего громогласные «ура» большинства рабочих провожают действительного защитника трудового пролетариата—большевика-коммуниста.

Итак, несмотря на разного рода гнусных, вымышленных нападков со стороны об'единившегося блока на заводе меньшевиков и эс-эров, ячейка с каждым днем пополнялась новыми, неотверженными борцами из числа рабочих заводов, готовыми по первому призыву ячейки встать под знаменем борьбы, за пролетарскую диктатуру. Все это, дорогие товарищи, ячейке стоило не один десяток бессонных ночей, но зато, благодаря такой самоотверженной работе, ячейка, сорганизовав беспартийных товарищей, провела своих членов как в Московский Совет, так и в районный, и в Райдуму, что имело большое политическое значение для предстоящей борьбы. И, таким образом, побеждая лакеев буржуазии—меньшевиков и эс-эров—и усиливая свои ряды, ячейка подходит к решительному бою, т.-е. к октябрьскому перевороту.

Подробно останавливаться на Октябрьском перевороте не думаю, ибо этот исторический процесс более или менее в общем уже отмечен в печати и для каждого ясен; но считаю своим долгом указать одно, что ячейка большевиков-коммунистов нашего завода, как до Октябрьского переворота борющаяся самоотверженно, так и в самый переворот перенесла на своих плечах всю тяжесть, павшую на наш район, а также вне района. Вся ячейка была соответствующим образом распределена по самым неотложным назначениям, начиная от районного Ревкома и до борющихся десятков на улицах Москвы.

Невозможно также обойти молчанием беспартийных товарищей нашего завода, которые сотнями рвались к нам с требованием вооружить их и отправить против белогвардейских банд; но осуществить требования всех желающих беспартийных не представлялось возможным, ибо все наше снаряжение состояло из нескольких десятков винтовок и нескольких револьверов. Большинство этих товарищей были распределены для устройства баррикад и раз-

ведывательной работы; при чем приходится отметить безбоязненное и умелое выполнение разведывательной работы товарищами-женщинами нашего завода; они, пробираясь в тыл неприятеля, получив необходимые данные, пробирались обратно с донесением, что и способствовало боевому штабу более точно определить боевые задания. Итак, после шестидневного, беспрерывного сражения рабочий установил пролетарскую диктатуру.

И. Батышев.

Список рабочих и работниц ночной смены В.-Арт. завода, которым была поручена охрана завода [1]).

1 дес. 1. Скурбе 6.526. 2. Бруцер 6.520. 3. Тилиб 6.527. 4. Мель 6.524. 5. Лапшин 6.544. 6. Николаев 6. 574. 7. Васильев 6.573. 8. Берзин 2.543. 9. Кирштейн 2.677. 10. Илвес 2.832. 2 дес. 1. Петров. 2. Гримм. 3. Грант. 4. Саулет. 5. Эрглис. 6. Казаин. 7. Борисова. 8. Сыс. 9. Белинский. 10. Перепелова. 3 дес. 1. Сорокин. 2. Шмидт. 3. Мисюнас. 4. Нейбуль. 5. Гауенек. 6. Горбунова. 7. Порышевская. 8. Бамбус. 9. Крюкова. 10. Гусько. 4 дес. 1. Дрейер. 2. Спрингис. 3. Блат. 4. Зикман. 5. Цируль. 6. Эрман. 7. Абрамова. 8. Пайшис. 9. Захарова. 10. Янковская. 5 дес. 1. Куприянов. 2. Дорожкин. 3. Строчка. 4. Павлов. 5. Баринов. 6. Камардинский. 7. Тябут. 8. Краснянский. 9. Писарев.

---

[1]) Утром, с приходом диевной смены рабочих, они, не спавши, направились в распоряжение Военно-Революционного Комитета Сущевско-Марьинского района. Из них в вр мя сильных боев Сыс была арестована во время поездки за оружием на автомобиле и попала в плен к белогвардейцам, а рабочий Саулет был во время боя прострелен в грудь пулей на-вылет, после чего стал почти нетрудоспособен.

Состав коммунистической ячейки В.-Арт. завода 1917—1921 г.

год.	Число рабочих и служащих на заноде.	Число членон ячейки Р. К. П.	Число сочувствующих и кандидатон Р. К. П.	Общее число откомандированных членов ячейки Р. К. П. и кандидатон.	Число членов, откомандированных в Московский Совет.	Число членов, откомандированных в Районный Совет.	Число членон, откомандированных в Районную Думу.	Число членон, отпранленных на фронт после Октябрьской Ренолюции.	Число членон и кандидатов, откомандированных в продотряд.	Число членов и кандидатов, откомандированных в общественные организаци.	Число членов, откомандированных в партийные организации вне завода.	Количество членов меньшевистской и эс-эровской организации на заводе приблизительно. Меньшевиков.	Правых эс-эров.
1917	3.740	230	150	117	2	6	8	72	—	24	5	70	30
1918	2.500	350	200	238	2	18	—	115	90	9	4	15	—
1919	1.400	71	50	73	2	24	—	16	20	7	4	—	—
1920	786	58	4	30	2	6	—	5	7	5	5	—	—
1921	476	75	1	15	1	1	—	1	—	5	3	—	—

Политический бюллетень [1])

военно-революционного комитета Сущевско-Марьинского района.

Петроград. Всероссийский железнодорожный союз предложил Совету Народных Комиссаров (Совет Рабочих и Солдатских Депутатов) и Комитету Общественной Безопасности при Петроградской Городской Думе заключить перемирие и приступить к образованию социалистического министерства из представителей всех социалистических партий.

Совет Народных Комиссаров предложение это принял. Комитет Петроградской Думы от перемирия отказался. Железнодорожный Союз предупреждает, что он прекратит подвоз продовольствия и подкреплений той стороне, которая займет непримиримую позицию.

Порядок в Петрограде полный.

Москва. Подписанное перемирие было нарушено вчера юнкерами, явившимися на Брянский вокзал, захватившими винтовки и арестовавшими революционного коменданта станции.

Революционный Комитет принимает меры к облегчению создавшегося не по его вине тяжелого продовольственного положения.

Нижний-Новгород. Вся власть перешла в руки Советов. Гарнизон целиком на стороне Совета. Переворот обошелся без пролития крови. В городе полный порядок. Запасы продовольствия имеются. В Москву посылают подкрепление.

Казань. В городе наступило успокоение. Власть перешла в руки Советов.

Самара. Власть перешла в руки Советов. Гарнизон на стороне Советов. Переворот произошел безболезненно.

Саратов. Власть перешла в руки Советов.

Военно-Революционный Комитет Сущевско-Марьинского района призывает всех граждан района соблюдать порядок и спокойствие, не доверять ложным и провокационным слухам и верить, что Комитет примет меры к охране по безопасности населения.

---

[1]) Бюллетень этот выпущен между 3 и 4 ноября 1917 г. по ст. ст.

Хамовнический район.

Попова.

В Хамовниках.

(Речь, произнесенная на Высших Женских Курсах 6 ноября 1921 г.).

Я участник Октябрьской революции в Москве, главным образом, в Хамовническом районе, и буду говорить об этом. Я начну с междурайонного совещания представителей от Райкомов, которое было в центре и на котором определенно и решительно принят был вопрос о том, что открытая вооруженная борьба должна быть, ее не миновать. Правда, там было несколько течений и из них основных два течения: одни товарищи, менее решительные, сомневавшиеся еще, говорили о том, что у нас нет достаточных вооруженных сил, что у нас нет достаточного оружия, но было настолько очевидно, что ждать нельзя, что представители с мест, представители районов говорили, что настроение обостренное, напряженное и ждать нельзя; готова ли партия коммунистов или не готова — выступление неминуемо. И поэтому партия наша должна взять себя в руки за короткий промежуток времени и действительно подготовиться для того, чтобы быть во главе рабочего движения и не стоять в его хвосте. Эта точка зрения победила и большинством голосов решен был вопрос о том, что вооруженная борьба должна быть начата.

Я помню еще нашу партийную конференцию, губернскую, когда тоже без прений был решен этот вопрос. Правда, тогда еще нельзя было ставить совершенно легально вопроса о вооруженной борьбе, но каждое слово товарищей выступавших было понятно нам, каждое слово, которое обиняками говорило о вооруженной борьбе, было понятно нам всем. Вопрос решился без прений быстрым и решительным поднятием рук.

Некоторые думали, что это недостаточно сознательное отношение представителей на конференции, но, конечно, нет: это видно было по тому настроению, по тому тону, которым пелись потом революционные песни, по настроению, которое переживала тогда конференция и которое не переживал, я думаю, потом никто.

Я помню, была уверенность в том, что ничего не страшно, что может-быть погибнуть придется, но было неминуемо итти с рабочей массой, и партия коммунистов должна была итти впереди. Так, товарищи, было учтено настроение на местах, и было ясно, что неминуемо должно быть вооруженное восстание.

У нас в районе, по приказу центра, 27-го был выбран Ревком. Я помню в маленькой студенческой столовке, в небольшой комнатке был пленум Совета. Комнатка эта была битком набита. Настроение было суровое, но воодушевление было большое. Я помню речи товарищей Ангарского и Савельева, который теперь умер. Пленум единогласно решил, что нужно орга-

низовать Революционный Комитет и нужно подготовляться к борьбе. Мы должны были быть подготовлены, но товарищи, по существу дела, мы не были достаточно подготовлены. Район наш, как и все районы, был недостаточно организован и с самого начала борьбы мы оказались безоружными и без достаточных сил. Правда, 193 полк, который стоял у нас в районе, был достаточно сагитирован для того, чтобы выступить за нас, за Революционный Комитет, за Советскую власть; правда, на фабриках и заводах, настроение было настолько возбужденное, что можно было быть уверенными, что рабочая масса придет к нам, в наш Революционный штаб, и будет бороться с нами. Но первые дни прошли вяло, у некоторых малодушных, может-быть, был один момент заминки: «может-быть, зто только партия коммунистов начала зту борьбу, а не массы рабочих». Но на следующий день было ясно, что зто рабочие массы начали борьбу, что партия коммунистов только руководительница, только партия, которая оформила зто настроение, зто требование вооруженной борьбы, потому что на следующий день у нас, около штаба, были толпы рабочих, несмотря на то, что пули свистели сверху и снизу. Штаб был около Зубовской улицы и Хамовниковского переулка. Сейчас, к несчастью, зтот маленький домик снесен. Это большое упущение с нашей стороны, что мы дали его снести, на зтом месте мы обязаны сейчас воздвигнуть памятник Октябрьской революции. Этот маленький беленький домик был окружен с утра до ночи громадной толпой, которая не умещалась в доме. Здесь был вооруженный штаб военный и штаб политический. У нас не хватало оружия, чтобы дать его рабочим, которые требовали его. Рабочим казалось даже, что коммунисты не удовлетворяют требования рабочих. Позже, когда масса офицеров и генералов, проходивших по улицам, для которых было новизной об'явление зтой войны, были арестованы нами, мы отбирали у них оружие и понемногу начинали вооружать наших красногвардейцев и наших районных рабочих.

Центром всей борьбы у нас в районе был зтот маленький беленький домик; там был Совет Рабочих Депутатов и там была местная организация партии коммунистов. Другим центром была студенческая столовка, мы сделали ее своей базой и здесь организовали питание для красногвардейцев и здесь же был центр медицинской части, руководителями ее были т.т. Соловьев и Богомолова, санитарная же часть была в руках работниц, которые, главным образом, были в разведке и в летучках красного креста. Не для всех с самого начала был отчетлив классовый характер борьбы. Я признаюсь вам, что я сама лично не ожидала такого резкого различия. Я помню, мне нужно было пробраться на Арбат; пройдя переулком, я увидела, какая разница между армией нашей и той: там сплошь были выкормленные сынки буржуазии, там сплошь были прекрасно одетые юнкера и офицеры, студенты и гимназисты старших классов. Это было достаточно отчетливо, если сравнить ту армию и нашу армию суровых рабочих, которые на 2 и 3 день нашей борьбы пришли к нам потому, мне казалось, что они увидели, что там армия такая, а здесь армия должна быть другая; потому они пришли все сюда и прислали сюда своих жен. Состав разведки вы знаете. Когда нам нужно было посылать для связи с центром кого-нибудь из работниц, мы одевали ее барыней, навязывали ей красный крест и посылали ее разведчицей: она могла нести, какие-угодно, пакеты, даже оружие — белогвардейцы ее не трогали. С другой стороны, они посылали к нам своих разведчиков, одевая их в простой костюм работницы или же нашего красногвардейца. Позже я сравнивала армии, одну и другую: тогда уже белогвардейцы поумнели и переодевали свои студенческие шинели и офицерские фуражки. Я помню в студенческой сто-

ловке столкновение студентов коммунистов или сочувствующих нам и студентов белогвардейцев: один студент вывесил об'явление: «вся власть Советам» и по этому поводу разыгрался скандал; мы думали даже, что будут жертвы, потому что наши были вооружены и белогвардейцы тоже вооружены; они вели себя очень дерзко и заявили, что в студенческой столовой не может быть таких плакатов. Но у нас было достаточно красноармейцев, и мы сразу пресекли эти споры.

Я хочу отметить, однако, бесконечную гуманность, с которой наши товарищи руководители, члены Ревкома, относились к арестованным генералам и офицерам. Арестованные у нас не подвергались никаким избиениям, они были изолированы, правда, и я помню, что среди беспартийных рабочих было некоторое неудовольствие по отношению к руководителям за то, что они их немедленно не расстреливают. Я помню тяжелый случай, когда беспартийный красноармеец собственноручно расстрелял генерала.

Москва в центре, а также и районы представляли из себя вооруженный боевой военный лагерь. Было впечатление, как-будто каждый дом—это наш противник: из каждого дома стреляли, из каждого окна были выстрелы, с каждой крыши раздавалась пулеметная стрельба, особенно здесь у нас,—буржуазный район — Пречистенка, Арбат и прилегающие буржуазные переулки. И каждый из них был нашим врагом. Нам нужно было отвоевывать окно за окном, дом за домом, и так, шаг за шагом, мы двигались от Зубовской площади к Пречистенке и Смоленской площади по Арбату. Наше стратегическое положение в районе было достаточно опасно, потому что здесь был центр белогвардейской армии, здесь на Пречистенке, в доме № 7, был их центр, их штаб. Кроме того, здесь были две их школы прапорщиков. Ужасно было то, что не было связи между районом и центром. Я уже говорила, что мы были оторваны с первых дней от центра; не имея руководства, не имея казалось бы, и оружия, мы их победили. Ведь каждый район был оторван от центра, и каждый район дорожил каждым человеком, который попадал туда случайно; связи организовано не было, но, очевидно, каждый район был убежден в победе, каждый район решил, очевидно: может-быть, центром ведутся переговоры, может-быть, другие районы сдались уже, но Хамовнический район не сдается, и так решил, очевидно, каждый район. В конце-концов, районы показали свой энтузиазм и все районы победили; и центр вел себя достойным образом и не заключал этого договора.

Нужно отметить, что у нас нет отдельных героев,—и я не буду называть имена отдельных лиц; у нас нет отдельных героев, у нас есть герои в массе, есть масса рабочего класса. Рабочий класс—вот кто герой Октябрьской революции.

Последний день борьбы в нашем районе был очень тяжел, наш штаб должен был переехать со своего места в другое, мы переехали на фабрику Жиро, белогвардейцы двигались по Пречистенке вверх сюда к нам, стратегическое положение нашего штаба было не удачно, он был на открытом месте, бойцы устали, настроение несколько ослабело.

Дальше слышались голоса о том, что появился в районе броневик: многие не представляли себе, что это такое, но для нас слово броневик было достаточно сильным словом. Мы приняли все меры, чтобы не бояться этого броневика: район был испещрен окопами, через которые этот броневик не мог пройти к нам. В этот же день обнаружилось появление артиллерии в нашем районе. Я помню тревогу, когда обнаружилось, что едет пушка, и мы не знали, наша это артиллерия или не наша. Была послана разведка, в числе которой и я была, и мы установили, что это наша артиллерия.

Настроение было подавленное; мы посылали отряд за отрядом, и возвращавшиеся обратно товарищи говорили: было десять, осталось два. Это был тяжелый день, как-то опускались руки. Этот день был днем победы. Оказалось, что в других районах врага теснили, потому он все силы и сосредоточил здесь. В общем, по Москве победа была уже определенно на нашей стороне.В этот же день—2-го, вечером, к нам приехал тов. Кушнер и заявил нам, что договор подписан, что нужно прекратить борьбу.

Степанов.

В санитарном гараже.

(Речь, произнесенная на Высших Женских Курсах 6 ноября 1921 г.).

Для нас, работавших в санитарном гараже Московского Городского Управления, было виднее, чем каждому другому, до чего довела германская война. Нам приходилось перевозить десятки тысяч раненых и искалеченных, а за что они искалечены, мы не знали. Работали мы под большим гнетом. Грянула февральская революция и в среде рабочих возникла надежда, что, может-быть, скоро кончится такое положение вещей. В это время начали всюду возникать организации. У нас организовался союз шофферов, но туда пролезли меньшевики и соглашатели и начали поддерживать германскую войну. Но мы скоро поняли, что они говорят хорошо, обещают всего много, но между тем не дают нам ничего и никакой помощи не оказывают и мы начали разбираться в том, что такое меньшевик и что такое большевик, мы ясно сознали, что исключительно только большевики могут привести к желанному концу — к концу германской войны, и улучшить наше положение.

Вступили мы в союз с Москворецким районом и организовали у себя ячейку и наши рабочие стали просвещаться, стали поддерживать большевиков.

Когда в июльские дни, в Петрограде, было зверское выступление обнаглевших банд, мы ясно поняли, что только партия большевиков может дать свободу рабочему классу и может освободить Россию от тех, кто ввергнул ее в несчастье. Когда 11 августа было у нас в гараже собрание относительно того, бастовать нам или нет, большинство рабочих высказалось за то, чтобы бастовать. Когда 25 октября Московский Совет обратился ко всем с просьбой поддержать выступление пролетариата, наши делегаты высказались за поддержку восставшего пролетариата. Когда началась Октябрьская революция, нашему гаражу было дано задание держать машины в исправности, подчиняться только штабу, и рабочие нашего гаража, все как один, остались на местах, во всю революцию не выходили из этого гаража. Наши машины поддерживали связь, и тем рабочие наши доказали, что поняли интересы этой революции, и поддержали ее.

Бауманский район.

Мандельштам.

Предтеча Красной армии.

В сегодняшний день нужно вспомнить того красноармейца, из которого впоследствии выросла Красная армия. Когда мы в Басманном районе встали перед вопросом, как произвести восстание, невольно вспоминаешь, что у нас всего было 15—20 винтовок, с которыми к тому же почти ни один красногвардеец не умел обращаться. Когда вспоминаешь, как перед нами стал вопрос даже не восстания, а охраны нашего района, то я не могу не вспомнить сцены с красноармейцем, лет 17-ти, а на вид ему было 12, как он привел в первый раз 3-х вооруженных с ног до головы—офицеров к нам туда, где помещался старый революционный комитет. Когда мы разоружили зтих офицеров, отняли у них браунинги и шашки, всякое оружие, я спросил зтого красноармейца: «А у тебя заряжена винтовка?» Он говорит: «Нет, у меня нет ни одного патрона». Так как мы начали эти великие дни, мы не только не знали, не могли заранее наметить план, и изо-дня в день, из часа в час, мы учились, как делать самое восстание. Первое оружие, которое мы получили, зто было отнятое у врагов, а мы сами, по существу, не были вооружены в нашем районе.

Басманный район—я его помню в другие, те же великие дни 1905 года. Когда была первая русская революция, какая была зарница. Там было техническое императорское училище, и тогда в 1905 году в зтом училище учились студенты. Они активно участвовали в борьбе, они готовили бомбы и оружие и они шли тогда в 1905 году в Революцию, которая для них казалась Революцией только против царя, а в 1917 году нам пришлось в первый же день произвести обыск у этих же самых студентов, отбирать оружие, потому что они явились в большинстве нашими врагами. В нашем Басманном районе только один студент принял участие в наших боевых действиях. Не было почти совершенно интеллигенции. Во всем Революц. Комитете, состоявшем из 3-х лиц, не было интеллигенции. И я скажу, как мы учились. Когда пришлось сделать первые аресты, то тут произошло маленькое разногласие. Я был против арестов. Во мне сказывался не закаленный борец, а тот хрупкий интеллигент, который растерялся, когда нужно от слова переходить к делу. Старик, рабочий Маркин, на меня прикрикнул: «Что же, болтать умеешь, а дело делать не умеешь». И я с зтого дня понял, что перед нами не болтовня, не шутки, а что если пошел в бой, то надо, не стесняясь, не белыми руками, действительно вести зту борьбу. Не могу не отметить, что первыми глубоко понявшими положение, что завязавшаяся война не на жизнь, а на смерть, были те немногие старики рабочие, которые дожили до этих великих дней. Этот Маркин не спал ни одну ночь за все зти тревожные 8—9 дней. Он арестовывал сам. Он мирный человек, он не обидит в жизни никого, а тут он явился самым свирепым, действительно жестоким по отношению к врагам, и я у него научился зтой необходимой жестокости, без которой невозможно было ни победить,

ни бороться. Если мы сейчас вспоминаем эти великие дни, то каждый из вас скажет, что не было отдельных героев, но героем была сама масса. Этот красногвардеец, который вышел и не умел стрелять, не имея ни одного патрона, из него получились первые отряды вооруженной армии, которые после Москвы пошли сражаться в Донскую область, на юг. Мы вспоминаем эти первые отряды Красной гвардии. Конечно, много было и плохого и, может, хулиганского, но если мы вспоминаем, кто положил начало Красной армии, кто создал эту Великую армию, которая докончила и довершила эти победы, то мы должны вспомнить этого невооруженного красногвардейца, который вооружился и научился действовать на баррикадах в пылу сражения. Не вспомнить этого невооруженного первого рабочего, который положил основание Красной армии и Красной гвардии, это значит—не понимать этих великих дней.

Осипов.

У Алексеевского училища.

(Красная гвардия в Лефортове).

(Речь, произнесенная в Введенском Народном доме 6 ноября 1921 г.)

Мои воспоминания связаны с нашей победоносной Красной армией. Еще в 1917 году, вскоре после февральской революции, российская социал-демократическая партия большевиков, теперь коммунистическая, видела, что Октябрьские дни неминуемо должны наступить, и знала, что власть в свои руки рабочий может получить тогда, когда он получит винтовку в свои руки. Чтобы подготовить вооруженные силы, партия самое серьезное внимание обратила на солдат и создала так называемую военную организацию. Военная организация явилась колыбелью нынешней победоносной Красной армии, из нее создалась Красная гвардия и затем Красная армия. Подготовка к Октябрьской революции, вся эта огромная работа проходила также и в этом участке, который мне особенно памятен.

Это как раз участок, о котором говорил тов. Розенштейн, против Алексеевского училища. Здесь главные силы рабочих были мастерские тяжелой осадной артиллерии. Это были солдаты-рабочие, которые ремонтировали орудия и производили необходимые принадлежности для артиллерии. Это было особенно удобное место для военной организации: с одной стороны, здесь были собраны рабочие, с другой, это были рабочие-солдаты. И вот здесь еще в августе месяце 1917 года на заводе, на котором было до 3-х тысяч рабочих и до 900 человек военной организации большевиков, у нас уже тогда в августе месяце стала зарождаться Красная гвардия. Уже тогда начали рабочие подумывать, а что если придется взять винтовку в руки, ведь, пожалуй, как баранам идти нельзя. И вот у нас, в мастерских, стали создаваться полки, роты, батальоны, потому что мы знали, что без вооруженной силы бороться нельзя. И так мы начали постепенно сорганизовываться и как раз к моменту Октябрьской революции у нас уже был полк с командиром полка, с батальонными командирами и с ротными командирами, и мы до некоторой степени сорганизовались; конечно, очень условно, потому что у нас были только солдаты; самое большое военное знание, которое было у нас, это были унтер-офицеры. И вот с этим-то мы и подошли к Октябрьским дням. Вот сегодняшний день, четыре года тому назад, мы получили приказ, чтобы занять участок против Алексеевского военного училища. Мастерские находились против училища, где было 400 юнкеров с большим количеством оружия. Мы не знали даже точно, сколько там юнкеров. Мы получили распоряжение, чтобы против этого участка занять позиции и по приказу Военно-Революционного Комитета начать на головном участке наступление против этих, нужно было предполагать, больших сил. Потому что помимо юнкеров, там были еще кадетские корпуса. Конечно, кадеты были ребята еще, но время

показало, что, несмотря на то, что там были дети, которые не могли даже разбираться в том, что происходило, все-таки они стреляли в нас из винтовок. Помимо юнкеров, стало-быть, там были еще и кадеты, которых там было, как мы после узнали, больше 2.000 человек. Но вот был получен приказ начать наступление. В распоряжении нашего Военно-Революционного Комитета было очень большое число пушек, у нас было до 70 пушек, тяжелых пушек и было около 70 штук берданок и 40 винтовок, а против нас стояли юнкера, о которых мы знали, что их около 1.000 человек. И надо удивляться, как развесили уши вооруженные юнкера, как они растерялись в последний момент, а до этого они были очень уверены в своей силе.

И вот эта тысяча человек, как мы после узнали, с большим количеством пулеметов, они могли наши 70 пушек забрать в 2 счета. И в сегодняшнюю ночь целый ряд товарищей должны были следить за тем, что делается там, в Алексеевском училище, не приготовляются ли они отнять у нас пушки, не готовится ли наступление. Нашим товарищам приходилось итти с пустыми руками. Все сведения, которые приходили в Военно-Революционный Комитет все больше и больше укрепляли в нас уверенность в том, что юнкера действительно распустили уши, с одной стороны, а с другой, они, может-быть, были слишком самоуверенны. И вот на другой день, на завтрашний день утром, когда у нас был получен приказ, должно было начаться наступление. Я как сейчас помню, что был такой же день, в роде сегодняшнего, даже еще хуже, моросил отчаянный дождик, шел снег, и мы имели 40 винтовок, 70 пушек и 70 берданок. При помощи самокатного батальона, большая часть которого была на охране Московского Совета, с такими небольшими силами, нам пришлось начать борьбу с этим гнездом, которое имелось в нашем районе. Когда были посланы туда парламентеры для переговоров и чтобы узнать каково там настроение, я помню, как юнкера ответили, что в Алексеевское училище вы войдете только через наши трупы. И так, 70 берданок против 1.000 юнкеров, которые говорят, что надо пройти через их трупы, чтобы занять Алексеевское училище. Воодушевление, которое было среди рабочих этих мастерских и прилегающих заводов, было так велико, что они говорили, что если нужно перейти через их трупы, чтобы занять Алексеевское училище, то, мы говорим, что нужно пройти через наши трупы, чтобы взять нас. Мы послали парламентеров и сказали, что, если вы не сдадитесь, то в 8 часов мы даем холостой выстрел из пушки, а через полчаса мы начинаем громить ваше училище. Мы так и сделали. Раздался выстрел, и мы все-таки питали некоторую надежду, что, может-быть, тяжелая артиллерия устрашит юнкеров. Но оказалось не так. Ответа не последовало, и через полчаса ровно раздался уже первый боевой выстрел. Но беда в том, что и те пушки, которые мы имели в своем распоряжении, не имели очень важных частей; они были спрятаны теми, которые знали завод; это были панорамы, и нам приходилось бить с очень большого расстояния, от моста, который идет около генерального госпиталя, приходилось бить на глаз, и первые 2 выстрела были очень неудачны: снаряды полетели куда-то и попали в Симоновский район, где было разрушено 2 дома, в которых жили рабочие, но все-таки стрелять нужно было, и мы снова принялись стрелять из этих пушек. Не беда, что первые выстрелы были неудачны. И хотя это было и неудобно, но мы решили перевезти несколько пушек к Алексеевскому училищу; поставили их за забором, за деревьями, и начали оттуда стрелять. Это было лучше, но это не артиллерийский прием, когда вы имеете цель, в которую вы бьете в 800 шагах, потому что пулеметами вас могут взять. Мы знали, что у парадного крыльца стоял пулемет и нам никак нельзя было снять его, потому что сбить его ружейным огнем нам было трудно, хотя, правда, в это время у нас винтовок уже было больше. Как раз в

11 часов мы узнали, что на Казанской дороге имеется большое количество винтовок, и мы перевезли оттуда до 400 винтовок. Ружейным огнем мы ничего не могли сделать в данном случае с этим пулеметом. Тогда нашлось несколько товарищей-героев, которые вывезли пушку на самый мост, это всего 400 шагов от этого крыльца, и пустили туда один за другим 2 снаряда, и с тех пор этот пулемет замолчал. Кто пройдет через мост, увидит, что осталась яма в мостовой,—это от выстрела пушки, которая сбила так много насоливший нам пулемет. Тут приходилось опять-таки стрелять на глазок. Мы стреляли с берега Яузы в Алексеевское училище так: мы прямо открывали глазок, смотрели и потом стреляли. Это сейчас смешно, но тогда под'ем был так велик, мы так верили в свою победу и это-то обескуражило юнкеров, что какие-то рабочие, которые не имеют руководителей, и вдруг эти рабочие полны такого энтузиазма, что стреляют, выбивают пулемет, подкатывают пушки на такое расстояние, при котором кидаются только в штыки. Они растерялись. Наши пушки продолжали громить это гнездо и на третий день,—с второго на третье в ночь,—не дождавшись общего договора, который был подписан о сдаче, мы получили сведения из Алексеевского училища, что юнкера сдаются. Я не помню, кем из товарищей было отдано распоряжение о том, чтобы стрельбу прекратить. Я помню одного товарища, очень молодого, принимавшего активное участие в борьбе, артиллериста, когда ему был подан приказ, чтобы прекратить стрельбу, он прочел его, скомкал, бросил и сказал:— я не читал его,—и еще выстрелил раза два. И только, когда ему второй раз подали приказ, он прекратил стрельбу. Остановить нас было очень трудно. Имея так плохо подготовленную вооруженную силу, имея во всем такой недостаток, что даже упряжи для пушек не было. Когда у одной постромки не хватало веревок, то 2—3 товарища сняли свои ремни и повезли пушку. Только рабочие, в своей уверенности в победе, в своем стремлении добиться победы во что бы то ни стало, при всех этих недочетах могли побеждать так хорошо организованные части, какими были юнкера. Юнкера, это были тогда образцовые части в государстве и все-таки они не выдержали. Вот эти все события, этот случай в жизни вооруженной борьбы рабочих и крестьян, это была колыбель, откуда вышла наша победоносная Красная армия. Теперь мы видим не то в Красной армии, это не те товарищи, которые не имели никаких руководителей, и только одним своим напором и стремлением победить раздавили такую хорошо вооруженную и организованную силу. Теперь мы не то.

Если вы видели наших теперешних юнкеров, это, действительно, могучая сила, когда они идут нога в ногу, когда штыки направлены в одну сторону, здесь чувствуется сила, создается уверенность, что 4 года тяжелых испытаний, горького опыта, все те недочеты, которые были, не пропали зря. Мы создали могучую Красную армию, которая нисколько не уступит, а еще во много раз лучше тех армий, которые имели капиталисты и помещики в своих войнах. Но Октябрьские дни нам еще раз напоминают, при каких тяжелых условиях, как трудно было создавать вооруженную силу, но мы создали ее. Наша армия была в далеком Иркутске, была в холодном Архангельске, была на Кавказе, доходила до Варшавы,—и всему этому начало положили Октябрьские дни. Несмотря на все лишения, на все, что мешало нам, мы все-таки создали эту армию, мы все-таки победили на боевом фронте. И это дает уверенность говорить о будущей победе. Хотя и на этом втором фронте, который мы имеем перед собой, на хозяйственном, также разваленном, с совершенно разрушенной промышленностью, где приходится, как и там, у постромков, подвязывать ремни, которые с себя снимаем, хотя и здесь приходится лепить и клеить. Если мы ту первую задачу при таких условиях выполнили с честью,

то и здесь, на этом трудовом фронте, мы также победим. Подобные уроки Октябрьской революции, они говорят о большой стойкости и выдержке, не останавливаясь ни перед чем, ни перед шушуканьем, которое мы слышали тогда и теперь, ни перед материальными недочетами, ни перед тем, что только малочисленное количество рабочих теперь сможет работать на заводах, потому что остальные закрыты, несмотря на все это, мы так же победим, как и победили тогда. Картина Октября есть картина нынешних дней, и заключение будет такое же, как и Октябрьских боевых дней.

Меркулов.

Санитарная работа.

(Речь, произнесенная в Введенском Народном Доме 6 ноября 1921 г.).

Мне во время Октябрьской революции пришлось приехать сюда с фронта и видеть тот под'ем, который был здесь. Мне, как жителю и рабочему этого района, пришлось работать в этом районе. Вместе с убитым во время Октябрьской революции т. Щербаковым я развертывал санитарную часть. Я помню, в ночь на воскресенье, должно быть по распоряжению Военревкомитета, мне пришлось развертывать санитарную часть, чтобы давать помощь раненым бойцам. И вот, когда я пришел в эту ночь в теперешний Покровский распределитель к заведывающему, каковым был какой-то генерал-майор, и стал просить, чтобы он дал мне известную часть санитарок, сказал ему о перевороте, который совершился в Петрограде, о том, что совершается здесь вооруженной силой, он нас встретил насмешками. Смеялись, что там пришли какие-то солдаты, говорят о том, чего мы не понимаем, говорят во имя и от имени рабочей власти, от имени власти Советов. Тут ничего не удалось добиться. После того, как началась правильная осада Алексеевского училища, оружия было очень мало и мне пришлось везти туда это оружие: его брали на расхват. Вот какое было воодушевление среди рабочих, которые шли за партией, которые подняли знамя вооруженной борьбы за власть.

Когда появились наши первые раненые в Лефортове, около Алексеевского училища, то с каким пренебрежением отнесся медицинский персонал к тем раненым, которых мы туда принесли, как в первый попавшийся госпиталь. С ними даже ничего не хотели делать, и только благодаря энергичным революционным требованиям о том, что они должны это сделать, что это требует не только их присяга, которую они когда-то дали о том, чтобы помогать всем, но этого требуем и мы. И вслед за этим все было сделано, и нашим раненым стали оказывать помощь под нашим наблюдением, им оказывали правильную помощь и правильный уход. Вот как было. И в последующие дни, когда эта гигантская борьба продолжалась, когда уже мы стали посылать бойцов в центр, я помню, что здесь не было даже охотников вести дальнейшую службу в нашем районе, не хватало людей, потому что все товарищи рабочие рвались в центр, рвались к Алексеевскому училищу, которое пало среди недели и затем в конце недели, рвались в центр для того, чтобы там принять участие в борьбе. Не хватало даже товарищей, чтобы обслужить наш фронт, не хватало даже работников для связи с фронтом, чтобы отвезти то или иное донесение. Я помню, как наши товарищи у Алексеевского училища вошли парламентерами к юнкерам, так как юнкера сказали, что они сдаются, а на самом деле вышло обратное. В то время, когда наши товарищи вошли в Алексеевское училище, и было послано об этом извещение в центр, на самом деле этих товарищей захватили. И пришлось еще продолжать осаду и

только еще после длительной осады Алексеевское училище пало. Я помню, когда я вез это донесение в центр, мне пришлось изменить 2—3 маршрута, так как нельзя было проехать по улице, потому что стреляли отовсюду, откуда только можно было, стреляли засевшие юнкера и другие сторонники Временного правительства.

Стефашкин.

N-ский склад.

(Речь, произнесенная 14 августа 1921 г. на заводе «Огнесклад»).

Я раскрою перед вами ту работу, которая происходила на огнестрельных складах. Та царская армия солдат, которая здесь была в количестве больше восьми тысяч рабочих и крестьян, здесь участвовала в целом в Октябрьские дни, не покладая рук день и ночь. В дни Октябрьской революции здесь осталось мало народа, большинство раз'ехалось по своим домам, после тяжелой империалистической войны. Я помню, когда я был командирован на Ходынку, я оказался среди одураченной восьмитысячной массы, насыщенной духом Керенщины, социал-соглашательства, социал-предательства, а также и кадетским духом. Больше 2-х мес. я не имел права показываться тем, которые знали, что я большевик. Мне приходилось от них пробираться тайком, пробираться кустами, лишь-бы они не указывали и не узнали меня, что я большевик. Я хочу сказать, что здесь был такой дух, такая атмосфера, что большевиков боялись, боялись, что при первой встрече он начнет бодать на-смерть. И если мы сейчас называем N-ский склад крепостью революции, то я бы сказал, что здесь было раньше гнездо царизма, гнездо капитализма. Бывшие коменданты пропускали туда кадетов, меньшевиков, для агитации в наших массах, а большевиков не пропускали. И большевикам приходилось всяческими уловками проникать в казармы.

Здесь был гарнизонный К-т в 150 чел., который был проникнут духом меньшевизма, эс-эровщины и золотопогонщиков. Тогда—о большевике не могло быть и речи, и голос большевика остался голосом, вопиющим в пустыне. В числе этих 150 чел., я был единственным, и мне приходилось там работать.

Мне приходилось их расспрашивать, почему они против большинства. Но они были одурачены, были заражены эс-эровщиной, меньшевизмом и кадетством. И только тогда мы стали пользоваться авторитетом, только тогда нам стало возможно свободно приходить на склады, когда на пленуме рабочих и солдатских депутатов Верховский об'явил о восстановлении для солдат смертной казни. После этого мы пришли сюда и в течение недели 26 представителей сумели выбросить этих социал-предателей из Московского Совета, и послать туда представителей пролетариата, подлинных большевиков. Когда эта чистка среди солдат стала производиться, когда стали выбрасывать этих социал-предателей из своей среды, мне тов. Удалов, который находился в мандатной Комиссии Московского Совета, говорил, что он не верит себе, что значит такая перемена: каждый день перевыборы, каждый день вместо социал-предателей идет большевик.

Это произошло после об'явления Верховским смертной казни нашим солдатам. В течение месяца эта 8-тысячная масса, которая шла за лозунгами социал-предателей, отвернулась от них и пошла за нами. Я помню после этого, как тов. Мария Петрова и секретарь Воронцова приходили в ужас, когда эту 8-тысячную массу нужно было зарегистрировать в течение месяца в нашу организацию. В короткий период времени я получил уверенность, что эта

8-тысячная масса вся, как один, готова в любой момент встать на защиту трудящегося класса, на борьбу с буржуазным строем, и октябрь показал, что подготовительная работа наша была не напрасна. В Октябрьские дни эта 8-тысячная масса работала, не покладая рук. Эти раевские солдаты не смыкали глаз и беспрестанно работали день и ночь. Когда я был назначен революционным Комитетом г. Москвы комиссаром при выдаче снарядов и должен был организовать Революционный Комитет и когда я приехал, то комитет был почти весь большевистский. Мне представилась возможность создать комитет из тех лиц, которые были нам нужны.

Революционный Комитет, по моему предложению, был создан из 5-ти человек, но было нецелесообразно создать этот комитет только из рабочих, и крестьян, необходимо было в этот Рев. Комитет провести «спеца». Условия на складе таковы, что без этих «спецов» мы не можем ни на один шаг сдвинуться, мы не могли выполнить задачу, которая была возложена на нас, не могли послать ни одного снаряда в Москву, нашим товарищам, потому что мы не знали этих снарядов и поэтому нам необходимо было провести в Комитет полковника. Но встретил и некоторое недоверие со стороны нашей 8-тысячной массы, наших молодых большевиков. Они сказали: «почему вы золотопогонца проводите в этот Комитет? Но я убедил их, что это необходимо. Но я должен сказать, что по организации и создании Рев. Комитета очутился в безвыходном и очень тяжелом положении, потому что у него, у этой 8-тысячной массы не было не только огнестрельного оружия, не было шашки или даже хорошей дубинки, чтобы пойти на борьбу против буржуазного класса, против ненавистной власти. У нас возникла срочная задача во что-бы то ни стало вооружить нашу 8-тысячную массу, но откуда взять оружие, когда склад охраняется не большевиками, а охранялся 84-й дружиной, которая стояла в Перловке и была вооружена берданками. У нас возникла мысль разоружить и привлечь на свою сторону эту Перловскую дружину. Эту задачу исполнили тов. Аникеев и еще другой товарищ, который умер на фронте, и около 150 винтовок было в наших руках.

В дальнейшем масса солдат окружила Комитет и спрашивала нас, почему мы не идем в Москву,—они стремились туда, потому что в Москве слышны были уже раскаты и гром орудий. Сражение уже шло, но мы не могли дать сил, потому что у нас не было оружия. Когда я шел из Рев. Комитета, мне тов. Аросев, член Моск. Рев. Комитета, дал слово, что в первую голову пошлет нам винтовки и ружия, чтобы вооружить нашу армию. Но через короткое время получил извещение, что Аросев отказался представить винтовки, потому что т. т. Ярославский и Берзин поехали в это время в Кремль и были арестованы.

Приходилось задуматься над этими вопросами, потому что со всех сторон шли слухи, иногда правильные, иногда провокационные,—что окружают Раево и его хотят взять керенцы. Приходилось думать о том, как спастись без оружия, и ни до чего не могли додуматься. Тогда т. Ленскому пришла благая мысль, и он сказал: «командируйте меня на Перловку, я разоружу 84-ю дружину», я спросил его: «с чем ты разоружишь?». Он ответил мне:— «голыми руками». Я дал ему два автомобиля и двух своих товарищей из охраны 84-й дружины. Оказалось, что тов. Ленский со своими мозолистыми руками и своей хитростью одурачил эту дружину. Он приезжает, об'являет их арестованными и говорит им, что должны сейчас же сдать оружие и сложить их на автомобиль, если же они этого не сделают, то Раевский гарнизон окружит их,—т. т. охранники могут де им это подтвердить. Тут был очень серьезный момент: а ну ка, как охранники 84-й дружины скажут, что это не правда. Но они оказались верными и преданными Октябрьской революции и подтвердили

сказанное, и сказали, что 3.000 чел. прибыло и окружило их. Тогда г. г. полковники приказали накладывать на автомобили восемьсот берданок, которые у них были. Тов. Ленский через 2 часа врывается в Рев. Комитет и кричит: «ура!, я привез 800 берданок, а дружина осталась без оружия». Благодаря этой хитрости и уловке, нам удалось получить оружие, хотя бы для охраны своего склада. Но как трудно было удержать энтузиазм—8.000 и оставить их здесь на охране. Они считали позором оставаться здесь и рвались в бой. В целом всю эту массу не пришлось употребить на охрану, потому что не возможно было удержать их. Вместе с тем из Москвы мне постоянно давали звонки и телефонограммы: «дай снарядов, дай снарядов». Снарядов могли дать сколько угодно, но перевозочных средств было мало, а автомобилей почти не было. Автомобили были такие, которые могли ездить только по прямой дороге, а не по поворотам. Автомобили были никуда не годными и нам пришлось их отыскивать. Тогда более 30-ти автомобилей мы реквизнули, и с помощью этих реквизированных автомобилей снабжали Москву снарядами.

Москва не имела ни одного снаряда, а питалась только из Московского огнесклада. Я помню, что там, где находится пожарная команда, находилась 3-я рота, которая все время грузила со склада снаряды.

Она там обедала, чай пила и спала для того, чтобы не теряя времени погрузить снаряды на автомобиль. Тов. Демидов положительно не давал мне покою и все требовал снарядов, для того, чтобы разбить кадетские корпуса.

Мне приходилось делать положительно чудеса, чтобы удовлетворить его. А потом я слышал от него, он говорил мне: «спасибо, снаряды эти попали во время, белогвардейщина начинает сдаваться». Т. т., которые не состояли в Рев. Комитете, но активно участвовали и помогали ему, так уставали, что ложились на какие-нибудь ящики и сундуки, в которых были шашки и револьверы. Когда они засыпали, их поднимали вместе с сундуками и вынимали оттуда револьверы, и они ничего не слыхали; по утру вставали и хватались за волосы, заявляя, что у них пропали шашки и револьверы.

Остановлюсь еще на одном эпизоде. Когда нам сказали, что белогвардейщина идет на нас в числе 75 чел., вооруженных с ног до головы, комиссар должен был немедленно выслать помощь, чтобы задержать их.

Только что было отдано распоряжение, как наши т. т. забили в колокол, и немедленно из казармы все солдаты высыпали и открыли стрельбу.

Стреляли до самой Лосиноостровской. Мы шли впереди и через нас летели пули. К счастью нашему, мы остались целы и невредимы. Эти бандиты белогвардейцы встретили нас зловещим огнем, бомбами и гранатами. Тов. Аникеев сел на паровоз, и около 70 т. т. поехало с ним.

Когда там белогвардейцы стали выгружаться из вагонов для того, чтобы отправиться в Москву, тов. Аникеев вступил в открытый бой; из 75-ти челов. тов. Аникеев никого не упустил, всех живых привел. Когда эту банду привели, наши солдаты кричали: «смерть им, в пруд их, расстрелять их». У меня был голос слабый, я не мог массу остановить. У меня были переводчики, я шептал, а они им передавали, и только т. о. мне удалось их призвать к спокойствию. Ту громадную работу, которая была проделана, нельзя в короткое время описать, но одно можно сказать: в Октябрьскую революцию вся эта пролетарская масса, вся масса крестьянская поняла действительно большевистские лозунги и потому действовала, не щадя себя. В Октябрьские дни много наших т. т. погибло.

С каждым днем, с каждым часом, с каждой минутой, наша пролетарская идея растет, крепнет, и Раевский рабочий класс крепнет и сплачивается. Это доказывают последние ваши собрания, где вы одним духом дышите.

Сокольнический район.

Горютин.

В Сокольниках.

(Речь, произнесенная в театре «Тиволи» 6 ноября 1921 г.).

Наш район сыграл главную роль по поставке живой силы нашему центру, ибо в нашем районе боев сильных не было. Мы сыграли, главным образом, роль по поставке отрядов Московскому Революционному Комитету. Мы играли роль такую, что должны были помогать Московскому Революционному Комитету оружием, снарядами и всем другим. Я помню, как устраивался целый ряд совещаний активных работников, где очень внимательно подходили к вопросу о том, можно ли нам выступать, готовы ли мы, готовы ли массы рабочих к выступлению, не окажется ли, что те, которые сзади нас, не пойдут за нами. Такие собрания были и на Старом газу и в театре Наполеон; и на всех таких собраниях требовали выступления и говорили, что ждать больше нечего. Особенно резко к этому призывал и настаивал покончить с боязнью покойный тов. Русаков.

И вот район выступил, но мы были беспомощны: у нас не было ни оружия, ни патронов — ничего не было. Была только одна живая революционная сила, один горячий революционный энтузиазм.

В состав Революционного Комитета вошла небольшая тройка товарищей, из которых некоторые присутствовали здесь, как, например, т. Сарра, затем тов. Ефремов, который работает сейчас в Крыму, и потом тов. Русаков. Эта маленькая тройка должна была сорганизовать определенный кадр работников, распределить между ними работу и направить куда следует.

Затем Сокольнические мастерские, товарищи, Революционный Комитет мастерских, в состав которого входили т. т. Андреев, Шумкин и др., он превратился в казарменную базу, где они учили красногвардейцев, снабжали их всем необходимым и потом уже посылали в центр.

Затем еще многое можно сказать о том, что те партии, которые никогда раньше не желали слушать большевиков, при восстании, во время уже совершившегося факта, нахлынули к нам целыми толпами и работали вместе с нами до последних дней. В моменты очень тревожные, с 27 на 28 — или вернее со 2 на 3 и с 3 на 4, когда мы получили известие, что вся Мясницкая, Сретенка и Садовая находятся в руках юнкеров, и что они уже направляются в наш район, — положение было очень тяжелое: вот, вот они придут, а у нас нет оружия. И только потом уже, когда железнодорожники помогли нам и снабдили оружием, только тогда наступил, собственно, переломный момент, и судьба юнкеров была решена. Наши работники направлялись и к Алексеевскому училищу и к центру; они были и при взятии здания градоначальства, и там *погибли* двое самых лучших, самых передовых, самых революционых молодых пролетариев-юношей, которые вели за собою не только пролетарскую молодежь, но и стариков. Это были т. т. *Марголин* и *Жегунов*. Эти имена не будут забыты нами, а также и всем рабочим классом.

Затем, дальше мы помним, что когда наступил переломный момент, Революционный Комитет приступил к другим задачам. Они рассуждали так: сегодня мы победили, а завтра нам нужно будет кормить население. Это момент был такой, когда, не кончивши еще гражданской войны, Революционному Комитету пришлось заботиться о том, чтобы подготовить особый кадр работников, новый пролетарский Совет. И тут т.т. Русаков, Сарра и др. составили этот кадр работников, руководителем которых был тов. Маленков. Рабочий до глубины своей души, он с винтовкой в руке производит аресты в домах, ездит на реквизиции—он делает все. Весь Совет тогда помещался в одной маленькой комнатке. На 8-й Сокольнической улице было сосредоточено все: одну комнату занимали и заседали в ней эс-эры, во второй были меньшевики, в третьей — большевики, в четвертой же заседал Совет. И только потом уже мы перебрались в Золотой Якорь, который имеет теперь историческое значение. В этом помещении, внизу, в трех комнатах ютился наш военный аппарат, штаб красногвардейцев, — и все это в трех маленьких комнатах. А наверху, в двух комнатах помещался Совет: президиум Совета, административный отдел и культурно-просветительная комиссия, — вот и весь Совет. Я и сейчас помню, как тов. Месинг был тогда маленьким человеком, но революция за 4 года выдвинула его и сделала великим, — и будущим историкам придется удивляться, как из таких темных, не умеющих людей оказались и вышли такие крупные работники, которых рабочий класс поставил во главе управления. И так со всеми. То, что было 4 года тому назад, не вернется никогда. Эти 4 года являются 100 годами в смысле роста нашего просвещения, в смысле движения вперед.

Дальше, мы не можем не упомянуть, что было с Управой. Городская Дума была не наша, она была в руках эс-эров, а Управа была большевистская. Управа помогала нам. Дума была против нас, а Управа, председателем которой был тов. Русаков, она была с нами. Она заботилась, чтобы предоставить снабжение населению. Но после того настал момент, когда из Управы начали бежать работники в Совет; они плюнули на это учреждение. Одним из первых работников, которые дезертировали из Управы, был тов. Русаков, который стал работником Совета. Затем, значит, тов. Маленков. Были и другие товарищи, например, тов. Лозовский, который появился позднее, — который был интернационалистом, но который еще в начале деятельности Совета много нам помог. Ведь тогда очень большая работа была выполнена и в очень тяжелых условиях. Теперь 4 года прошло, и мы видим, что из коммунистической партии нашего района, состоявшей всего из нескольких человек, выросла 4-тысячная организация. Мы видим, что из 3-х маленьких комнат выросло большое учреждение. Мы видим, что обстановка изменилась, стала такой, что нельзя и сравнивать. И этот год 4-й годовщины еще больше об'единяет нас, и мы должны сказать, что жертвы, которые мы понесли, их немного в сравнении с тем, чего мы добились. Вместо ушедших жертв появились новые бойцы. Пролетариат захватил власть в свои руки. Его партийная политика—это полное банкротство буржуазии, придавленной под сапогом темного рабочего класса. И вот в этих условиях мы надеемся, что через 10 лет мы будем праздновать революционную годовщину не только в России, но и во всем мире.

С. Бродская.

Из воспоминаний.

(Речь, произнесенная 6 ноября 1921 г. в театре «Тиволи»).

Я плохой оратор, я не умею хорошо говорить, — я буду вам рассказывать только то, что я помню, как очевидец. Когда нам в нашем районе пришлось выбирать революционную тройку, то были выбраны: т. т. Русаков, Ефремов и я. И вот, когда вечером было совещание, на котором было постановлено о закрытии Думы, то тут, в районном комитете, никого не было. Я была секретарем, и вдруг получается телеграмма, что нужно послать 300 человек к Московскому Совету, потому что юнкера выступили. Я растерялась: в районе никого нет, — что делать? Я все-таки успела позвонить по всем заводам, и к 5 часам собралось около 500 человек.

Вот зто один факт. Это было 27 вечером. Потом начался бой в центре, а у нас нет ни оружия, ни патронов. Наконец, железнодорожникам удалось перехватить на Казанской дороге винтовки. Тогда мы послали несколько грузовиков и привезли первую партию винтовок. Ездили т. т. Новиков, Филиппов и др. Привезли несколько ящиков, — и все набросились на них, все хотят получить винтовку. А мы хотели сначала разделить между теми, кто умел сражаться. Я опять одна была в Комитете. И вот я не знаю, что мне делать: все требуют винтовки, а давать всем подряд нельзя. Я взяла да и села на все зти винтовки и говорю: никому ничего не дам, пока винтовки не будут разделены между теми, кто умеет стрелять. И вот один из товарищей, по фамилии Савельев, с завода Швабе и говорит мне: «ты мне непременно должна дать винтовку«. Я же, говорю, что нет, не дам.

Вот, значит, главным образом пришлось отстаивать винтовки, чтобы можно было сорганизовать первые отряды.

Потом нам надо было послать немедленную помощь в город, а у нас опять-таки нет патронов. И вот тогда пошли в Сокольническую тюрьму и забрали там все патроны. Но как только мы роздали зти патроны, то некоторые товарищи разбили несколько патронов, чтобы посмотреть, годны ли они, — и оказалось, что они были набиты золой. Мы все так и остолбенели, потому что, если бы товарищи пошли с зтими патронами против наших врагов, то они пошли бы на верную гибель.

Вот, значит, второй факт. Потом еще такой факт был: был один товарищ, который ни за что не хотел расставаться с винтовкой ни на минуту. Он говорил, что если, мол, кадеты придут, вдруг я без винтовки—как же тогда быть. И вот 10 дней подряд он не снимал винтовки с плеч.

Вот еще я помню один факт, — у меня сохранилась одна резолюция, которая была принята 26 числа, когда был созван Районный Совет. Это была первая резолюция, которая была вынесена о том, что мы должны пойти сражаться.

Потом еще могу сказать, что главные наши силы были из уезда, например, приехали из Мизеряева; там же мы достали много оружия и динамиту. Затем с Кольчугинского завода пришли рабочие и они же дали нам в помощь фельдшериц.

Самым главным нашим пунктом были Сокольнические мастерские. Они там у себя имели свою столовую, которую они захватили в свои руки; и Сокольнические мастерские превратились в главный штаб, где формировались отряды и уже оттуда отправлялись в центр.

И вот еще один факт, товарищи: у нас не было патронов, а Лефортовский район обещал нам дать эти патроны,—только некому было поехать туда за ними. Ехать же туда было рисковано: ехать туда—значит, было жертвовать собой. И вот товарищ Ефремов предлагает себя, а я предлагаю себя. Так мы долго препирались, — наконец таки я поехала. Приехала, взяла эти патроны, а назад оттуда нельзя было выбраться. А между тем, наши отряды, которые должны были отправиться в центр, ждут этих патронов. И вот нашелся товарищ, который взял меня оттуда с этими патронами, — и нам под боевым огнем пришлось выехать, — но все-таки мы прибыли в Сокольнический район с этими патронами.

Конечно, очень много можно было бы говорить и вспоминать, но самое главное воспоминание у меня осталось о товарищах из Союза Молодежи, о т. т. Марголине и Жегунове, которые все время проводили с винтовками в руках. И вот они погибли. Один из них погиб после перемирия, а другой в первые дни. Мы их не должны забывать. Они были очень молоды, им было всего по 18 лет, а между тем они так правильно понимали и горячо осуществляли наши революционные задачи.

Кольцов.

Из воспоминаний об Октябрьских днях в нашем районе.

(Речь, произнесенная 6 ноября 1921 г. в театре «Тиволи»).

Я красноречия не имею. Расскажу все воспоминания о тех событиях, какие пережил в дни революции и о тох переживаниях, какие замечал до некоторой степени у наших товарищей лично. Когда настал день 25 октября, день пролетарской революции, то увидел у товарищей, которых нет сейчас между нами, лица просветленные, жизнерадостные, духом ободренные; они не страшились того, что у них нет в руках оружия «все равно, — говорили они, — идем без оружия». В эти великие дни не было революционера, который не участвовал бы в революции. Кто в то время у нас шел с оружием? Почти все были без оружия; в этот момент нам приходилось итти помогать центру. Здесь вспоминаю отличившихся т. т. Месинга и Меленкова. Тов. Меленков был защитником рабочего класса, нигде он не спотыкался, не спал ночами, но все-таки был бодр духом. — Когда привезли патроны, за которыми была организована поездка на автомобиле несколькими товарищами с Кольчугинского завода, — то один рабочий попробовал винтовку, заряженную патроном, оказалось, не стреляет; тогда берут патрон, зажигают спичку, думают, может-быть, отсырели, но нет, патроны даже не горят. — Помню тогда был маленький ропот, говорили: «куда нас посылаете, там хорошо вооружены, а мы с голыми руками»; но здесь помогла бодрость духа; рабочие спокойно шли за свободу, за права угнетенных, они горели желанием отбить все у буржуазии, пора быть и самим хозяевами государства... Когда самому приходилось итти вечером и ночью, то, помню, никогда не боялся, ночью ходил на Лубянскую площадь; со мной всегда ходил «маленький медвеженок» (так звали мальчика лет 15, который всегда ходил со мною). Ходили днем и ночью из Сокольнического района в центр. — Вот что переживал рабочий класс в Сокольническом районе, это была маленькая кучка. Вспоминаю такой случай: недалеко грабят лавку, мы идем вчетвером, слышим выстрелы, что делать? Но рабочий духом добрый, всегда хочет помочь; но как же итти без оружия, но ничего, все-таки идем, видим на Грязной улице лавченку, командуем грабителям «руки вверх, ни с места», отбираем у них винтовки, их арестовываем и приводим в Революционный Комитет, где находились т. Сарра, т. Ефремов, т. Меленков и т. Русаков; они взяли их под свою охрану. — Вставал вопрос, как добывать оружие.Когда на улице попадались единичные лица в виде офицеров, то мы быстро командовали: «руки вверх, ни с места», отбирали оружие и шли спокойно дальше. — Это говорит за то, что пролетариат в то время не страшился смерти, он шел спокойно на эту смерть всюду, у него была одна цель: жить или помереть, но взять свободу, ведь не все же быть под игом

капиталистов; хотя мы неучены, неграмотны, грубы, но в этом вина не наша, это вина тех, которые были раньше хозяевами и не научили нас хорошему. Затем помню такой случай, перебрались мы в «Золотой Якорь», стоим, слышим слово «пикетчик» (я и сейчас не разберусь в нем), подходим к месту, стоит какой-то гражданин, подходят еще 2—3 человека с винтовками в руках, думаю, что это значит. Один иэ них говорит: «пойдем сегодня на летучку»; я ничего не понял, но все-таки заинтересовался; не долго думая, иду в Революционный Комитет, обращаюсь к т. Месингу и говорю: «расскажите, что такое летучка»; тут стоит гражданин с винтовкой в руках, говорит: «ну что такое летучка?—Такой летучий отряд». Но мне покаэалось это что-то подоэрительным. Потом окаэалось, что «летучка» — это значит, когда будет потемнее, пойти пограбить, но это не в характере рабочего, это просто жулики; мне не пришлось их арестовать. Я помню, как у наших товарищей после первой революции лица помрачились, стали эадумываться, как будем дальше работать, нас такая маленькая часть, не вышло бы, как в 1905 г. Но в Октябрьскую революцию я видел искаженные лица, только не у наших рабочих, у наших рабочих лица просветились. Была коренная обида обывательщины, эксплуататоров.

Митрофанов.

В боевые дни.

(Речь, произнесенная 6 ноября 1921 г. в театре «Тиволи»).

Разрешите поделиться впечатлениями первых Октябрьских дней, где пришлось мне участвовать. Дело в следующем: вы выслушали от предыдущих товарищей, что наш район страшно нуждался в оружии; этот факт верен. Но тогда же нам пришлось организовать некоторую другую помощь, а, именно, какая была необходима для той маленькой армии, которую мы организовали в то время. Дело в следующем: у нас зародилась мысль во что бы то ни стало, раз мы имеем маленькую армию, нужно для нее организовать санитарную помощь. Мне было поручено Ревкомом организовать подвижной летучий отряд Красного Креста. — Этот отряд был организован на трамвае посредством трамвайного передвижения, эти вагоны насколько возможно подвигались к центру. В этот отряд было слишком много желающих не только большевиков, но всей рабочей массы беспартийных, большинство из желающих были женщины, которые по своему добровольному желанию хотели пойти в этот отряд, чтобы оказать посильную помощь. Мне пришлось руководить этим отрядом и наблюдать характерное явление. Товарищи рабочие, которые входили в этот отряд, при первой же возможности проезжали к центру, где происходило в то время сражение, и видя дорогой попадающееся оружие, которое во время сражения было оставлено тем или другим товарищем, они убегали из отряда, хватали это оружие и пускались в бой. Таких случаев было много. Был такой случай: товарищи-женщины, видя, что раненых нет, и видя, что нужно помочь своим товарищам, которые сражаются против врагов, чем же они занимались? При взятии Кремля мне пришлось участвовать с одним отрядом на Никольской ул., где т. т. женщины из моего отряда начали подтаскивать сражающимся товарищам патроны. Как Красный Крест, мы не должны были этим заниматься, но мы ни с чем не считались; нужно было отбить того врага, который нам противостал. Т. т. женщины бросали свои обычные занятия, таскали ящики с патронами в Верхние Торговые Ряды, когда выбивали из Окружного Суда засевших белогвардейцев. Т. т. женщины оказывали большую помощь т. т. мужчинам. Когда была очищена Никольская улица, то представилась возможность подвести одно 3-дюймовое орудие, которое было поставлено на углу Никольской, у аптеки Феррейн, откуда можно было разбивать Никольские ворота, и начали разбивать их. Разбив двери, товарищи начали перебрасываться по стене туда, чтобы растаскивать баррикады, которые были сложены из винтовок. Когда начали растаскивать винтовки, началось снабжение оружием в достаточном количестве и потом удалось выдворить оттуда юнкеров. Когда у нас в районе не было ни винтовок, ни другого оружия, то мы занимались построением баррикад на Матросской ул., чтобы был под'ем духа. Как трудно было сражаться без

оружия, в то время, как у противника его было в достаточном количестве! Если вспомнить тех товарищей, которые погибли тогда в боях, как трудно было им бороться без оружия, и раз в настоящее время мы имеем оружие, мы имеем все преимущество на нашей стороне, то борьба теперь для нас должна показаться слишком легкой: это не то, что было 4 года тому назад.

Котов.

Сокольнические мастерские.

(Речь, произнесенная 6 ноября 1921 г. в театре «Тиволи»).

Нельзя не отметить в истории Октябрьских дней Сокольнические мастерские. Сокольнические мастерские являются историческими мастерскими. Эти **Сокольнические** трамвайные мастерские принадлежали Городской Управе, которая была эс-эровской и кадетской. Но несмотря на то, что Городская Управа была эс-эровская и кадетская, рабочие были не эс-эры и не кадеты. Правда, они не были тогда еще большевиками, но положение резко изменилось накануне Корниловского совещания. До этого совещания не давали говорить большевикам, но когда совершилось Корниловское совещание, то 4-тысячная масса рабочих, — это были военно-снарядные мастерские, — приняла резолюцию прекратить работу на завтрашний день, т.-е. в момент Корниловского совещания. Это была первая победа партии большевиков. Помню, приходили представители рабочих и красноармейских депутатов, меньшевики и эс-эры, как они вопили: что вы делаете, вы не подчиняетесь Московскому Совету; Московский Совет постановил работать, а вы не хотите. Рабочие им на это отвечали: ну что ж, что постановили, если вы хотите защищать Милюкова, защищайте, а мы не пойдем его защищать. Сколько было великого энтузиазма в те дни, когда рабочий класс инстинктивно почувствовал, за кем нужно итти. В то время большевиков среди рабочих было мало, большинство рабочих было из крестьян и они говорили, что они социалисты-революционеры. Но накануне октября положение изменилось, рабочим чутье подсказало, за кем они должны быть. Когда настало 25 октября, когда загремели пушки, когда нужно было выступать, мастерские приняли боевой вид. Более энергичные товарищи обучали других своих товарищей, было постановлено, что нужно обучать большевиков.

И нужно сказать, что было две берданки. И вот с двумя берданками они и обучались. И не только большевики обучались, но даже и беспартийные, потому что все думали, что будет плохо, когда начнется нападение. Тогда Совет уже имел другое значение; и вот рабочие чутьем чувствовали, к кому им нужно итти, и нужно ли передать власть Советам. И вот, когда настал решительный момент, то, — конечно, воевали с Керенским, но за Керенским ведь стоял Милюков и др., — тогда Сокольнические мастерские и обратились в революционный центр. Там образовался центр в лице т. т. Андреева, Шумкина и др., которые взялись руководить; и вот туда, в эти мастерские, посыпались рабочие со всех сторон. Администрация же мастерских не знала, кому же подчиняться — Городской ли Думе или же тов. Андрееву. Я помню, как все заведующие, при требовании открыть кладовые, не знали, что делать: и отказать боятся и открыть — также боятся. И вот они дрожащими руками открывали эти кладовые и давали все, что было нужно для революции. Кроме того, эти мастерские приняли вид

вооруженного лагеря. Туда шли все рабочие, там именно был военный лагерь. Эти мастерские сыграли огромную роль в Октябрьские дни. Я точно не могу сказать, но, думаю, что больше 10 тысяч человек прошло через Сокольнические мастерские. Там рабочие снабжались горячей пищей, там им давалось оружие, и оттуда уже они направлялись в боевые места. Я помню там такой случай, когда один седой старик взошел на автомобиль, который отправлялся на место боя, и говорит: «я еду». Ему говорят, что есть много молодых, которые должны в первую очередь ехать, а вам, мол, найдется работа и здесь, — но он все-таки поехал. Ему потом перешибли колени под Кремлем.

Много было таких явлений. Сокольнические мастерские сыграли огромную роль в Октябрьские дни. Штаб на 8-й Сокольнической улице делал распоряжения, а в Сокольнических мастерских эти распоряжения выполнялись. Туда везли винтовки и патроны, а оттуда уже все это распределялось по другим районам. И еще задолго до Октябрьской революции Сокольнические мастерские являлись штабом и арсеналом. Там было много оружия и снарядов. Вот какое значение имели в то время Сокольнические мастерские. И характерно, что рабочий класс практически правильно понимал, где его место, и рабочие мастерских и другие рабочие правильно учитывали и разбирались во всем.

И еще помнится мне относительно той резолюции, которую нам прочитала тов. Сарра. Это был исторический пленум Совета, на котором решался вопрос о выступлении, вопрос о том: итти на баррикады или нет. И вот резолюция, которую нам прочла т. Сарра, и была вынесена на этом пленуме Совета. Тов. Русаков, который был избран председателем, говорил, что вы должны итти не смущаясь. А меньшевики плакали и говорили: «как вы пойдете, — теперь еще немыслимо итти». Но, несмотря на этот плач, огромное большинство постановило выступать и итти на баррикады.

И вот я должен сказать, что теперь мы переходим на новый экономический фронт, и фронт этот очень трудный, — но мы должны сказать словами тов. Русакова: «верьте, мы и на этом фронте победим».

Замоскворецкий район.

Б. Волин.

Как во сне (Октябрь в Москве).

Канун революции.

Начиная с середины октября чувствовалось, что должно совершиться что-то очень великое, никогда невиданное и неслыханное. Наши силы в Совете растут с каждым днем. Перевыборы депутатов дают все новых и новых большевиков. Наконец, у нас образовывается значительное большинство.

Рядом с Советом существует городская Дума, где большинство за эсэрами, меньшевиками и кадетами. Нас небольшая частичка в 23 чел., но мы нашей деятельностью привлекаем симпатии всего московского пролетариата.

Два враждебных лагеря друг против друга: Дума и Совет. Эс-эры с Минором и Рудневым говорят нам откровенно: «Нам придется друг друга резать».

Наконец Совет об'являет себя властью: он заявляет, что все требования бастующих три месяца кожевников считаются удовлетворенными. Эс-эры, меньшевики и кадеты зовут к расправе с Советом. В Думе волнение: Руднев, городской голова, беспрестанно совещается с Рябцевым, командующим войсками.

Начало.

Я утром выхожу из дому. Я чувствую и знаю, что предстоит борьба, смерть, победа. Прощаюсь с женой и сбегаю, не оглядываясь, вниз по лестнице. Уже слышны выстрелы в разных частях города. Вот по Садовой и Самотечной площади промчался мимо грузовик, полный вооруженных юнкеров и студентов. Стреляют в воздух и чувствуют себя хозяевами положения. Иду дальше. Знакомый товарищ меня предупреждает, что Совет оцеплен и обстреливается—прохода туда нет. Сообщает, что Военно-Революционный Комитет выбрался оттуда и находится тут вблизи. Сворачиваю в переулок, где штаб Комитета. Там почти ничего не знают о положении в районах. Видно, по мнению всех, события развертываются помимо чьей-либо воли. Каждый район начинает действовать по-своему. Постановляют выпустить революционный призывной номер газеты. Выясняется, что к типографиям подступа нет. Решают напечатать номер в г. Серпухове. В сутолоке сажусь писать передовицу. «К оружию». «Действуйте самостоятельно по своим районам». «Окружайте буржуазную сволочь со всех сторон и бейте ее беспощадно». Такова мысль моей статьи. Организует газету Подбельский Вадим. Случайно привезен материал из Питера. Керенский низвергнут. Еще что-то. Отправляют все в печать. Так и не знаю, где напечатан был номер. Через несколько дней уже увидел его наклеенным на заборе одной из улиц Замоскворечья.

Тревожная ночь.

Не помню, как прошел день. Ночью с тов. Владимирским идем ко мне ночевать. Ворота закрыты. Рябцев отдал приказ домовым комитетам никого не впускать и не выпускать без особых разрешений. С трудом нас впускают. Звонок по телефону. Говорит один из лидеров меньшевиков. Спрашивает, где Смидович, председатель Совета. Он хочет переговорить с ним, чтобы предотвратить кровопролитие. По телефону с трудом разыскиваем Смидовича. Узнаем, что в Питере образовалось пролетарское правительство. Ленин—председатель Совета Народных Комиссаров. Не верим. Не смеем верить. Беспрестанные звонки с сообщением, что Совет окружен, что Военно-Революционный Комитет скрылся. Неизвестно, где он находится. А за окном шестого этажа уже слышна ружейная стрельба, как будто у Сухаревой башни. Одиночные пушечные выстрелы.

На улицах районов.

Рано утром снова с трудом нас пропускают из ворот. Идем по Мещанскому району. Стрельба в городе. На Мещанской—окоп и баррикады. Вооруженные рабочие в блузах и куртках. Не пропускают, даже с нашими мандатами. Узнаем: Сретенка до Сухаревой и центр занят белогвардейцами. Окольным путем пробираемся к Курскому вокзалу. Общее впечатление, что окраины в рабочих руках. За день и за ночь мобилизованы все организованные пролетарские силы большевиков. Добираемся до Рогожского района. «Стой, будем стрелять», кричат часовые-рабочие и наводят на нас револьверы и винтовки. Товарищи узнают меня и пропускают к районному Совету. Вся улица окружена окопами, оцеплена колючей проволокой. Волнение рабочих-красногвардейцев у Совета. Среди них суетится тов. Землячка, организатор районной партийной организации, щелкают затворы, строятся в боевом порядке, где-то близко наступают не то казаки, не то юнкера. Просят нас спешить в Замоскворецкий район, просить подкрепления. Кстати я туда направляюсь. В свой родной Замоскворецкий район, где я веду партийную работу и откуда я избран в Московский Комитет. Там я должен быть, там я должен работать, там я должен стараться, там я должен умереть или торжествовать победу вместе с замоскворецкими рабочими.

В Замоскворецком районе.

Путь пока свободен туда. Я в Замоскворечьи. Накануне избран Революционный Комитет. Рабочие и представители от местных солдатских частей. Председатель остался в центре. Меня избирают в председатели Революционного Комитета. С этих пор я не ухожу из Замоскворечья до дня нашей победы. Лихорадочные приготовления. Рабочие занимают мосты «Крымский», «Чугунный». Рабочие и незначительная часть солдат сражаются у храма Христа на Остоженке и Пречистенке. Поминутно требуют патронов и гранат. Нужна пакля для окопов. Юнкера жарят по рабочим из окон верхних этажей высоких домов. У них пулеметы и бомбометы. У нас ничего нет. Берданки и плохие винтовки. Работницы организуют красный крест. Мало людей, мало солдат, мало оружия. Орудийная пальба со стороны Пресни. Кто в кого стреляет,—мы не знаем.

Снежный ком.

Велика сила пролетарской Революции. Положительно с каждым часом наши силы увеличиваются. Как снежный ком, они с каждым днем все растут

и растут. У нас нет средств сообщения—вдруг к нам является отряд самокатчиков, которые все как один человек, со своими мотоциклетами пришли к Совету заявить, что они всецело в нашем распоряжении. Великую службу сослужили они в эти боевые дни, днем и ночью под выстрелами летя на своих мотоциклетах. Являются старые солдаты из 10 дружины выздоравливающих. Сражаться не могут, но просят назначить их в казармы. Откуда-то взялись выпущенные на свободу знаменитые боевые двинцы, засаженные Керенским в тюрьму за революцию. Не хватает винтовок и патронов. Но вот является какой-то товарищ железнодорожник и на ухо сообщает, что где-то на вокзале они открыли целый вагон с новыми винтовками. Ликование и радость. К вечеру они у нас. Целая гора новеньких смазанных. Скоро они все разобраны. Их не хватает. Из Сокольнического района прибывает 2 или 3 пулемета. Двинцы-пулеметчики долго над ними возятся, не хватает частей. Но скоро налажено дело, и торжественно они отправляются на Пречистенские позиции и к Замоскворецкому мосту.

Борьба в районах.

Через два-три дня налаживается сообщение с районами и с Военно-Революционным Комитетом. До сих пор мы действовали совершенно самостоятельно. Узнаем, что все вокзалы в наших руках. Что центр Москвы занят белогвардейцами. Что мы их окружили тесным кольцом. Что это наша артиллерия жарит с Пресни по Поварской и по Кремлю. Что в Симонове пороховые склады отбиты у юнкеров нашими товарищами. Что буржуазная сволочь и белогвардейцы, отрезанные от вокзалов, голодают. Что настроение во всех районах, во всех рабочих кварталах приподнятое, боевое. Что на нашей стороне исключительно все рабочие и солдаты, а на стороне наших врагов все юнкера, офицеры, интеллигенция, эс-эры и меньшевики. Настроение подымается. Мы верим в победу.

Наша артиллерия.

На набережной Москвы-реки, близь храма Христа Спасителя, Бутиковские казармы. Там наши пушки. Но нет снарядов. Является наш товарищ-инженер. Говорит, что он с артиллерийцами может заняться начинкою снарядов. Что надо занять N-ский завод. Все их предложения принимаются. Нет таблиц для прицела. Целые сутки солдаты изучают орудия. Наконец, орудия изучены. Снаряды начинены. Бух! Бух! По полевому телефону бутиковцы передают мне, что стрельба меткая и снаряды ложатся по Кремлю, где сейчас весь белогвардейский штаб с Рудневым и Минором, бежавшими из сильно обстрелянной городской Думы.

Казаки.

Прибегают товарищи-железнодорожники и сообщают тревожно, что ими получена с ближайших станций депеша, что со стороны Балашова, по Саратовской дороге, двигаются к Москве большие эшелоны казаков. Конница, пулеметы, легкая артиллерия. Случайно при нашем разговоре присутствует наш большевик-студент тов. Карпов. Он заявляет, что он сам казак и просит дать ему автомобиль, чтобы выехать к казакам навстречу для переговоров. Он с собою берет арестованных нами казаков, которые содержались, как заложники и с которыми мы очень хорошо обращались. В тревоге проходит целый день, ибо они находились в 60 верстах от Москвы. Наконец,

товарищ приезжает радостный, счастливый. Вынимает из-за рукава бумагу и подает ее. Там подробный договор, подписанный представителями казаков и им, как представителем Революционного Комитета. Казаки дают честное слово не двигаться к Москве, если мы выпустим всех взятых нами в заложники казаков с их лошадьми. Мы, конечно, соглашаемся. Опасность миновала. Ура. Раза три приходилось выезжать навстречу казакам других эшелонов и каждый раз переговоры заканчивались нашей победой. Ибо казаки тогда бессознательно чувствовали, что правда на нашей стороне, особенно, когда они узнали о декрете о земле и что средние казаки остаются при своих наделах.

Боевые действия.

Очень трудно приходится нашим солдатам и красногвардейцам. Белогвардейцы заняли все высокие многоэтажные дома и нам приходится их голыми почти руками выбивать. Ежечасно, иногда чаще, прибегают с позиции и сообщают о положении дел. Мы продвигаемся с великим трудом и несем большие потери. Юнкера упорно сражаются и не желают уходить из занятых ими домов. Приходится их выбивать из каждого угла. Дело улучшается с получением пулемета и гранат. Иногда иссякают патроны и бомбы и тогда приходится с потерями отступать. Мы выдвигаем далеко посты к заставам на случай обходного движения белогвардейцев или наступления каких-либо сил извне. Весь противоположный берег реки нами обстреливается. Мы не подпускаем юнкеров, которые хотят прорваться в Замоскворечье через мосты. Сильная борьба за Крымский мост. Мы связываемся с Рогожским районом и охраняем соединяющий нас Краснохолмский мост. Со всех сторон ухают пушки. Ночью видно зарево пожаров во многих местах Москвы. Вестовые сообщают, что и в других районах дело обстоит также. Опаснее всех положение Кожевнического района, где со стороны Смоленского рынка появился белогвардейский броневик. Мы послали туда подкрепления. Броневик где-то застревает в окопе и наши его берут в плен. Непосредственно боевыми действиями руководит Павел Карлович Штенберг, наш старый боевой товарищ с седой львиной головой и молодым горячим сердцем бойца.

Провокация.

Белогвардейская организация действует во-всю. У них весь штаб, у них контр-разведка. У них интеллигенция. Они забирают мандаты у пленных рабочих. С этими мандатами студенты и курсистки являются к нам. Выведывают у нас, что можно, и отправляются обратно к своим. Семь таких белогвардейцев пытаются с ложными мандатами получить с наших складов оружие и снаряды. Случайно их обман раскрывается и они арестованы.

О пленных.

У нас сидит несколько пленных и просто арестованных. Есть студенты, офицеры. Мы их содержим в лучших условиях. Мы просто с ними няньчимся. Мы просто добродушные ребята. Следственная комиссия часто отпускает на все четыре стороны этих господ. Я заявляю перед лицом всего мира труда, что ни один из них не только нигде не был расстрелян, но даже не был ранен, не был побит. А между тем мы потом узнали, после их сдачи в Москве, что они проделали с 84 полком и нашими красногвардейцами в Кремле. Они их выставляли в ряд и стреляли из пулемета, они их били по щекам и выбивали зубы. За малейшее слово—расстреливали наших товарищей.

Меньшевики.

Рабочие дерутся, как львы, и умирют, как герои. То же и солдаты. А меньшевики стоят в стороне и ослабляют настроение революционеров. Один рабочий-меньшевик было начал работать у нас, но его немедленно партия отозвала. Как-то привели к нам в штаб несколько типов, которые по району разбрасывали меньшевистские прокламации, в которых они убеждали рабочих, что никогда не победить им буржуазию, что нечего зря проливать кровь. Какой гвалт подняла их партия за этот арест и за уничтожение этих прокламаций! И это в тот момент, когда лучшие рабочие умирали в окопах, вырытых на улицах Москвы.

Перемирие.

Дня через три-четыре нам передают из Центрального Комитета, что им подписано перемирие с белогвардейцами на сутки.

Общее негодование охватило нас всех. Но мы подчинились. И вот, когда мы перестали стрелять, нас стали осыпать пулеметным и бомбометным огнем. Тогда еще телеграф работал. Я звоню в союз муниципальных работников, который был посредником. Говорю, что белогвардейцы не соблюдают условий. Они наступают большими силами и расстреливают наших. Во время перемирия мы потеряли лучших наших товарищей. Перемирие не привело к миру, а как раз наоборот—к самой ожесточенной дальнейшей борьбе.

Наша победа.

Наконец, на седьмой день беспрерывной борьбы, ночью получаем приказ приостановить стрельбу, ибо белогвардейцы сдаются. Я пишу приказ на позиции. Ему не верят, по поводу него негодуют. Ибо все помнили еще результаты перемирия с белогвардейцами. Стрельба прекращается все же. Через полчаса вдруг восемь раз под ряд ухают наши пушки. Спрашиваю по полевому телефону, в чем дело. Отвечают: осталось восемь снарядов—куда же их деть? Их выпустили по Кремлю. Через час является представитель Военно-Революционного Комитета и привозит с собою точный текст договора, подписанного обоими сторонами. Я собираю всех красногвардейцев, рабочих, солдат, которые тут, при штабе, находились в этот поздний ночной час. Сообщаю им. Поздравляю их. Случайно здесь находящийся тов. Ольминский, редактор Социал-Демократа, произносит в слезах несколько приветственных слов. Настроение не то радостное, не то неопределенное, даже тревожное. Мы победили. Но неизвестно, что впереди. Враг где-то блуждает. Он не подавлен. И что мы сейчас будем делать? Рабочие и солдаты у власти. Невероятное стало возможным. Сон превратился в явь.

В городе.

После 7 дней самой безостановочной напряженной борьбы, после 7 совершенно бессонных ночей, после 7 совершенно голодных дней, когда я не ел, не спал, не умывался, не причесывался, наконец, на автомобиле, отобранном у генеральши Брусиловой, еду в центр, к Совету—узнать, что делается там. Еду по городу. Всюду следы борьбы. Окопы, баррикады. Прострелены стекла окон, оцарапанные пулями стены. В одном месте, на Поварской, несколько поврежденных особняков. По пути забираю выпущенного только что из белогвардейского плена т. Обуха, врача. Он рассказывает мне по пути в

Совет, как издевались над пленными «культурные» и «интеллигентные» белогвардейцы. Едем по Тверской. Масса народа на улице. После недели испуга, стрельбы,—все успокоилось. Не доезжая до Совета, вдруг начинают со всех сторон по нашей машине палить с какого-то верхнего этажа угла Тверской и Леонтьевского переулка. Обух и шоффер успевают скрыться под воротами. Я остаюсь в автомобиле и жду смерти. Досада меня берет, когда я думаю, что могу быть убитым, как раз тогда, когда уже наша победа, когда смерть моя никому не нужна уже. Это была последняя вспышка белогвардейцев. По городу всюду рабочие и солдатские патрули.

Как во сне.

Все это я вспоминаю смутно, как будто все это было во сне. Я почти не помню имен. Я совершенно не помню точно, когда, в какой день, что случилось, несмотря на то, что я принимал во всех событиях самое близкое участие. Я вспоминаю отдельные происшествия, как отдельные части одного невероятного сна. Во время этой недели не было ни дня, ни ночи. Была беспрерывная борьба, были тревоги, были радости, было напряжение всех духовных и физических сил. И мы победили. Действительность мне представляется, как происходившая во сне, а на самом деле сон превратился в действительность.

Заключение.

Вспоминая сегодня ту борьбу, которая 4 года тому назад привела нас к победе над старым буржуазным миром, надо сказать: никогда не было такого стихийного стремления к борьбе, как в эти дни. Этим мы победили такого хорошо организованного и вооруженного врага. Начав борьбу, мы точно не знали, закончится ли она победой. У пролетариата России иного пути не было. Не будет и нет иных путей у международного пролетариата. Он идет нашим путем и он победит, как победили и мы.

Уваров.

На Замоскворечье.

(Речь, произнесенная в Институте Карла Маркса 6 ноября 1921 г.).

Здесь большинство рабочих, которые помнят то время, когда совершалась Октябрьская революция. И товарищи рабочие помнят, что в действительности рабочие имеют право сказать, что лишь только рабочие совершили революцию. Я рабочий с завода Михельсона и буду говорить о том, поскольку осталось у меня в памяти то рабочее движение и тот рабочий под'ем, который тогда был. Я помню, я работал в то время на заводе Михельсона. Завод работал денную и ночную смену. Я помню в 12 час. ночи позвонили по телефону, чтобы оставить завод и послать рабочих за получением оружия в Московский Совет. И не только звонили на один завод Михельсона, а и на многие заводы. Надо сказать, что завод Михельсона был действительно опорой всего Замоскворечья. Он сыграл огромнейшую роль и во время Февральской революции и во время Октябрьской революции. На заводе Михельсона до и во время революции уже было организовано около 200 красногвардейцев. Когда позвонили по телефону, приказав итти в Московский Совет за винтовками, я сделать этого не мог: я считал, что здесь какая-то провокация. Чтобы убедиться лично, я поехал в Совет. Под'езжая к Каменному мосту, я встретился с цепью юнкеров. Тогда еще активных действий они не проявляли, но факт тот, что они шли в наступление, чтобы захватить мост и электрическую станцию. Мне пришлось вернуться. Я помню, как на Серпуховской площади было столкновение со студентами института Карла Маркса. Тут была организованная группа 15—16 чел. под командой офицера. У моста было первое сражение. Рабочие предложили сдать оружие, у них был сильный революционный под'ем. На угрозы они ответили выстрелами, студент был ранен, 1 офицер убит, остальные сдались в плен. Это первое, что происходило в Замоскворецком районе. На следующую ночь приходит группа солдат двинцев—50 чел. и требуют оружие, каковое находилось у рабочих завода Михельсона, с Февральской революции, в количестве 200 винтовок. Солдаты—двинцы назывались так, п. ч. они когда-то братались с немцами и были посажены в Двинскую тюрьму. После Двинской тюрьмы они были посланы в Москву для дальнейшего наказания. Они-то первые и пошли к Московскому Совету. На Красной площади они были встречены юнкерами, которые стояли вокруг Кремля и на Красной площади. На Красной площади юнкера открыли огонь с церкви Василия Блаженного. Но двинцы, несмотря на пулеметный и винтовочный огонь, вступили в штыковой бой. Они продвинулись до Московского Совета, потеряв большинство своих товарищей. Однако, они не оставили на месте сражения ни одного убитого, ни одного раненого: всех товарищей они притащили с собою в Московский Совет. И вот на следующее утро уже была рабочая организация. Рабочие организованно шли с завода в Революционный Комитет с требованием выдать

им винтовки и отправить на поле сражения. Рабочие также шли в одиночку и пред'являли требования об их вооружении. Шли даже старики и женщины. На заводе Михельсона была организована санитарная команда из 150 ч. женщин, которые принимали активное участие в борьбе. Часть из них сражалась в окопах, часть находилась в санитарной команде: перевозили, перетаскивали патроны и т. д. Я помню, при сражении у Каменного моста был убит молодой 18-летний юноша, слесарь завода Михельсона, Александр Киреев. Я помню, когда мы пошли с рабочими в наступление на Крымский мост, то по рабочим стреляли на Остоженке почти из каждого окна. В Замоскворецком районе все было спокойно, п. ч. здесь рабочий район и живут исключительно рабочие, но как только перевалили через Крымский мост, так сейчас же картина изменилась. Там ждал нас буржуазный элемент, который, увидев рабочих, начал в них из-за угла стрелять. Я помню, когда происходило сражение в окопах на Остоженке, когда мальчишка 15 лет с завода Михельсона взобрался на окоп, чтобы увидеть своих противников, с кем мы сражаемся, юнкера заметили этого храбреца, открыли пулеметный огонь и вонзили в него 40 пуль. Я помню также, как на Остоженке погибла Люся Лисинова—курсистка быв. Коммерческого института, но таких студентов и курсисток было малое количество, большинство студентов и курсисток шло по ту сторону и сражалось против рабочих. Надо запомнить, что в последнее время ни один рабочий не мог отдать своего сына в означенный институт, п. ч. за это брали огромную плату, а также ни один рабочий не мог быть юнкером, п. ч. юнкера должны были иметь дворянское звание. Таким образом, по эту сторону сражались только рабочие и маленькая кучка интеллигенции, а по ту сторону—дворяне, купцы и проч. Вы помните также, после победы нашей, нам все об'явили протест, даже контролер на трамвайном вагоне и тот отказался работать. Вот какое было положение. Я думаю, сегодняшний день эти воспоминания должны запечатлеться в наших умах. Я думаю, что большинство рабочих помнят, как они сражались в Октябрьскую революцию. Здесь надо особенно отметить роль рабочих трамвайного парка, которые во время Октябрьской революции бесстрашно возили красноармейцев. Рабочий совершил Октябрьскую революцию с оружием в руках и теперь этот рабочий своими руками победит и экономическую разруху Советской Республики.

Список коммунистов ячейки Замоскворецкого трамвайного парка, участвовавших в Октябрьском перевороте.

№№	Фамилия, имя, отчество.	ПРИМЕЧАНИЕ.
		В МОСКВЕ.
1.	Курбатов, Емельян.	Был старшина десятка, принимал и отпускал снаряды, патроны и бомбы. Был секретным агентом Ревштаба по военным и продовольственным делам, имел связь с железнодорожным и Сокольническим Районом для изыскания продовольствия и снабжал им активных работников, наступающих на Кремль.
2.	Гуськов, Сергей.	Состоял членом Красной гвардии за № 71 при Замрайонном штабе. Участвовал в бою на Остоженке при взятии Штаба белых, где было взято пленных около 150 чел., в том числе один полковник. Командующий Московского гарнизона Рябцев бежал переодетым в рабочую одежду.
3.	Парамонов, Семен.	Был членом Красной гвардии Замрайона, бронировал трамвайные вагоны и выезжал с оружием в руках к Каменному мосту, где принимал участие в обстреле Кремля и принимал участие в обстреле штаба белых на Остоженке.
4.	Кречетов, Иван.	Участвовал в обстреле штаба белых на Остоженке.
5.	Казаков, Алексей.	Принимал активное участие в обстреле Городской Думы.
		Сообщил секретарь ком'ячейки В. Климов.

29-го октября 1917 года. Временная цена 12 коп.

Листок Социал-Демократа.

Изд. Замоск. Районного Комитета Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

В Петербурге образован Совет Народных Комиссаров во главе с тов. Лениным. Издан декрет о мире.—Смертная казнь отменена.— Вся земля передана земельным комитетам. — Северный фронт целиком за нами.— В Москве правые эс-эсры предали народ.—Рябцев изменил революции и действует вместе с юнкерами, казаками и буржуазной гвардией.

Победа рабочих и солдат близка!

Полная победа в Петербурге.

Погромная газета «Труд» распространяет по городу провокационные известия о сдаче Питера.

Эти сообщения—гнусная ложь, распространяемая с чисто провокационной целью. Сейчас получены сведения из Петербурга. Образовано Советское правительство, большевистское по составу. Питер всецело в наших руках. *Приходящие с фронта войска присоединяются к нам целиком.* Их посылают для расстрела, а они переходят с восторгом на сторону рабочих.

Мир предложен.

Всероссийский с'езд *уже издал декрет* о *мире*. Обращение направлено ко всем народам и ко всем правительствам.

Предлагается заключить немедленный, справедливый, демократический мир на общей конференции народных представителей.

Смертная казнь отменена.

Всероссийский с'езд Советов отменил смертную казнь и уничтожил эту меру, введенную правым эс-эром Керенским и его бандой.

Земля передана Земельным Комитетам.

Издан декрет о переходе всей помещичьей земли к земельным комитетам. Арестованные низложеным правительством крестьяне-члены земельных комитетов—освобождены.

Позиция питерских эс-эров.

В «Деле Народа» (орган Чернова) от 27 октября напечатано:

На вчерашнем заседании группы С.-Р. Всероссийского С'езда Советов принята следующая резолюция: 1) указать товарищам большевикам на необходимость образовать министерство в согласии с другими революционными партиями, ушедшими со с'езда; 2) если переговоры ни к чему не приведут, группа С.-Р. будет поддерживать большевистское министерство, не входя в него и не отказываясь от технической работы; 3) созвать Всеросс. С'езд Сов. Кр. Деп. и 4) стремиться к обеспечению созыва Учредительного Собрания.

Северный фронт целиком за нами.

Попытки Врем. правительства вызвать себе вооруженную поддержку из армии Северн. фронта потерпели крах. Армии *отказались* дать войска. В Пскове образован Северо-Западный Военный комитет. Даже генерал Черемисов, поставленный перед фронтом, относится к комитету дружественно. Движение эшелонов на Питер прекращено.

Ультиматум Рябцева.

Вчера Военно-Революционный Комитет получил ультиматум полковника Рябцева.

Рябцев, который не так давно клялся, что он не пойдет «против» левой части демократии, предательским образом *нарушил* свои клятвы.

Его ультиматум Революционному Комитету гласил: Революционный Комитет должен распуститься, сдать Кремль, а его полки должны сдать оружие, взятое в арсенале. Это наглое требование полковника означает начало *гражданской войны против Советов*.

Калужский Совет был разгромлен разбойниками Керенского. Теперь хотят разгромить один из важнейших опорных пунктов Революции — Московский Совет, разбить силы московского пролетариата.

Московская Дума против солдат и рабочих.

Московская Дума во главе с *правыми* эс-эрами и *кадетами*, злейшими врагами народа, выступила ядром контр-революции. Организованный ею «Комитет Общественной безопасности» поставил себе целью активную борьбу с рабочими и солдатами

Господа Рудневы *предали* рабочих самым подлым, самым гнусным образом.

Они вооружили *белую гвардию буржуазии* сыновьями фабрикантов, домовладельцев, спекулянтов, дали они оружие для расстрела рабочих. Вот почему они так бешено кричали против *Красной гвардии пролетариата*.

В то время, как *левые* эс-эры в Петербурге ходят в Революционный Комитет, *правые* эс-эры в Москве, перешедшие на сторону врагов народа, стреляют в солдат и рабочих из *пулеметов*.

Буржуазия и Каледин.

Руководящая группа московской буржуазии, с которой в полном единодушии выступают теперь господа Рудневы, ведет переговоры с душителем Революции *Калединым*, которого эта компания провозгласила диктатором.

Рябцев с Рудневым, Руднев с кадетами, кадеты с Калединым,—все против народа, все против *Советов*.

Дело за Москвой.

Подлые лжецы из «Труда» не добьются своей цели. Солдаты и Красная гвардия наступают. Теперь ясно, что союзники буржуазии будут сметены, если они не сдадутся добровольно.

Товарищи! Все силы в бой! За нами геройский Петербург! За нами революция! За нами честное, справедливое дело, общее дело солдат, рабочих, крестьян.

Последние известия.

ПЕТЕРБУРГ. С Юго-Западного фронта прибыли вызванные Керенским 3 батальона самокатчиков; делегаты от этих частей заявили, что они всецело на стороне Советского правительства.

В Гатчине стоит несколько эшелонов казаков, присланных с фронта Керенским для подавления восстания в Петербурге. Однако казаки пока не предпринимают никаких наступательных действий. Против них двинут царско-сельский гаризон и N полк из Петербурга.

Меньшевиками, с.-р. и кадетами предпринята попытка образовать соединенный комитет, за которым нет ни одного штыка. Пока эта организация ограничилась принятием резолюции, в которой говорится о необходимости накопления сил, чтобы не допустить полного торжества контр-революции в случае разгрома большевиков.

Комитет Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

Рогожско - Симоновский район.

Воеводин.

В Рогожском районе.

(Речь, произнесенная на митинге Рогожско-Симоновского района 6 ноября 1921 г.).

В 1917 году рабочие Рогожского района были под влиянием социал-соглашателей. Рабочими Рогожского района управляли в то время партия эс-эров и группа об'единенцев, и почти всюду, на всех фабриках Рогожского района были представители от этих двух групп, т.-е. тех социалистов, которые боялись власти, боялись того, чтобы рабочие взяли власть в свои руки. Вплоть до июня месяца Рогожский район находился во власти этих социалистов, а большевиков была маленькая горсточка в лице не больше трех-четырех человек, которых почти не видно было в таком большом районе, почти не было видно и в Совете. Я должен упомянуть здесь ряд лиц, которые боролись за то, чтобы снять маску с людей, руководивших районами. И только в июне месяце начинают здесь пробуждаться идеи большевизма, только в июне месяце, с появлением здесь одного из вождей района, тов. Самойловой[1]), которая неустанно работает совместно с другими товарищами, неустанно работает среди рабочей массы, которая бросается в первую очередь не разбить Совет, как таковой, не разбить его Исполком, а прежде всего к рабочим, растолковать им, внушить, что так дальше вести дело нельзя. И эти товарищи работали днями и почти что ночами. В день проводилось в Рогожском районе до 10 митингов. После больших усилий Рогожский район пошел через головы своих вождей-соглашателей—эс-эров и об'единенцев. Когда удалось, наконец, раз'яснить массам, что представляет собою Рогожский Совет, тогда товарищи увидели, что теперь нужно действовать против такого Совета, который побоялся лозунга «Власть Советам». В нашем районе в июне месяце и до начала июля нельзя было говорить о власти Советов. В нашем районе в июне месяце и до начала июля нельзя было выступать с революционными лозунгами, и только после работы этих товарищей, после того, как был переизбран районный Совет, этим товарищам удалось, наконец, и выбрать Исполнительный Комитет, который мог проводить лозунги пролетарские, революционные лозунги. Но старые «вожди» не хотели расстаться со своей властью: не хотели подчиниться даже большинству районного Совета, не хотели сдать дела Исполкома. И в тот момент, когда под Петроградом разыгрывалась драма, когда под Петроградом генерал Корнилов наступал, когда Москав вся была сосредоточена только на том, как бы дать отпор этому генералу Корнилову, в это самое время эти социалисты путались в ногах Рогожского района. И все-таки усилиями товарищей, пришедших с фабрик, усилиями большевиков, которых получилось огромное большинство в Совете, этих социалистов-революционеров и об'единенцев удалось все-таки выжить.

[1]) Землячки.

И вот уже в сентябре из маленькой группы большевиков выросла огромная армия революционных рабочих Рогожского района, уже насчитывавшая до 600 человек. И эти рабочие были настолько революционно настроены, что они уже не боялись бросать революционные лозунги, они, не стесняясь, шли с этими лозунгами на всех демонстрациях, и в октябре месяце Рогожскому району пришлось сыграть не последнюю роль в истории Октябрьских дней. Рогожскому району пришлось выдержать огромный натиск, который ему грозил со стороны его тыла. Но Совет Рогожского района надеялся, что фабрики в большинстве своем не отуманены теми социалистами, которые боялись революционных лозунгов и которые внушали рабочим идеи об учредилке. Здесь в Рогожском районе уже в октябре месяце никто об «учредилке» не говорил. Как только настал октябрь, несмотря на то, что никакого оружия у рабочих почти что не было,—мы знали, что рабочие не вооружены, к району стала стекаться масса рабочих, а также к фабрикам и заводам, где никогда не говорили о революционных лозунгах, где эс-эры и об'единенцы только твердили о том, что власть в свои руки брать нельзя, что нужно Учредительное Собрание. И здесь, в Октябрьские дни, не имея почти оружия или имея его в небольшом количестве, Рогожский район сыграл не последнюю роль в Октябрьские дни. Рогожский район участвовал в разоружении юнкеров Александровского училища. Рабочие Рогожского района и при взятии Кремля сыграли не последнюю роль. Начиная с Солянки, где были юнкера, они теснили их до Кремля и первыми вошли в Кремль, когда юнкера сдались.

Из Рогожского района снаряды разбивали Кремль. И вся эта работа проделана товарищами, которые в феврале месяце не чувствовали за собой силы и на которых с марта месяца смотрели, как на отщепенцев. Считаю нужным отметить деятельность товарищей Варенникова, Кирсанова, Смолова и других, благодаря энергии которых Рогожский район сделался одним из революционных.

Воронин.

Из воспоминаний.

(Речь, произнесенная 6 ноября 1921 г. на митинге в Рогожско-Симоновском районе).

Товарищ Воеводин уже сказал в начале своей речи, что здесь в феврале преобладали эс-эры и меньшевики об'единенцы. Совершенно верно. Почему большевики тогда не имели такой силы среди рабочих на заводе? Именно потому, что сила большевиков заключалась не в количестве, а в качестве. Она заключалась в том, что большевики всегда были больше всех притесняемы и больше всех угнетаемы. Вот почему мы к моменту Февральской революции не имели тех кадров, на кот. мы могли бы опереться. Но идеи большевизма были заложены в недрах рабочего класса, и впоследствии они дали те результаты, к которым мы пришли. В мае с приходом сюда Р. С. Землячки, был образован районный Комитет, который повел работу среди рабочей массы. И с каждым днем, с каждым часом стали преобладать революционные идеи большевизма. С каждым днем они упрочивались на всех предприятиях. Уже в июльские дни большевики—тогда еще маленькая горсточка,—собрались и выкинули лозунг: «Вся власть Советам, долой войну», и многие другие лозунги. Но 4-ое июля, когда в Петрограде было движение за власть Советов, в районе было враждебное отношение к этим лозунгам. И вот, собравшись у дома № 23 по Пустой улице, человек 15 отправились на бывш. Скобелевскую площадь. И буржуазия, видя, что идет маленькая горсточка людей, с такими великими лозунгами, за которые впоследствии бились в октябре, с ненавистью и злобой бросалась, чтобы порвать наши знамена. Вспомним далее момент, когда здесь в Москве собралось демократическое совещание. До этого была проделана громаднейшая работа, чтобы завоевать среди рабочих масс господствующее положение. И вот во время этого демократического совещания, несмотря на то,что Совет был против забастовки протеста, рабочие выступили с протестом и забастовали. Это был явный признак, что совершился перелом в рабочем классе, и что меньшевики и эс-эры потеряли всякое доверие в рабочей массе. После этого были выборы в районные думы. И тогда знаменитый список № 5 был преобладающим, и большевики прошли в большинстве. Это говорило за то, что назревает Октябрьская революция. После этого большевики стали постепенно завоевывать в Совете большинство, и с каждым часом назревал момент Октябрьского переворота. Мне припоминается еще то заседание Совета, где был организован Революционный Комитет и собрание всех членов районных дум в Сухаревском Народном Доме, под председательством Шлихтера. Приехал на заседание представитель Московского Совета и заявил, что пред'явлен Рябцевым Ультиматум — распустить Революционный Комитет. Москва была об'явлена на военном положении. Революционный Комитет заявил, что он этот вызов принимает. После этого было знаменитое историческое выступление тов. двинцев. С этого момента и начался Октябрь-

ский переворот. И когда представители Революционного Комитета сказали нам на этом заседании: «направляйтесь в районы и принимайте меры в районах», то почти нигде не было оружия. Но великая идея, проникшая во все умы, была достаточно сильна для того, чтобы мы, как всегда выходя на борьбу с голыми руками, приобретали оружие. Когда мы приехали в районы, мы на другой день увидели, как один завод состязался с другим, кто скорее придет к Совету, чтобы получить оружие. Оружия не было. Помню знаменитую дружину красногвардейцев, бухарцев, гужоновцев и других, которые стекались к дому № 24 на теперешней Коммунистической улице и терпеливо дожидались, когда же, наконец, их вооружат и направят в бой. Там, в центре, уже началась перестрелка, а у нас здесь оружия не было. Но у нас была большая помощь—подарок, Красный революционный подарок от Питерских рабочих,—на Казанский вокзал пришло несколько вагонов оружия. Нам сообщили об этом по телефону, и тогда были мобилизованы автомобили, и тов. Кирсанов с некоторыми товарищами под обстрелом пулеметов перебрались туда и перевезли первую партию ружей. Расколотили ящики, сейчас же разобрали это оружие, сейчас же начали наряд за нарядом посылать в центр. Такие фабрики, как Остроумова, Келлер и другие, где преобладают женщины, присылали целые отряды красных сестер, потому что бой, так бой, война, так война. В дальнейшем борьба протекает более ожесточенно. У нас в районе было два осиных гнезда: это Алексеевское училище и Крутицкие казармы. Юнкеров оттуда нужно было выбить во что бы то ни стало; как поступали к нам сообщения из центра,—у белогвардейцев созрел такой план: рабочих всех выбросить из районов, расширяя, таким образом, свою базу от центра к районам, выгнать рабочих в поле и там расстреливать. Были моменты ужасно тяжелые, трудные моменты, когда юнкера подходили близко к Центральному Московскому Совету. Много славных моментов было в этой борьбе. Мы знаем, что Февральская революция в Москве досталась очень легко. После Февральской революции было несколько человеческих жертв, но в Октябрьской революции погибли в борьбе тысячи человек. А когда, наконец, было получено сообщение о том, что происходит перемирие, тогда весь район, в том числе и наш район первый заявил протест против этого, потому что если победа, то победа должна быть до конца, а не должно быть такого соглашения, чтобы другая сторона считала бы себя как бы равной, и чтобы после этого перемирия начались опять сражения. И вот, благодаря тому, что все районы, все бойцы ни на минуту не сомневались в победе, победа была полная.

Моисеев.

Симоновцы на фронте.

(Речь, произнесенная 6 ноября 1921 г. в театре «Вулкан».)

Я особенно рад, что могу выступить перед вами, представителями Рогожского района, одного из наиболее рабочих и наиболее пролетарских районов Москвы. Этот район в Октябрьские дни сделал не мало. Теперь еще мы видим, после четырех лет, на Алексеевской улице углубления на улице. Те, кто не был тогда, те теперь могут знать, что это остатки прежних окопов, которые были затянуты проволочными заграждениями. Это наш Рогожский район приготовлялся к войне. Значение военное этого района было очень значительно. Наш район представлял из себя путь, по которому белогвардейцы и юнкера могли получить военные припасы из пороховых погребов Симоновки. Эта возможность получения огнеприпасов юнкерами стояла перед Московским центром, и он поставил своей задачей во что бы то ни стало отрезать эту возможность получения снарядов юнкерами. Эта задача была исполнена Рогожско-Симоновским районом. И не только это сделано было. Кроме того, здесь была огромная масса резервов, которыми могли пользоваться юнкера. Это Алексеевское военное училище и юнкерское училище в Крутицких казармах. С другой стороны, для нас этот район имел то значение, что здесь основная масса пролетарского населения, и из этого населения наша московская Красная гвардия получила точно также крупные и большие резервы. Первым большим выступлением, в котором участвовал Рогожский район вместе с Лефортовским и Басманным и вместе с частью 85 полка, это было взятие Алексеевского военного училища. Затем были взяты Крутицкие казармы силами Рогожского района. После этого, когда тыл был свободен, когда ничто не угрожало здесь внутри, весь Рогожский район был переброшен в центр, и, между прочим, наши отряды очистили часть Москвы между Москвой-рекой, Яузой и Солянкой, Варварскую площадь, Варварку, и последний момент застал движение Рогожского района у церкви Василия Блаженного. Там была и наша бригада. После того, как закончилось вооруженное восстание, то и здесь Рогожскому району пришлось много поработать для того, чтобы сегодня мы могли здесь сидеть спокойно, не ожидая никакой непосредственной опасности. После того, как окончились Октябрьские выступления, то появились бандиты и с ними приходилось бороться, и Рогожский район продолжал высылать в центр свои отряды. Рогожский район участвовал потом в разоружении анархистских банд, которые производили грабежи. Рогожский район также принимал большое участие в самом начале нашей гражданской регулярной войны на юге. Вы помните, что вслед за тем, как вооруженное восстание в Москве было окончено, как в Москве была об'явлена Советская власть, когда она уже стала укрепляться в центре России, на юге поднялась белая гвардия, которая черпала свои силы от казаков. Точно так же поднялась Украинская шовинистская рада с угрозой нашей свободе. И вот,

Рогожский район дал огромную часть того отряда, который шел на борьбу с этой радой, и наш Рогожский отряд в составе Первой Украинской армии участвовал во взятии Екатеринослава, Козлова, Киева. После этого части Красной гвардии Рогожского района возвратились в Москву и здесь большинство поступило в начинавшую тогда формироваться Красную армию. Рогожским районом были составлены три полка, а может-быть и больше.

Я знаю о трех. Первый Советский полк, который, помню, здесь формировался у нас, в Астраханских казармах, был на фронте и бился хорошо. О 35-м полке я не знаю, так как я был на фронте, и он формировался без меня. Но особенно памятен мне 38-ой пехотный полк, которого, к сожалению, уже нет. Он назывался 38-м пехотным Рогожско-Симоновским Советским полком. 3 года прошло с тех пор, как этот полк, только что сформированный, был здесь, в этом театре «Вулкан». Тогда я здесь выступал перед нашим полком, который собирался на фронт. Это знамя тогда блистало золотом и ярко-красным цветом, чисто-алым цветом крови. Теперь, оно потемнело, золотые буквы стерлись. Этот полк один из немногих полков Советской России, который не только просил, но требовал своей отправки на фронт и который честно выполнил свой долг. В первом же бою он показал себя, когда шел в лобовую атаку штурмом для защиты на крутую гору, на которой стояла неприятельская артиллерия и пулеметы. Враг был более многочисленным, чем наш полк, однако последний перед этим не остановился. Там, в этом бою мы потеряли 300 человек. Затем было много боев. Мне пришлось разговаривать с нашим командующим, начальником дивизии: последний говорил, что нашему фронту угрожает опасность быть прорванным. Но командующий сказал ему: «разве у вас нет возможности защитить эти места 38-м полком?» И вот, этот полк был послан в наиболее опасные места и, не получая подкреплений, он таял. Последнее сражение, в котором участвовал 38-й полк, было около берегов Маныча в тот момент, когда начиналось крупное наступление Деникинских сил весной 1919 года. И все товарищи, участвовавшие в бою в этот день, за исключением 11-ти человек, погибли в штыковой схватке против кавалерии. Остались лишь те, которые были в это время в больницах и рассеяны были в тылу. Мне не пришлось там участвовать, так как я был болен сыпным тифом. Полк этот был уничтожен. Сабельными ударами были перерублены почти все наши товарищи. Белогвардейцы давно хотели его уничтожить. Как говорят те, которые там были, белогвардейцы сами выкопали огромную братскую могилу и закопали гвардейцев нашего полка и написали: «здесь могила 38-го полка». Мы вспоминали здесь многих, участвовавших в Октябрьском восстании и погибших во время этого восстания, мы вспоминали Варенникова и Кальнина, убитых потом на Западном фронте. Но, товарищи, кроме этих имен, кот. мы знаем и кот. многие будут помнить, кот. записаны, я хотел бы здесь вспомнить о тех безыменных героях, которые дали нам эту свободу, каковой мы теперь пользуемся. Я хотел бы вспомнить о тех рядовых простых красноармейцах, которые там погибли под пулями, под снарядами, в больницах от тифа. Эти имена не достигли истории, они будут забыты, но именно их кровью, их страданиями мы теперь живем. Мы пользуемся плодами, достигнутыми их страданиями, которое они вынесли, когда в холод, в дождь стояли на своих позициях, ходили под снарядами, под пулями, переправлялись через реки в октябрьскую стужу и погибали на фронте от болезней, геройски идя сражаться за Рабоче-Крестьянскую власть, не взирая ни на что. Память об этих безвестных героях должна быть для нас особенно дорога сегодня, в 4-ую годовщину Октябрьской революции.

Борисов.

Октябрьские дни.

Октябрь не был для меня неожиданностью, как и для всех большевиков. Только что он будет в октябре, или сентябре, или в ноябре,—этот вопрос нас мало занимал. Но мы знали и желали, чем скорее—тем лучше. Но не от нас зависел октябрь, как и февраль от революционеров. Революции революционеры не делают, они лишь содействуют ее развитию, соответственно данной исторической ступени экономического развития общества. Мы, большевики, еще до войны ставили своей задачей немедленное свержение царя, и не останавливаться в своей борьбе за социализм. Международная война показала и доказала окончательно, что жить по-старому не только нельзя, но и преступно, не только перед рабочим классом, но и перед всем человечеством. И во время войны дебатировались вопросы: какая будет в России революция: социалистическая или демократическая. Большинство членов, руководителей партии, высказывали мысль о социалистическом характере революции, и что это будет и должно быть во всех странах, если начнутся революции. А в их необходимости мы не сомневались, так как не сомневались, что империалистическая война кончится только благодаря революции.

До Февральской революции я жил в Иркутске нелегально, работая в нелегальной рабочей организации «союз иркутских рабочих». О революции мы узнали 3 марта ночью, когда генерал-губернатор Пильц (теперь в Польше заведывает департаментом полиции), собрал все имеющиеся организации в Иркутске и предложил совместно всем об'явить населению о революции. Революционные организации отказались, и тут же был создан комитет общественных организаций и Совет Рабочих Депутатов, членом которого я был от мастерской, в которой работал. В Москву я приехал в конце марта. Поступил на завод «Динамо», где я был арестован в 1915 г. Завод меня выбрал в Московский Совет, потом я был членом Исполкома, и членом общественных организаций гор. Москвы, до выборов новой думы. Был членом управы и гласным VI районной Симоновской думы. Мы все лето говорили на митингах и собраниях: «только власть Советов предложит всем воюющим государствам мир». Земля народу должна перейти до Учредительного собрания, и все это может быть достижимо только, если Временное правительство будет заменено Советами и т. д. Острая борьба началась в Москве 12 августа, со дня Особого Государственного совещания, когда нас в Московском Совете была половина и когда вопреки постановления Московского Совета, т.-е. меньшевиков и с.-р., рабочие Москвы пошли за нами, т.-е. забастовали в знак протеста против соглашения социал-предателей и буржуазии. Выборы в районные думы, которые происходили в сентябре, показали, что во всех рабочих и солдатских центрах большевики победили. Мы требовали 2 с'езда Советов, на что после упорной борьбы меньшевики и с.-р. согласились. Я был выбран на 2 с'езд Советов от Московского Совета. Воздух был насыщен. Чувствовалось,

что что-то должно совершиться. И как мы, так и враги наши заработали и стали лихорадочно приводить свои «полки» в боевую готовность.

Заручившись всеми мандатами на право проезда в Питер, мы двинулись вдвоем с другим делегатом от Московского Совета на с'езд.

В вагоне рядом с ним ехали молоденькие офицеры. Погончики у них были новенькие. Мы разговорились о приближающейся революции. Они не верили и вообще, как многие из офицеров, доказывали, что большевики работают на немецкие деньги. Хотя один даже склонялся, что денег нет, а есть немецкие дружины. Я полюбопытствовал, будут ли они с оружием защищать Керенского. Они ответили утвердительно. Мы не ругались, говорили в полушутливой форме. Не знаю, на какой станции, но недалеко от Питера, часов в 7—8 получили газеты, где крупными буквами сообщалось: «*Кровь на улицах Питера*». О переходе власти не говорилось. Статьи полны проклятия большевикам. Настроение в вагоне сделалось еще более напряженное.

Питер. На улицах шум, какой был, когда я был в нем в знаменательные июльские дни. Только осень давала о себе знать своими пасмурными днями, и серые великаны—дома, смотрели сурово. Вот знаменательное место—*Смольный*. Тут, видать, что-то творится. Народ взад и вперед так и шагает. Кто с винтовками, кто еще с чем. Автомобильный рев оглушает. Броневики и пушки глядят вверх и на входы.

Наконец, я в его стенах. Длинные корридоры. Продают литературу все партии, входящие в Совет. Тут только что происходило собрание Петроградского Совета, под председательством тов. Троцкого. Выступал тов. *Ленин*, только что явившись из своего нелегального существования. Весь бритый. Пришел с тем, чтобы больше не возвращаться, откуда пришел. Я пока как бы был посторонний человек, т.-е. моя деятельность пока сводилась к регистрациям и получениям билета. Номера билетов говорили—сколько и кого с'ехалось. Фракционный билет у меня был № 380, Советский № 600. Нас больше, но пока немногим. Депутаты все едут и едут. Хвост у фракционного стола стал длиннее, чем у общего стола. Это говорило, что к часу открытия 2-го с'езда, большевиков на нем будет больше. Уже у мандатных столов решалась судьба 2-го с'езда, а также и тех событий, которые в это время разыгрывались у Зимнего дворца. В 8 часов вечера заседание фракции. Председательствовал Стеклов; Ленин делал доклад. Намечен список в президиум. Обсужден порядок дня. Информировано о событиях. Теперь все на свои места до заседания пленума с'езда. С'езд открылся в 2 часа ночи. Открыл *Дан* (меньшевик), сказал вступительное официальное слово, предложил выбрать президиум с'езда. Тов. *Аванесов* от большевиков огласил список. Огласили и другие фракции.

Выборы президиума происходили пропорционально. Нас было ¾ с'езда. Председательствование с'ездом было поручено тов. *Каменеву*. Выбрали мандатную комиссию. Вне очереди тов. *Милютин* от имени Военно-Революционного К-та информировал о взятии Зимнего дворца и об аресте министров. Керенский бежал. С'езд, как море, клокотал и двигался. Нервы у всех были напряжены до последней степени. Но что-то сдерживало от порыва сидящих людей. Начались речи протестующих, вместо обычных приветственных. С кулаками и криками: «тираны, освободите министров-социалистов», кричал Пьяных; ему отвечали: «ваши министры-социалисты освобождены. Но почему вы так не кричали об арестах большевиков вашими министрами-социалистами? Или большевики, по вашему, не социалисты?» Смех был ответом на хрипоту Мартова. И так один за другим сменялись ораторы оппозиции с'езда и грозили всеми страстями. Гробовым молчанием стало отвечать собрание уходящим с трибуны протестантам. А кто на ней не был, и от кого не было толь-

ко угроз! Тут представители армии грозят от всей армии смести самозванцев большевиков.

«Измена, авантюра, предательство»,—так и неслось с трибуны по адресу большевиков. Но на трибуну стали подниматься другие ораторы, которые от лица такой-то дивизии принесли с'езду приветсвие, и их дивизия требует, чтобы Совет взял власть и покончил с капиталистами. Другие ораторы повествуют: нас сняли с Румынского фронта для подавления революционного пролетариата Питера. Наши эшелоны стоят тут-то и побратались с Красной гвардией и дали клятву сражаться за Советы. «Казачий полк,»—повествует далее оратор,—присланный для подавления питерского рабочего, клеймит позором пославших его. Довольно нас цари посылали бить рабочих, теперь зто время прошло. Так лились речи простых ораторов. Большинство были простые солдаты или казаки от дивизии, полков. Это было красноречивей и правдивей, чем речи представителей армейских комитетов, которые, кстати сказать, были посланы в Питер месяцев 6 тому назад, порвавших связи со своими армиями, забывших о тех, кто их послал, кто находится в окопах и зачем их прислали оттуда.

Меньшевики и правые эс-эры покидают с'езд, Вдогонку им кричат: «скатертью дорога». Кончились приветствия и угрозы. Приступили к обсуждению порядка дня. Пару слов о впечатлении, которое можно было получить неискушенному в политике и политической борьбе человеку. Перед вами человек грозит повернуть фронт для уничтожения самозванцев-большевиков. Невольно закрадывается сомнение, как быть. Но это угнетающее впечатление проходит. Перед вами другой оратор приветствует с'езд от фронта, заявляя, что все, как один, по первому призыву вступят на защиту Советов. Так перед вами проходит вереница ораторов.

Первый вопрос о мире. Тов. *Ленин* делает доклад. Зал дрожит от аплодисментов. На трибуне бритый *Ленин;* с напряженным вниманием слушают доклад, и как будто кругом ничего не совершается. «Итак,—кончает тов. Ленин,—мы согласны заключить мир со всеми вместе и с каждым в отдельности». Вновь все гудит, и тут же принимаются резолюции, которые по радио делаются достоянием всего мира. Второй вопрос о земле. Тов. Ленин докладывает. С тем же напряжением слушает его с'езд. Мы ничего не выдумаем нового,—говорит Ленин. Мы говорим то, что представители крестьян сказали с мест. Они сказали: «Социализация эс-эровская». Пусть будет так. Пусть ими выработанный закон будет нами утвержден. Хотя мы, большевики, с ними принципиально не согласны, но пусть на опыте крестьяне сами убедятся в его бессмыслице и сами откажутся. Итак, земля переходит в полное и безвозмездное пользование к тем, кто хочет на ней трудиться. Гром аплодисментов одобряет предложенный закон. Он также по радио делается известен всем не только русским крестьянам, но и крестьянам всего угнетенного мира. Принимаются еще два постановления. Отмена смертной казни и немедленные выборы в Учредительное собрание. 1 день с'езда закрылся в 6 часов утра. 2 день и 3 были спокойнее. Было утверждено Временное Советское правительство, под председательством тов. Ленина.

Что было на улицах Петрограда—трудно описать в статье. Смольный же все дни дрожал от народа. Получив билет, мы вдвоем опять поехали в Москву. Выходим на Каланчевскую,—нет трамваев. На улицах как бы пусто. Что такое,—думаем. Куда идти, домой или в Совет. Решили идти домой. Жил я в Симоновской слободке. Подхожу я к Красным воротам,—стоит вооруженный трамвайщик. Между прочим, была суббота. Первый день восстания. Иду на Землянку к Таганке. Навстречу автомобиль грузовой. Смотрю, молодой человек, можно сказать, мальчуган, кричит—«стой!»—снимает винтовку с плеч.

Иду дальше, навстречу член Совета, меньшевик. «В чем дело?»—спрашиваю. «Вот видите, что делается, не знаю». С ним я повернул в Совет, так как он шел в том же направлении. Идем по Мясницкой. У почтамта солдаты. Идем дальше по Мясницкой. Вдруг стрельба. Народ весь шарахнулся по сторонам. Получилась свалка. Выяснил, в чем дело. Идти дальше нет возможности. В центр не пускают юнкера. Пошли бульварами. Со Сретенской каланчи постреливает пулемет. Куда и по кому, непонятно. Народу много на улицах и у ворот. Подходим к Красной площади. Неожиданно затрещал пулемет. Все в ворота. Стрельба кончилась. Я пошел к Тверской, уговорил часового пустить к Совету. Тверская чиста. Окна приказано закрыть. Из них были выстрелы по солдатам. Стреляли и по ним. На Советской площади легкие и тяжелые пушки смотрят в три стороны. Тут и пулеметы.

В Совете в комнате Военно-Революционного Комитета толкотня. Пара слов с тов. *Лениным,* и меня направляют в новый центр В.-Р. К. Публика ожидала скоро падения Совета. Я в Гнездниковском. «Руки вверх!»—и на меня направлена винтовка каким-то техником, из сада бывшей охранки. Спросили, кто. Иду дальше. Слышу: «товарищ»... Смотрю через решотку—смотрят люди. Подхожу. «Товарищ, передай, что мы арестованы юнкерами». Разговаривать опасно. Иду дальше. Мне нужно торопиться. Совет может пасть. Скорее силы из района. Иду по Садовой в новый центр, в случае падения Совета. Там пока - что получают сведения из - под Москвы. Передал о грозящей опасности Совету. Иду в район. У помещения Рогожского Комитета (большевиков) окопы, проволочные заграждения, трехтонный автомобиль, нагруженный вооруженными людьми на выручку Совета. В помещении т. З-ка и другие комитетчики. Хлопочут. Нет полной уверенности, что придется остаться. Здесь недалеко сравнительно кадетские корпуса. Александровская школа прапорщиков. Об энергии говорить не приходится. С первого взгляда можно подумать: «нет порядка, какой-то постоялый двор, а не революционный штаб рабочего района». Сообщил. Иду в свою Симоновку. Смотрю, наши подрайонные (Симоново организационно считалось подрайон) во дворе пороховых складов что-то делают. Не-то спорят, не-то выбирают кого-то. Увидав меня, не дав сказать мне слова, вручают охрану складов. Так до дому и не дошел. Началась работа. В моем распоряжении было 120 старых солдат. Отстранив старый и назначив новый командный состав, я ознакомился с расположением складов.

За час до меня, с нагруженными на нескольких автомобилях лентами для пулеметов, уехали юнкера. На складе было свыше двухсот миллионов патронов. По особо установленным пропускам начал выдавать патроны районным представителям. Находясь в Военном Революционном Комитете подрайона, я все дни восстания не сплю. Жена думает, я еще в Питере, не подозревая, что я давно в Симонове. Устроил баррикадные сооружения, приобрел 3 пулемета и, что называется, чувствовал себя великолепно. И вот тревожное известие. На склады—кадеты наступают с Москвы-реки. Приняли боевой порядок. Я с пулеметчиком вдвоем у пулемета. Мы ничего пока не видели, и никто нам подробности не донес. Открытая нами стрельба заставила меня серьезно относиться к известиям. Что же случилось? С военной точки зрения маленькое недоразумение, но с общечеловеческой—целая трагедия. Какой-то пароход двигался в направлении складов из центра Москвы. Дозоры его останавливали, но он почему-то,—впоследствии выяснилось почему,—не остановился. По нему открыли огонь. В реузльтате один был убит. один ранен. Убитым оказался австрийский пленный. Думал ли он встретить смерть в Москве? Москва представляла из себя вооруженную крепость. Орудия грохотали беспрерывно. Прожектор лизал небо и Москву. Первые дни были для нас тре-

вожны. Рабочие не сразу поняли, что нужно браться за оружие. Да и к тому же на третий день мы только получили достаточно винтовок. Курьезов было много. Много и трагедии. От неумелого обращения с бомбой, одного сильно поранило. Враг хотел скрошить склады, для чего им было послано три снаряда. Но все мимо цели. Этим он ограничился. Немало также хлопот, пока мы их не ликвидировали, приносила нам загадочность Крутицких казарм. Там было юнкерское, георгиевских кавалеров училище. Они держали нейтралитет, как они заявили, когда мы пришли к ним. Один был очень потрясен событиями и застрелился. В моем распоряжении была еще команда хохлов. Учуяв свободу, они стали пить,—и как следует. И ради любви к стрельбе постреливали, чем тревожили часовых и вблизи расположенные боевые дружины. Ночи были темные. Моросил дождь. В одну из таких ночей, изрядно выпив, один хохол вышел на Москву-реку и постреливает. Я с одним солдатом пошел разоружать. Он в нас. Бугорок, дай бог ему здоровья, помешал пуле пройти о мой боковой карман. Пришлось арестовать.

Дело близилось к развязке. Победа чувствовалась за нами. Враг стал просить о перемирии.

Вооруженное восстание кончилось. Началось строительство.

7 ноября 1921 г.

К. Уханов.

Симоновка в Октябрьские дни.

В прошлом Симоновка, удаленная от буржуазной Москвы и ее громадных домов, блестящих витрин, мощенных улиц, театров, представляла грязную, дымную, сбитую кучу заводов и полуразвалившихся хижин, наполненных рабочими, как щели тараканами.

Жизнь в Симоновке была всегда своеобразна: влияние мещанства и буржуазии проникло сюда менее всего; больше всего рождалась ненависть к капиталистическому миру и выковывалась пролетарская солидарность.

В подпольное время, во время Февральской революции, не говоря уже об Октябрьских днях, наибольшим влиянием среди рабочих масс пользовалась сильная большевистская организация. Характерно отметить, что в моменты разгрома реакцией Симоновки революционные силы ее отливали в Питер и, наоборот, в моменты разгрома питерских организаций не мал был прилив сюда питерских работников.

Поэтому Симоновка имела рабочее движение своеобразного характера. Здесь революционное движение не переставало клокотать. Стачки, политические демонстрации, выступления на отдельных заводах чередовались беспрерывно и, в конце-концов, вылились в грозную силу, влившуюся в общий революционный шквал, опрокинувший старый мир. Почва для захвата власти рабочими была подготовлена задолго до Октября, когда был создан Ревком.

26 октября в Ревкоме шла спокойно подготовительная работа. Внезапно около 4 часов вечера под'ехали к пороховым погребам грузовые автомобили и быстро высадилась группа студентов. Оставив здесь пулемет и часть людей, они под'ехали к зданию Ревкома, где в это время находился председатель Ревкома и несколько ответственных товарищей. Один из автомобилей здесь остановился; другой отправился на завод «Амо».

Увидав чужих по виду людей, мы сразу определили в них белогвардейцев. В один момент у остановившейся машины собралась небольшая группа рабочих, к которым офицеры обратились с вопросом: «Где у вас тут большевики?» Не получив ответа, выругались: «А, сволочи, все попрятались». Невооруженные и неподготовленные рабочие нервничали; один из товарищей намеревался бросить под автомобаль бомбу без капсуля, не подозревая, что она не взорвется. Благодаря случайному вмешательству другого рабочего зто не было сделано. Через несколько минут белогвардейский автомобиль вернулся с трофеем, ведя за собой отобранный на заводе «Амо» автомобиль. Вступать в бой было еще некому. Офицеры, взгромоздясь на автомобиль, быстро повернули обратно на пороховые погреба, где пытались завладеть ими, но, не рассчитывая на свою силу и, видимо, боясь наружного спокойствия Симоновки, нагрузили автомобиль патронами и быстро скрылись.

Это было сигналом. Вся Симоновка поднялась.

Возмущение, ропот со стороны рабочих, что им не дают оружия, и досада, что белые ускользнули,—возбудили боевое настроение. Толпы рабочих со всех сторон стекались к Ревкому, кое-где появилось оружие и под руководством Ревкома были заняты пороховые погреба, вырыты окопы. В то же время все санитарные автомобили завода «Амо» были взяты, организован Красный Крест и направлен к Московскому Совету.

По дороге из Симоновки в центр находятся Крутицкие казармы, где в то время помещалась школа прапорщиков. Организованный отряд должен был занять эти казармы. При соприкосновении с прапорщиками, последние побоялись вступить в бой и сдались. Путь был очищен. На другой день на железной дороге был найден вагон с винтовками, который немедленно был переброшен в Симоновку, и Симоновка ощетинилась.

Вооруженные отряды пробивались в центр.

Участвуя в последнем кольцевом наступлении на юнкеров, отряды симоновских рабочих довершали победу Пролетарской Революции.

И. Я. Ледов.

Воспоминание об Октябрьской революции в 1917 г.

После Февральской революции в районе широко развернулась работа социал-демократов.

У нас на «Марсе» митинги происходили сзади фабрики на лужайке на берегу Яузы.

Районные митинги происходили на Андроньевской, Рогожской и Таганской площади, из ораторов помню тов.: Гомзякова (об'единенец), Игумнов (большевик), Воеводин (об'единенец, теперь коммунист), Белобородов (сочувствующий большевикам).

По праздничным дням я с женою посещал центральные митинги около памятника Пушкина и Скобелева, где выступали ораторы всех партий, и нужно было видеть злобу буржуазии, когда выступал большевик, чтобы сразу определить какая партия ближе их сердцу. Буржуазия вела в это время усиленную агитацию против большевиков, называя их шпионами, подкупленными на немецкие деньги. Советовали продолжать войну. Агитацию они вели в группах и среди одиночных лиц, особенно среди солдат, кухарок, дворников, извозчиков и т. д.

Среди этих групп я вел большевистскую агитацию, раздавая литературу и указывая, что буржуазия всех стран, в том числе и наша, наши враги, а рабочие всех стран наши друзья. Затем, агитировал о передаче земли крестьянам, об окончании войны и т. д. Если при этом присутствовали представители буржуазии, то они старались меня сбить с толку, кричали громко в ухо и т. д., но всегда большинство слушателей, особенно из рабочих и солдат, принимали мою сторону, т.-е. поддерживали большевистские лозунги: «Долой войну», «Дать крестьянам землю». Эти лозунги легко достигали сердца рабочего и крестьянина и показывали ему его друзей и защитников.

Из этих митингов я вынес такое тогда впечатление, что Керенский и война не популярны и что власть легко перейдет в руки большевиков, которым рабочие доверяли и охотно слушали.

16 сентября 1917 г. было экстренное собрание всех членов Р. С.-Д. Р. П. (большевиков); из этого собрания меня с женою вдруг вызвали районный организатор тов. Самойлова (Землячка) и председатель Райсовета тов. Прямиков (убит), при этом присутствовали также тов. Смирнов, Семен и секретарь, тов. Листова Вера, и мне предложено было означенными товарищами занять место коменданта при помещении Райкома (Большая Алексеевская, д. 24). Я на это согласился и взял расчет у «Марса». Для меня Райком приобрел винтовку с патронами за 70 руб., кроме этого была куплена винтовка для председателя Совета, тов. Прямикова.

К этому времени на предприятиях начали организовывать отряды Красной гвардии, во главе Красной гвардии стояла коллегия из т.т.: Бориса Владимировича Салько, Галанова, Чеботарева, Бачурина и Муси.

Коллегия держала связь с местами, доставала оружие, которое приходилось покупать часто испорченное, или не хватало частей,—все это, однако, чинилось и исправлялось на предприятиях. Ко дню восстания в районе было 18 винтовок различных систем: итальянских, германских, берданок и русских.

Накануне восстания было заседание по выработке плана защиты Райсовета, под руководством Прямикова и Самойловой; на заседание были приглашены старшие унтер-офицера. На меня пало задание найти лопаты, выкопать несколько окопов, и сделать проволочные заграждения. На этом же заседании было получено задание от центра—подготовить боевые силы.

Штаб представлял из себя в эту ночь муравейник: люди копошились, звонили телефоны, являлись вооруженные люди с предприятий и т. д.

В числе первых, явились «Марс», около 80 чел., затем Бухаринский парк, Гужон и т. д. Колючую проволоку в автомобиле привезли с завода колючей проволоки из Сыромятников. За лопатами я обратился в склад Филатова, Б. Алексеевская 24, куда, я видел перед этим, привезли три воза, но заведующий пытался скрыть это, а затем без разрешения председателя Райсовета отказался выдать. Разрешение на получение лопат было дано т. Прямиковым, и лопаты без ручек были получены в количестве 400 штук. Ручки к 200 лопатам сделали столяры с завода Подобедова, а остальные 200 штук мы с помощью ножей, насадили в помещении Совета.

Затем, взяв 15 чел. т.т. из находившихся в Совете, я отправился рыть окопы по Алексеевской улице, и при рытье окопов обратил внимание на товарища солдата, который показывал, как лучше рыть окопы. Он оказался раненым из госпиталя, и я ему поручил пойти в Совет, взять людей и лопаты и начать рыть окопы в противоположном конце Алексеевской улицы, около дома № 25. Из Совета т. Прямиков и Самойлова выслали также рыть окопы по другим улицам и переулкам.

Работа кипела, и настроение было праздничное. Около окопов были также и проволочные заграждения. Из Бухаринского трамвайного парка рабочих пришло человек 50, но узнавши, что оружия нет, они ушли обратно на дежурство в парк, предупредив т. Прямикова, что у них дежурит трамвай и что, если нужна будет их помощь, то они будут в распоряжении Совета через 5—10 минут.

После их ухода, через несколько часов, привезли из 85 Запасного полка 70 шт. винтовок, и к этому времени пришло распоряжение из центра выслать 50 чел. подкрепления на Варварскую площадь. Позвонили бухаринцам и через 10 минут они явились в строю под командой тов. Афоничева, быстро получили винтовки и в строгом порядке отправились в бой, решительные и смелые.

Остальные бывшие в Совете т.т. из других предприятий на 4 грузовиках были отправлены в Кремлевский Арсенал за винтовками. Кремль был еще в наших руках. Из Кремля их выпустили, но на Кремлевской площади их встретили юнкера, обезоружили и вместе с автомобилем и винтовками отправили в манеж. Из манежа люди были все отпущены, а автомобили и винтовки оставили для себя юнкера. К этому времени из 85 Запасного полка прибыло еще 85 винтовок, которыми вооружили рабочих различных предприятий, и отправили снова в центр.

Когда выяснилась неудача получения оружия из Кремлевского Арсенала, были посланы 2 автомобиля: один на Рязанский вокзал за винтовками, под начальством тов. Бутусова (с завода Подобедова), а другой в Симоново за патронами. Эта экспедиция удалась: один автомобиль привез несколько де-

сятков ящиков с новыми винтовками, другой прибыл до верху нагруженный ящиками с патронами.

Поздно вечером, из Астраханских казарм, т. Павлычев привел группу солдат-добровольцев, около 30 чел., в распоряжение Революционного Комитета.

Революционным штабом, на Андроньевской площади была поставлена батарея тяжелой артиллерии, которая произвела лишь один пробный выстрел по манежу, ей отвечал противник обстрелом из 3-дюймовок.

В виду получения задания взять Крутицкие казармы, где находилась школа прапорщиков, артиллерию с Андроньевской площади перевезли к Покровской заставе, туда же отправили на автомобилях несколько десятков вооруженных бойцов.

После пред'явления ультиматума при содействии Симоновских рабочих, прапорщики сдались, а их начальник был привезен в Райсовет.

Мне было выделено 60 чел.—по 12 чел. на 5 окопов, и такая же смена для охраны Райсовета. Я разводил смены, проверял посты и т. д., кроме этого в помещении Райсовета, Б. Алексеевская, 24, был еще сильный резерв.

В эту ночь в центре затрещали пулеметы, забухали орудия, и началась горячая ружейная перестрелка. На утро в Революционном штабе было получено известие, что 500 чел. из Запасного 85 стрелкового полка добровольно отправились в центр в наступление на юнкеров. В тот же день было получено из Золоторожского парка извещение, что из Кадетских корпусов обстреливают прохожих. Из центра было получено задание взять эти Кадетские корпуса и Юнкерское училище совместно с лефортовцами. Мигом были собраны вооруженные силы, установлена связь с лефортовцами. Юнкерское училище и Кадетские корпуса были изолированы со всех сторон, затем был пред'явлен часовой ультиматум на сдачу. Юнкера и кадеты от сдачи отказались, и наши перешли в наступление с артиллерийским обстрелом лефортовцев. Наступление закончилось победою: трепещущие и испуганные «детки» буржуазии сдались на волю победителей. В помещении Райкома и Райсовета в эти дни кипела ключом жизнь: под'езжали и уезжали автомобили, повозки, кухни, развозя бойцов на боевые посты, подвозя для них обеды, ужины и патроны. Тут же формировались перевязочные отряды, которые тоже отправлялись на боевой участок района: Варварскую площадь, Варварку и Красную площадь. Наши санитары и сестры под огнем убирали и перевязывали раны. Этого момента боевого оживления участники боя никогда не забудут: было весело, радостно, особенно, когда мы получали вести о победе над юнкерами.

Наши кашевары были австрийские и германские военнопленные с завода Гужон. Когда юнкера со стороны Таганской площади начали обстреливать Б. Алексеевскую улицу и в это же время был обстрел противником из 3-дюймовых орудий, военнопленные затребовали у меня оружие; просьбу их удовлетворили.

При варке пищи на дворе Райсовета мы были обстреляны, неизвестно откуда; осмотр колокольни Мартина исповедника и высоких домов был безрезультатен.

Из активных работников Октябрьской революции были: Прямиков, Самойлова (Землячка), Кирсанова, Афоничев, Бутусов, Бобков (из завода Подобедова), Мельников, Моисеев Илья, Бачурин, Игнатов, Федоров В., Кудельский, Калинин, Мальков, Клеманов, Полудин, Свободин, Листова, Чеботарев, Павлычев, Малышев (из Бухар. парка), Никандров, Пальянов, Воеводин, Салько Б., Бирде, Радзивилов А., Смирнов С., Галанов.

Одну ночь нам пришлось в окопах провести в воде.

День за днем, в результате горячих боев стала выясняться наша победа и, наконец, с падением Кремля наши бойцы вернулись по домам. После окончания боевых действий наступил организационный период в районе. Совет из-за тесноты перешел в другое помещение. Я получил должность коменданта Красной гвардии, а затем при организации Районного Военного Комиссариата, получил должность коменданта караульного отдела. В бытность мою комендантом, я сформировал две караульные команды, из которых одна влилась, как кадр, в 38 Рогожско-Симоновский полк, а другая—в 35 Рабочий Рогожско-Симоновский полк.

К. Духонин, Листов, Моисеев, Мельников, Ледов, Воеводин.

Октябрьская революция в Рогожско-Симоновском районе.

15 Октября. В район прислано Центральным Комитетом партии письмо тов. Ленина, призывающего московских рабочих к предстоящей кровавой борьбе.

Спешно заседают районные комитеты. Спешно созывают общие собрания членов партии. По фабрикам и заводам разосланы агитаторы. Боевая пятерка напряженно ведет организационную боевую работу. Рабочие дружины по предприятиям еще теснее сомкнули свои боевые ряды.

28 Октября командующим Московским военным округом Рябцевым, поставлен ультиматум: «Распустить военный революционный комитет или принять бой».

Вызов принят. Московский Комитет об'явил всеобщую забастовку братания рабочих с солдатами. С утра раздались по району гудки. Завод за заводом, фабрика за фабрикой, бросая работу, уходили домой.

В тысячах грудей кипела ненависть и глухой протест против буржуазной своры, нападающей на пролетарскую свободу.

По Алексеевской улице, Дурному переулку, у Краснохолмского моста роются окопы, устанавливаются проволочные заграждения. По всему району расставлены усиленные патрули и особо усиленные у Яузского моста, связывающего центр с районом.

Район насторожился и ждет. Он готов принять бой. В руках Райкома огромная живая сила—горящая энтузиазмом, скованная единой идеей пролетарской борьбы, рабочая масса. Нет только оружия. В районе всего три заржавленных берданки, несколько револьверов на руках у отдельных товарищей, какие-то кинжалы и всякий лом.

Напряженно решает комитет и революционная тройка вопрос: «Как добыть оружие», а наверху, на чердаке, в доме 24, по Алексеевской улице, собрался Союз Молодежи и решает тот же вопрос. В их горячих головах родится план добыть оружие во что бы то ни стало, тайком от партии, поставив ее уже перед совершившимся фактом. После многих предложений было решено выделить небольшой отряд, который ночью, удалив милиционера, захватит один из бывших оружейных магазинов в центре.

Но Союзу Молодежи не удалось выполнить своего плана. В туже ночь в центре начался бой.

Полетели гонцы по фабрикам, те же члены Союза Молодежи, с быстротой молнии в район стали стекаться отряд за отрядом. Первым пришел отряд Бухаринского парка, за ним бежали, перегоняя друг друга, гужоновцы, рабочие завода Подобедова, фабрики: Марс, Каравая, Янгуэр и другие. Работницы фабрик Остроумова, Кёллер, Сумина, целыми группами шли в район, записываясь в отряды красных сестер.

Совет не вмещал больше пришедших, а вокруг него кипела масса людей, просящих оружия, чтобы ринуться в бой. Но оружия не было... Каждый удар из орудий, доносящийся из центра, больно ударял по этой мятущейся в порыве борьбы обезоруженной массе. Отряд, еще не вооруженный, двинулся в центр, надеясь там добыть оружие или рыть окопы, если это будет нужно. Но не проникнув в центр вернулся обратно.

Наконец, появилась первая повозка с винтовками из Астраханских казарм 85 полка. Криком радости встретила масса эту первую помощь. Началось быстрое вооружение.

Получены сведения, что на Казанский вокзал прибыло несколько вагонов с винтовками от питерских рабочих, одновременно поступили сведения от Симоновского района, что ими взяты N-ские склады. Настроение поднялось. В район один за другим начали прибывать грузовики с винтовками. В Совете идет быстрое вооружение, кто не умеет стрелять, тут же наспех обучается и присоединяется к отряду. И отряд за отрядом удовлетворенные движутся в центр. За автомобилями с винтовками движутся с фабрик обозы с продовольствием, дымятся походные кухни и отправляются за отрядами на боевые позиции.

В районе есть уже и пулеметы и бомбометы и даже тяжелые орудия. Окопы заполнены бойцами. Штаб напряженно работает: выдается оружие, рассылаются и принимаются с донесениями разведчики. Держится непрерывная связь с центром.

В районе борьба сосредоточена у Крутицких казарм и Кадетских корпусов: здесь сосредоточены основные белогвардейские резервы. Резервы красных помещены в Астраханских казармах.

Первыми сдались Крутицкие казармы и освободившиеся силы были брошены к Кадетским корпусам.

В ночь на «29» три района: Лефортовский, Рогожский и Замоскворецкий сошлись у стен Алексеевского училища, чтобы покончить с белогвардейской бандой. Всю ночь била по корпусам артиллерия. На утро юнкера сдались.

Непосредственная опасность миновала и все силы вместе с 85 полком были брошены в центр и раскинуты по Варварке и Ильинке. Тов Кальнин, управляющий бомбометом, сшиб белогвардейский пулемет, помещенный на Спасской башне, облегчив этим наши дальнейшие действия.

До победы рука об руку с другими районами боролись Рогожские бойцы у Кремля.

30 октября было заключено перемирие. Решался вопрос о мире с признанием противной стороны непобежденной. В районах к этому времени был решен вопрос о штурме Кремля и недовольством была встречена эта весть о перемирии. Перемирие не привело ни к чему: бой снова начался.

Белые были побеждены и сдались. Первым вошел в Кремль Рогожский район. Весть о победе долетела до района. Во всей Алексеевской раздался салют; в штабе и на улице послышалось пение Интернационала.

В район начали стекаться усталые и вместе радостные бойцы. Но не все вернулись с ними обратно. Погибли товарищи солдаты из 85 полка, погибло несколько рабочих с завода Подобедова и просто одиночки, присоединившиеся к нам во время борьбы.

Окончились Октябрьские дни, но долго еще по району перекатывались отголоски борьбы, унося с собой новые жизни товарищей.

Не мало послал Рогожский район бойцов на различные фронты, возникающие во всех концах Советской России.

Не мало погибло дорогих товарищей, смелых бойцов. Только не погибла память о них. Она живет среди нас—рабочих Рогожско-Симоновского райо-

на. И сегодня, в великие дни Октября, вспомним тех, кто боролся с нами и погиб не дождавшись конца. Вспомним первого председателя Рогожско-Симоновского Совета тов. Прямикова, рабочего с завода Колючей проволоки тов. Кирсанова, Кальнина, Федорова, Алексеева и многих других, погибших в Октябре и позже. Бесконечная благодарность и любовь к ним живет в наших сердцах. Память о них передадим потомству и пусть вечным призывом к борьбе звучат их имена.

А мы, оставшиеся в живых, сегодня еще теснее сплотим свои ряды и так же смело и непоколебимо пойдем по пути к коммунизму.

Погибшие в Октябрьские дни.

Погибшие в Октябре [1]).

Вечная память погибшим.

1) *Марголин* — Сокольнич. района.

2) *Жегунов* — Сокольнич. района.

3) *Петров, Яков Петрович* — Кр.-Пресненск. района.

4) *Советов* — Кр.-Пресненск. района.

5) *Шитов* (курсант) — Бауманск. района.

6) *Степановский* — солдат телеграфно - прожекторск. полка, Бауманского района.

7) *Грачев* — Городского района.

8) *Сапелло* — «Двинец».

9) *Кирсанов* — Рогожско-Симоновского района.

10) *Кальнин* — Рогожско-Симоновского района.

11) *Алексеев* — Рогожско-Симоновского района.

12) *Савков, Алексей Алексеевич* — слесарь депо Москва Р.-У. ж. д., 18 лет, беспартийный. Был в отряде особого назначения ст. Москва Р.-У. ж. д., для охраны разных железнодорожных сооружений и магазинов. Решил уйти в город и примкнул к Замоскворецкому отряду. Был убит на Красной площади 31 октября. Осталась мать с маленькими детьми.

13) *Морозов* — рабочий завода Бромлей. Отбывал каторгу с 1905 г. до Февральской революции.

14) *Лисинова, Люся* — курсистка Коммерческого института подпольная кружковая работница в 1916 г. Энергичная с большими организаторскими и агитаторскими способностями. Находилась в санитарном отряде, бесстрашно исполняла свой долг. На Остоженке вражеская пуля сразила ее прямо в грудь. (Сообщил тов. *Уваров.*)

15) *Киреев, Александр Адрианович* — юноша 18 — 19 лет, слесарь завода Михельсон. Погиб у Каменного моста на Набережной 20 октября. Вражеская пуля сразила его, попав в голову. Во время стрельбы кричал: «тов. Стрелков, Уваров, бей белогвардейцев!» (Сообщил тов. *Уваров.*)

16) *Андреев* — мальчик 14 — 15 лет, работал учеником на заводе Михельсон, сын кузнечного мастера означенного завода. На Остоженке не удовлетворялся стрельбой из окопов, не видя противника. Влез на бруствер окопа; белогвардейцы заметили смельчака, открыли пулеметный огонь и

---

[1]) При всем старании Губбюро Испарта не могло получить сведений о всех погибших, которых нужно считать, конечно сотнями, Нравственная обязанность районных бюро Испарта серьезно взяться за установление имен погибших в октябре и их кратких биографий.

Относительно многих, приводимых в этом списке, редакция не имела возможности установить даже самых элементарных биографических сьедений.

изрешетили его пулями. После этого был втащен в окоп, отправлен в госпиталь, где промучился около 3-х суток. (Сообщил тов. *Увароз*).

17) *Гавердовский, Нестор Георгиевич,* 21 года, рабочий Трехгорной М-ры механического отдела. Вышедший из рабочей семьи, работал в самых тяжелых условиях при царском режиме. В октябре взял в руку винтовку и поклялся не выпустить ее, пока не победит белогвардейскую сволочь или умрет. В ночь на 29 октября был сражен пулей от белогвардейской руки на Поварской улице из одного парадного крыльца. (Сообщила Кр.-Пресненская комиссия по сбору материала о погибших коммунистах за время 1917 по 1921 г.)

18) *Игнатов, Андрей Иванович* — рабочий Трехгорной м-ры печатного отделения. Состоял членом Р. К. П. с 1917 г., пользовался большим влиянием среди рабочих. Был членом фабкома и председателем контрольной комиссии. Был убит нечаянным выстрелом во время несения охраны фабрики.

19) *Щербаков, Петр Петрович* — 22 лет, коммунист, в партии с 1908 г., пуговичник, Лефортовского района. Погиб при взятии Алексеевского училища.

20) *Ходяков, Николай Васильевич,* 18 лет, красногвардеец. Медно-музыкальный мастер (Кузнецкий мост, Лемберг). Убит 1 ноября на углу Кузнецкого и Неглинного во время дежурства. Был членом Р. С.-Д. Р. П. Городского района и членом союза молодежи «III Интернационал». Был ранен в живот, умер в тот же день в Белостокском военном госпитале.

21) *Чернов, Григорий Иванович,* 37 лет, электро-монтер (Малая Лубянка, к-ра Шмулевич), солдат (но не красногвардеец), женат (жена, трое детей); убит 3 ноября у Никитских ворот, проходя с пакетом в штаб из гор. Тулы. Родом Смоленской губернии, Юхновского уезда, Митьковской волости, дер. Волкова.

22) *Эннэ, Вольдемар Иоанович,* 25 лет, солдат 56 зап. пех. полка, убит 31 октября 1917 г. при взятии почтамта.

23) *Баскаков, Тимофей Андреевич,* 17 лет, красногвардеец. Убит в сражении 2 ноября на Варварской площади.

24) *Боярин, Филипп Иванович,* 41 года, строгальщик-мастеровой Сокольнического механического завода «Земгор». Ранен у Чернышевского пер. во время боя 1 ноября 1917 г., умер от ран 27 февраля 1918 г.

25) *Верземнек, Отто Петрович,* 25 лет, красногвардеец. Работал в районной управе, Городского района. Убит 29 октября на Сухаревской площади.

26) *Горячев, Василий Филиппович,* 18 лет, переводчик в типолитографии бр. Менерт. До Октябрьской революции был членом III Интернационала молодежи Замоскворецкого района. Убит 2 ноября выстрелом с Кремлевской башни.

27) *Добрынин, Петр Григорьевич,* 23 лет, красногвардеец, токарь, родом из Тульской губ. Убит 1 ноября в окопах на Остоженке. Руководитель защиты Пречистенско-Остоженской позиции.

28) *Зотов, Тарас Михайлович,* 25 лет, красногвардеец. Работал на Курской ж. д., слесарь. Убит на Тверском бульваре.

29) *Карасев, Михаил Васильевич,* 22 лет, красногвардеец. Убит на охране Совета 4 ноября. Служил на фабрике Косунко. Холост.

30) *Малиецкий, Николай Иванович,* 25 лет. Солдат II Сибирского стрелкового полка. Работал в Интендантстве. Женат (жена и ребенок 8 месяцев). Убит в Октябрьские дни, при каких обстоятельствах неизвестно.

31) *Михайлов, Лев Федорович,* 36 лет, солдат 56 полка, 15 роты. Женат (жена и 4 чел. детей—6 л., 4 л., 3 и 2 г.) Убит 30 октября 1917 г.

32) *Обыденов, Поликарп Павлович,* 35 лет, солдат 86 пех. зап. полка. Рабочий ф-ки Шрадера. Женат (жена 35 лет, 2 детей — 3 и 1 г.). Убит 31 октября 1917 г. у Никитских ворот на охране.

33) *Степачев, Илларион Григорьевич,* 21 года. Солдат 1-го запасного телеграфно-прожекторского полка. Женат (жена 21 г.). Убит 2 ноября 1917 года.

34) *Симонов, Филипп Павлович,* 28 лет, солдат 85 пех. зап. полка, 14 роты, 4 взвода. Артист (шантанов). Женат. Умер от ран. Ранен 28 октября 1917 года. в Чернышевском пер. во время охраны.

35) *Трунов, Николай Родионович,* 23 лет. Солдат команды «Двинцев». Хлебопашец, женат (жена 22 лет, ребенок 3 лет). Убит 29 октября 1917 г. у дома бывш. градоначальника во время наступлений.

